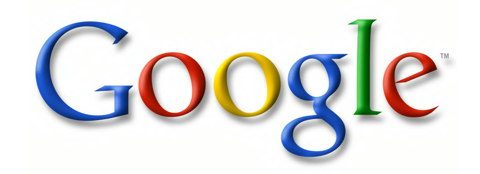
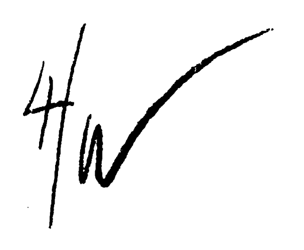

Mamin-Sibiryak - legends

Моему доброму молодому другу отъ его маэстро
М. Фрицнеръ

Франкфуртъ на/М.
12 Іюня 1902.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Легенды.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ, Невскій, 148.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31-го Декабря 1897 г.

Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ. Невскій, 148.

/17

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Майя 1

Баймаганъ. 24

Лебедь Хантыгая 47

Слезы Царицы. 65

Сказаніе о сибирскомъ ханѣ, старомъ Кучюмѣ 146

МАЙЯ.

I.

Шумъ жестокой сѣчи стихалъ... Разбитый на голову непріятель бѣжалъ, оставивъ побѣдителю родной городъ Гунхой. Часть побѣдителей порывалась въ погоню, безъ пощады убивая всякаго, а другая часть, съ ханомъ Сарымбэть во главѣ, приготовлялась занять открытый городъ. Издали это былъ настоящій пчелиный сотъ изъ низенькихъ бѣлыхъ домиковъ съ плоскими кровлями, глухими бѣлыми стѣнами и узкими грязными уличками. Отдѣльно возвышались куполы мечетей и стройныя иглы минаретовъ, отдѣльно стоялъ дворецъ бѣжавшаго хана Олоя, потонувшій въ зелени садовъ.

— Плѣнныхъ не будетъ,—говорилъ молодой ханъ Сарымбэть, подъѣзжая къ городскимъ воротамъ.—Побѣду даетъ Аллахъ.. Городъ будетъ могилой для тѣхъ, кто былъ нашимъ врагомъ больше ста лѣтъ. Развалины покажутъ нашимъ

потомкамъ, какъ мы умѣли мстить нашимъ врагамъ. Плѣнныхъ не будетъ, а побѣду даетъ Аллахъ.

Красивъ ханъ Сарымбэть, молодъ, полонъ отваги, настоящій молодой левъ, который въ первый разъ отвѣдалъ горячей крови. Но жестокія слова сказалъ не онъ, а ихъ придумала старая голова главнаго ханскаго совѣтника Кугэй. Беззубый старикъ точно для того прожилъ восемьдесятъ лѣтъ, чтобы внушить молодому хану жестокія слова.

— Такъ нужно, ханъ, такъ нужно,—шамкалъ старикъ, едва держась въ своемъ мягкомъ сѣдлѣ.—Аллахъ даетъ побѣду, но нужно умѣть ею воспользоваться... Не даромъ наша кровь лилась цѣлыхъ сто лѣтъ. Огонь гасятъ огнемъ, а кровь кровью.

Хищный старикъ замѣтилъ колебаніе въ лицѣ молодого хана, въ его глазахъ мелькнула жалость, и Кугэй залилъ ее ядомъ своихъ старыхъ словъ.

Молча махнулъ рукой ханъ Сарымбэть, и тысячи всадниковъ ринулись грабить беззащитный городъ, въ которомъ оставались старики, женщины и дѣти. Съ гикомъ неслась страшная смерть... Въ городѣ некому было даже защищаться, а только протягивались беззащитныя

руки съ мольбой о пощадѣ. Но ханское слово законъ, и пустѣли одна улица за другой, каждый шагъ впередъ усѣянъ былъ трупами, а по канавамъ лилась кровь какъ вода. Кто умиралъ подъ ударомъ сабли, кто былъ приколотъ пиками, многіе растоптаны лошадинымъ копытомъ, а дѣтей разбивали головками о каменныя стѣны родныхъ домовъ. Это была настоящая бойня, цѣлый адъ... Тысячи людей столпились на базарѣ, въ мечетяхъ и около мечетей—ихъ и убивали тысячами, точно человѣческую жизнь косила острая коса, а смерть висѣла въ воздухѣ.

Ханъ Сарымбэтъ смотрѣлъ на побоище изъ своей ставки и слышалъ только отчаянные вопли, заглушаемые веселымъ гиканьемъ побѣдителей. Восточная часть города уже горѣла и некому было тушить огонь. Показалось облако дыма и въ противоположной сторонѣ.

— Я хочу видѣть городъ,—заявилъ ханъ Сарымбэтъ.

Старый Кугэй нахмурился, но спорить не смѣлъ.

Ханъ Сарымбэтъ въѣзжалъ въ Гунхой, окруженный блестящей свитой, точно всходило утреннее солнце. Несчастный городъ былъ заваленъ трупами, залитъ кровью, лютое пламя довершало жестокое дѣло человѣческихъ рукъ

Не смущалось сердце хана пыломъ кровавой сѣчи, когда онъ летѣлъ впереди другихъ, а тутъ и онъ задумался, когда рѣдкой красоты его боевой конь началъ храпѣть и шарашиться въ сторону при видѣ теплыхъ труповъ. Убитые старики, женщины и дѣти загораживали дорогу. Бѣлыя стѣны сбитыхъ изъ глины домиковъ были обрызганы кровью. Лошадь хана фыркала и дрожала. Самъ ханъ Сарымбэть опустилъ голову, пораженный страшной картиной всеобщаго избіенія. А тамъ—заваленный трупами базаръ, площадь передъ мечетью... трупы, трупы и трупы.

Оставался не тронутымъ одинъ ханскій дворецъ, оцѣпленный стражей. Въ немъ было тихо, какъ въ могилѣ.

— Ѣдемъ назадъ,—сказалъ Кугэй.

Но тутъ случилось что-то необыкновенное. Изъ дворца вырвалась цѣлая толпа женщинъ и бросилась навстрѣчу молодому побѣдителю. Онѣ бѣжали съ распущенными волосами, обезумѣвъ отъ страха, бросались ницъ, моля о пощадѣ. Другія хватались за стремена и цѣловали ханскія ноги, полы его халата, его кривую саблю.

— Бей! скомандовалъ Кугэй.

Началось избіеніе... Это было самое ужасное, что только видѣлъ ханъ Сарымбэть. Женщинъ и дѣтей топтали лошадьми, рѣзали и кололи.

Видъ этой рѣзни отуманилъ и его голову. Вѣдь эти женщины—матери, жены, сестры и дочери его исконныхъ враговъ, онѣ родили проклятое племя Гунхой, онѣ призываютъ своими воплями и слезами только свою безсильную ненависть къ нему, онѣ, вотъ эти женщины, выкололи глаза его дѣду, попавшемуся въ плѣнъ, т. е. ихъ бабушки, онѣ народятъ еще несмѣтное число его враговъ, а счастье перемѣнчиво. Впередъ!.. Ханскій конь врѣзался въ живую толпу, а ханская сабля косила головы направо и налѣво. О, развѣ можетъ быть счастье больше, какъ видѣть поверженнаго въ прахъ своего злѣйшаго врага и наслаждаться его предсмертнымъ хрипѣньемъ... Впередъ! Бей! Плѣнныхъ не будетъ...

Ханскій скакунъ вылетѣлъ впередъ и вынесъ его къ дворцу. Вотъ оно, это проклятое гнѣздо. Ханъ Сарымбеть въ пылу погони на конѣ въѣхалъ прямо во дворецъ. Здѣсь тоже было много женщинъ... Однѣ лежали ницъ, другія, стоя на колѣняхъ, поднимали кверху маленькихъ дѣтей... Нѣтъ никому пощады! Кугэй ворвался во дворецъ слѣдомъ за ханомъ, и началась страшная рѣзня.

— Бей... бей... бей...

Въ одной изъ дальнихъ комнатъ дворца ханъ увидѣлъ сидѣвшую на коврѣ молодую женщину

поразительной красоты. Она сидѣла, обнявъ колѣни руками, и не шевелилась, не молила о пощадѣ, не плакала, а съ достоинствомъ ждала своей смерти. Старый Кугэй, задыхавшійся отъ кровавой работы, подбѣжалъ къ ней и уже замахнулся саблей, но ханъ Сарымбэть протянулъ руку.

— Кто ты, женщина?—тихо спросилъ онъ.

— Я—Майя.

Она даже улыбнулась и злобно посмотрѣла на него своими темными, какъ ночь, глазами. Кугэй скрежеталъ зубами отъ ярости, а ханъ Сарымбэть сдѣлалъ уже знакъ, что даруетъ жизнь смѣлой женщинѣ, позабывъ собственный приказъ о всеобщемъ истребленіи.

II.

Городъ Шибэ торжествовалъ, ожидая возвращенія побѣдителей. Да, проклятое племя Гунхой было уничтожено, городъ Гунхой срытъ до основанія, и не осталось въ немъ камня на камнѣ. Такова воля Аллаха... Племя Шибэ и племя Гунхой враждовали издревлѣ, какъ враждуетъ собака съ волкомъ, и вотъ свершилось то, чего не могли предугадать самые умные. Гунхоя нѣтъ, а есть Шибэ...

Возвращавшійся въ свою столицу ханъ Сарымбэть былъ встрѣченъ, какъ молодой мѣсяцъ. Многотысячная толпа ликовала, вездѣ горѣли веселые огни, слышались веселыя пѣсни и клики радости.

— Да живетъ ханъ и да радуется ханское сердце!..

Грустенъ возвращался одинъ старикъ Кугэй. Воля Аллаха не была исполнена и ханское слово измѣнило самому себѣ. Много добычи взяли съ собою войска, и великая радость ожидала ихъ у себя дома. Но стараго Кугэя безпокоила плѣнница, которую везли вмѣстѣ съ добычей къ Шибэ. И для чего она понадобилась хану Сарымбэть? Развѣ не стало у него своихъ женщинъ: тридцать женъ, тридцать прислужницъ—можно еще столько же добыть. Такъ нѣтъ, увидѣлъ Майю и везетъ ее къ себѣ, точно сокровище.

— Майя была наложницей Олой-хана,—шепталъ Кугэй хану Сарымбэть, чтобы возбудить въ послѣднемъ чувство ревности.

— Знаю... коротко отвѣчалъ молодой ханъ.— Ты можешь прибавить, Кугэй, что Майя во дворецъ Олой-хана попала уже не дѣвушкой. Она попала плѣнницей... Ея мужъ—степной батырь.

— Ея мужъ, ханъ?.. Вотъ цвѣтокъ разцвѣ-

тастъ въ полѣ и даетъ плодъ, — развѣ у него есть мужъ?.. Не одинъ батырь былъ у Майи... Она переходила изъ рукъ въ руки, какъ старая монета.

— Старыя золотыя монеты ты самъ любишь Кугэй... смѣялся ханъ. — Онѣ имѣютъ только одинъ недостатокъ, именно, принадлежать только тому, кто ихъ держитъ въ рукахъ.

Шибэ веселился, а Майя сидѣла въ ханскомъ дворцѣ и горько плакала. Да, у нея теперь явились и слезы... Зачѣмъ она не умерла вмѣстѣ съ другими?.. Страшно жить... Она часто просыпалась ночью и вздрагивала: предъ ея глазами проносилась ужасная картина. Отчаянный крикъ матерей, защищавшихъ своихъ дѣтей, стоны раненыхъ, мольбы о пощадѣ и смерть, смерть, смерть...

У Майи было свое отдѣльное помѣщеніе во дворцѣ, куда никто не смѣлъ входить, кромѣ хана Сарымбэть. Да, онъ пришелъ къ ней, но не какъ къ плѣнницѣ, а какъ слуга.

— Не нужно-ли тебѣ чего-нибудь, Майя? У тебя заплаканные глаза... Можетъ быть, съ тобою дурно обращаются?..

Майя сдѣлала отрицательное движеніе головой.

— Можетъ быть ты оплакиваешь хана Олой?— тише спросилъ Сарымбэть.

— Нѣтъ...

— Что же тебѣ нужно?..

— О, еслибы у меня было столько глазъ, сколько у ночи звѣздъ, то и тогда я не выплакала бы всего своего горя... Вотъ ты радуешься, ты счастливъ, а мнѣ тебя жаль. Оставь меня съ моимъ горемъ... Тебѣ—радость, мнѣ—горе.

— Знаю, ты оплакиваешь своего батыря!— гнѣвно сказалъ Сарымбэть.—Женщина принадлежитъ только тому, кто первый ее взялъ... И всей крови пролитой въ Гунхоѣ не хватитъ на то, что бы смыть съ тебя одно имя твоего батыря. Я все знаю, Майя...

— Убей меня, ханъ! Я желаю умереть...

Заскучалъ молодой ханъ Сарымбэть, и ничто ему не мило. Такъ и тянетъ его къ Майѣ, а пришелъ туда и—словъ нѣтъ. Чужими глазами она смотрѣла на него... Не то ему было нужно. Самому себѣ удивляется ханъ Сарымбэть,—такъ приворожила его полонянка Майя. Да, и ночью онъ ее видитъ, и протягиваетъ руки, и говоритъ ласковыя слова, а днемъ смѣлость оставляетъ его, и ханъ бродитъ по своимъ садамъ, какъ потерянный. Не милъ ему и собственный дворецъ, не милы и любимыя жены, и охота, и всякія другія удовольствія. Ничто не мило хану и хо-

дитъ онъ по собственному дворцу, какъ тѣнь.

— Майя... Майя...

Иногда онъ сердится на нее, припоминая ея батыря и хана Олоя. Да, ты вотъ кого любила, Майя... Ты думаешь о своихъ любовникахъ. О, змѣя, змѣя... Мало было убить тебя, а нужно замуровать живой въ стѣну. Нужно отрубить руки, обнимавшія батыря, вырвать языкъ, лепетавшій любовныя слова, выколоть глаза, глядѣвшіе на хана Олоя ласково... вырвать живымъ это змѣиное сердце, бившееся для другихъ! — И много такихъ жестокихъ мыслей роится въ головѣ хана, а увидитъ Майю, оробѣетъ самъ, чувствуя, какъ безсилѣетъ тѣло и путаются мысли въ головѣ.

— Ты меня спрашивалъ, что мнѣ нужно,— проговорила однажды Майя, глядя на него своими темными глазами.—Да, мнѣ нужно... Когда я умру, похорони меня въ степи, въ вольной степи, гдѣ гуляетъ вольный степной вѣтеръ... Есть тамъ озеро Кара-Куль, на его берегу похорони меня. Не нужно мнѣ ханской могилы, не нужно тяжелыхъ камней на могилу.

— Все будетъ исполнено, Майя, но зачѣмъ ты говоришь о смерти?..

— О, я скоро умру, ханъ... я знаю это.

И опять молчитъ Майя, только смотритъ на

молодого хана своими большими глазами. Жутко сдѣлалось хану Сарымбэть, опустилъ онъ свои глаза и чувствуетъ только, какъ замираетъ въ груди его собственное сердце. Приворожила его Майя... Ахъ, если бы она хоть разъ взглянула на него ласково—онъ самъ готовъ умереть. Но смотритъ Майя попрежнему чужими глазами...

Старый Кугэй давно замѣтилъ, какъ измѣнился ханъ Сарымбэть, похудѣлъ, сдѣлался задумчивъ, пересталъ улыбаться и не желалъ ни съ кѣмъ говорить.

— Скучаетъ ханъ...—говорилъ вкрадчиво хитрый старикъ.—Позволь старому Кугэю зайти къ Майѣ, и онъ вышибъ-бы изъ нея своей нагайкой память о батыряхъ и ханѣ Олоѣ... А любовь Майи въ твоихъ рукахъ. Когда я былъ молодъ, то бралъ любовь силой!..

— Ахъ, не то...—стоналъ ханъ Сарымбэть.—Мало ли у меня своихъ красавицъ? Не то, старый Кугэй... Ты поглупѣлъ отъ старости.

— Я поглупѣлъ?..—смѣялся зло старикъ.—Я поглупѣлъ, старый Кугэй? А кто говорилъ тебѣ, чтобы не брать плѣнныхъ изъ Гунхоя? Вотъ теперь ты самъ сидишь въ плѣну у ничтожной плѣнницы... И какой ханъ — молодой, красивый, храбрый! Хочешь, добудемъ десять новыхъ красавицъ, десять новыхъ женъ... Одна

другой краше, какъ цвѣты въ полѣ, а Майя пусть имъ служитъ. Вотъ какъ сдѣлаемъ, ханъ, а ты говоришь: «Кугэй—старый дуракъ».

III.

Такъ прошло полгода, а черезъ полгода гордые глаза Майи опустились сами собой, когда вошелъ къ ней ханъ Сарымбэть.

— Что съ тобою Майя? Ты нездорова?

Она отвернулась.

— Майя...

— Нѣтъ больше Майи... Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Уходи къ своимъ женщинамъ... Тамъ каждый взглядъ купленъ, каждая улыбка—насиліе. Онѣ все готовы сдѣлать для своего повелителя, потому что рабыни не тѣломъ, а всей душой. Онѣ ждутъ тебя... иди!..

Радостно забилось сердце хана Сарымбэть. Это были знакомыя ему слова женской ревности. Майя начинала его любить и сердилась на самое себя. Да, вотъ это не берется ни насиліемъ, ни деньгами. О, велика сила любви и приходитъ она противъ воли человѣка, какъ пожаръ.

Тихо подошелъ ханъ Сарымбэть къ Майѣ, обнялъ ее и прошепталъ:

— Я давно тебя люблю, Майя... Люблю съ перваго раза, какъ увидѣлъ.

Задрожала Майя, какъ молодая зеленая травка, закрыла глаза и отвѣтила:

— Твоя любовь убьетъ меня... Я это чувствую.

— Ты скажи, Майя: ты любишь меня?

У нея не было словъ, а только протянулись теплыя руки и счастливое лицо спряталось на груди хана.

На другой день Майя сказала хану:

— Я тебя вчера любила, а сегодня непавижу...

— За что же, моя радость?

— А помнишь, какъ ты истреблялъ Гунхой? Я смотрѣла въ окно, когда ты своимъ конемъ топталъ беззащитныхъ женщинъ, и вотъ эта рука рубила женскія головы... Да, я тебя ненавижу и вмѣстѣ съ тѣмъ люблю... Меня приводитъ въ ужасъ это двойное чувство.

— Того хана уже давно нѣтъ, Майя, какъ нѣтъ и Гунхоя. Такова воля Аллаха... Онъ дастъ и побѣду, и счастье. Да и чего тебѣ жалѣть: ты была только плѣнницей у Олой хана...

Майя гордо выпрямилась и посмотрѣла на хана потемнѣвшими глазами.

— Я была плѣнницей Олой-хана, но не любила его... А вотъ тебя люблю и въ томъ моя погибель.

— И моя, Майя...

Какимъ счастьемъ пахнуло на хана Сарымбэть!.. Не было ни дня, ни ночи, а одно только счастье. Смѣялась Майя и онъ смѣялся, хмурились ея темныя брови,—и онъ хмурился. Она думала, а онъ говорилъ,—и наоборотъ. Они читали мысли другъ у друга въ душѣ, и это даже пугало ихъ. Иногда Майя задумывалась, и ханъ Сарымбэть хмурился, точно надъ ихъ головами проносились тяжелыя тѣни.

— Майя, о, я знаю, о чемъ ты думаешь!..

Онъ скрежеталъ зубами и падалъ на подушки въ безсильной ярости, чувствуя, что много есть такого, что не въ состояніи вырвать даже любовь. Ахъ, какъ много... Майя чувствовала его мысли и лицо у нея блѣднѣло, точно она умирала. Да, она страдала и за себя и за него, и чѣмъ была счастливѣе, тѣмъ сильнѣе мучилась.

— Майя, не думай ни о чемъ,—утѣшалъ ее ханъ Сарымбэть. — Что было, то прошло, а я счастливъ настоящимъ... О, какъ я счастливъ, Майя!.. Я до сихъ поръ даже и приблизительно не зналъ, что такое любовь...

Ханъ Сарымбэть часто говорилъ и думалъ о

счастьи и всетаки не зналъ, что такое счастье... Здоровый не чувствуетъ въ полномъ объемѣ своего здоровья, такъ и счастливые люди. Онъ даже потерялъ счетъ времени, а оно шло такъ быстро, какъ колесо, которое катится по хорошей дорогѣ.

Разъ Майя припала своей красивой головкой къ груди хана и, краснѣя, проговорила.

— Мой повелитель, мое счастье, моя радость, я тебя подарю скоро величайшимъ счастьемъ, какимъ только можетъ подарить любимая женщина... Твоя радость отпечаталась въ моемъ сердцѣ, и я тебѣ подарю маленькаго хана. Да... Подарю, а сама умру. Я это чувствую...

— Майя, свѣтъ моихъ глазъ, дыханіе моихъ устъ, что ты говоришь?!..

— Да, да... Воля Аллаха неисповѣдима и ты скоро будешь отцомъ. Помни, что ты похоронишь меня въ степи, на берегу Кара-Куль, гдѣ носится вольный степной вѣтеръ. Это мое послѣднее желаніе...

Задумался ханъ Сарынбэть и потомъ засмѣялся. Всѣ женщины боятся родовъ, но вѣдь родятъ же бѣдныя и больныя женщины, а его Майя будетъ окружена и лучшимъ уходомъ, и всякими удобствами.

Все, что можно купить или достать силой— все будетъ у Майи...

Майя не обманулась. Она готовилась быть матерью, и счастливый ханъ Сарымбэтъ ухаживалъ за ней вдвойнѣ, какъ не ухаживала-бы за ней родная мать. О, онъ все дѣлалъ для нея и спалъ въ ея комнатахъ, какъ послѣдній рабъ, чтобы ничто не нарушало покоя царицы Майи. Да, она была царица вдвойнѣ... Какъ онъ караулилъ ея сонъ, какъ угождалъ малѣйшей ея прихоти и какъ былъ счастливъ. Ожидаемый ребенокъ долженъ былъ покрыть собой все прошлое Майи, и съ нимъ рождалась новая жизнь.

— Ты меня забудешь...—говорила грустно Майя со слезами на глазахъ.—У тебя столько красивыхъ женщинъ, а Майи не будетъ. Только одна ея тѣнь пронесется вотъ здѣсь, гдѣ она была такъ счастлива... Помни это, ханъ, и впередъ всякая твоя радость будетъ отравлена. Вотъ здѣсь будетъ незримо бродить моя тѣнь... Здѣсь я была счастлива своимъ короткимъ счастьемъ.

Не вѣрилъ ханъ этимъ тяжелымъ предчувствіямъ, а случилось именно такъ, какъ думала Майя.

Она родила хану наслѣдника, а сама умерла на другой день

Ханъ не отходилъ отъ ея постели и, когда она лежала мертвою, все смотрѣлъ на нее. Даже холодная рука смерти пощадила эту царственную красоту. Никогда Майя еще не была такъ красива, какъ мертвая—лицо такое строгое, блѣдное, точно выточено изъ слоновой кости.

— Майя... Майя... Майя... повторялъ ханъ Сарымбэть, хватаясь за голову. — Моя Майя... Моя дорогая... Майя, ты не слышишь, не слышишь меня?!..

Майя уже ничего не слыхала.

За ханомъ ухаживалъ одинъ старый Кугэй и повторялъ:

— Такова воля Аллаха, ханъ!.. Мы всѣ умремъ...

— Отчего-же ты не умеръ, а умерла она моя Майя?..—стоналъ ханъ, ломая руки.—Ты, старая гнилушка, живешь, а Майя умерла... Нѣтъ справедливости на землѣ. Я не вѣрю Аллаху...

Старый Кугэй въ ужасѣ затыкалъ уши отъ такого богохульства и закрывалъ глаза.

IV.

Похоронили Майю на высокомъ берегу озера Кара-Куль, и вольный вѣтеръ насыпалъ надъ ней могилу.

Ханъ Сарымбэть каждый день просыпался въ слезахъ и въ слезахъ засыпалъ. Его молодое сердце умерло вмѣстѣ съ Майей, закрылась радость, погасъ яркій свѣтъ,—ничего не осталось у хана, кромѣ глазъ, чтобы оплакивать свое черное горе. Опостылѣлъ ему и дворецъ, и зеленые сады, и красавицы жены. Нѣтъ Майи, и ничего не нужно хану... Нѣтъ Майи, слышите?..

Единственное утѣшеніе осталось хану: каждое утро онъ уѣзжалъ на могилу Майи. Пріѣдетъ, пуститъ коня пастись, а самъ сидитъ на могилѣ, горько плачетъ и все зоветъ ее, Майю.

— Майя... Майя... Майя... Слышишь-ли ты меня? Вѣдь я здѣсь, я съ тобой... Смерть насъ разлучила, но она же и соединитъ насъ. Рядомъ я лягу съ тобой, Майя.... Дорогая, родная Майя, я здѣсь... Горлинка моя, свѣтъ мой, я здѣсь!..

Громко кличетъ молодой ханъ Майю, а вѣтеръ разноситъ его жалобу, — одинъ вольный

степной вѣтеръ слышитъ ханское горе, да зеленая степная трава, да ясныя зори. И ни отъ кого не получалъ отвѣта ханъ... Одинъ онъ со своимъ горемъ.

По цѣлымъ часамъ сидитъ ханъ на крутомъ берегу и смотритъ на шелковую гладь степнаго озера, обложенную зелеными рѣсницами камышей, точно рамой изъ дорогаго рытаго бархата. Давно-ли онъ ѣздилъ сюда на охоту, и радовалось ханское сердце молодецкой забавой, а теперь ничего не нужно хану. Майя, Майя... Все ты унесла съ собой, а оставила одно черное горе. Ханъ Сарымбэть, слышишь-ли? Какой ханъ—нѣтъ и хана, какъ нѣтъ Майи, а ходитъ одно черное горе, и плачетъ, и жалуется. Нѣтъ хана—это люди придумали. Если-бы онъ былъ сильнѣе другихъ, то удержалъ-бы Майю, отогрѣлъ ея холодѣвшія руки своимъ дыханьемъ, раскрылъ своими поцѣлуями ея чудные глаза и теплотой своего сердца согрѣлъ эту грудь... Вѣдь живутъ-же другія женщины?.. Ахъ, Майя, Майя... Нѣтъ Майи, нѣтъ и хана!..

Такъ прошелъ и годъ, и другой, и третій.

Попрежнему горюетъ ханъ Сарымбэть, попрежнему ѣздитъ на могилку Майи и попрежнему плачетъ надъ ней и громко зоветъ ее, Майю, и попрежнему не получаетъ отвѣта. Похудѣлъ, по-

старѣлъ ханъ, точно прожилъ тридцать лѣтъ, а въ бородѣ уже серебрится сѣдина. Ханъ Сарымбэть старится, а молодой ханъ, сынъ Майи, растетъ: въ немъ проснулась красота матери. Но не радуетъ хана и любимый сынъ... Тошно ему у себя во дворцѣ, скучно, все надоѣло.

— Кугэй, старая лисица, мнѣ надоѣло быть ханомъ,—сказалъ Сарымбэть своему старому совѣтнику. — Да, надоѣло... Я оставляю вамъ ханомъ сына Майи, а самъ уйду. Нѣтъ моихъ силъ больше... Какой я ханъ, когда не могъ сохранить,посланную мнѣ Аллахомъ, жемчужину.

Низко поклонился хитрый Кугэй, счастливый тѣмъ, что могъ управлять всѣмъ, пока ребенокъ ханъ подросталъ. У всякаго были свои мысли...

Такъ и ушелъ ханъ Сарымбэть изъ Шибэ, распустивъ женъ и оставивъ всѣ сокровища. Даже не взялъ онъ съ собой лишней пары одежды. Для чего?.. Вѣдь и ханъ, и послѣднiй нищiй одинаково будутъ лежать въ землѣ, для чего же обременять себя лишнимъ платьемъ. Такъ и сдѣлалъ ханъ; надѣлъ рубище дервиша, взялъ его кошель и палку и ушелъ изъ Шибэ.

Поселился Сарымбэть на берегу Кара-Куль, около могилы Майи. Выкопалъ землянку и живетъ, какъ отшельникъ. Перечиталъ онъ много

мудрыхъ книгъ, долго и много молился и тысячу разъ передумалъ всю свою жизнь, полную легкомысленныхъ радостей, суетныхъ желаній и мыслей. Онъ не видѣлъ той пропасти, которая была сейчасъ подъ ногами...

Каждый день, каждый часъ, проведенный съ Майей, былъ сокровищемъ, а онъ его не замѣчалъ, ослѣпленный собственнымъ счастьемъ. И такъ всѣ люди живутъ, обвѣянные счастливой слѣпотой...

Жилъ Сарымбэть на берегу Кара-Куль до самой смерти, пока не сдѣлался сѣдымъ и дряхлымъ старикомъ. Къ нему приходили издалека, чтобы повѣдать какое нибудь горе и научиться мудрости. Да, состарѣлся Сарымбэть, и глаза уже плохо видѣли, а онъ все оплакивалъ свою Майю, точно она умерла только вчера. Вѣдь она открыла ему свѣтъ жизни, она отдала ему сердце и душу, и проснулось его сердце...

— Майя, слышишь-ли ты меня? повторялъ онъ каждый день надъ могилой своей возлюбленной.— Ужъ скоро я приду къ тебѣ, Майя, мое счастье, моя радость... Скоро, скоро!..

Сарымбэть вырылъ себѣ могилу рядомъ и спалъ въ ней, чтобы быть ближе къ ней, къ Майѣ.

Разъ онъ молился и слышитъ незнакомый голосъ.

— Ханъ Сарымбэть...

— Нѣтъ здѣсь никакого хана, а есть нищій Сарымбэть.

— Ты меня не узнаешь?

Посмотрѣлъ Сарымбэть—передъ нимъ стоялъ старый—старый человѣкъ съ пожелтѣвшей отъ времени бородой.

— Я--ханъ Олой...

— А, это ты... что же, садись рядомъ: мѣста довольно.

Они долго сидѣли и молчали.

— Сарымбэть, много ты пролилъ напрасной крови, но и искупилъ ее своимъ подвижничествомъ. Я пришелъ мириться съ тобой...

Заплакалъ Сарымбэть, припоминая истребленіе Гунхая и сказалъ:

— Похорони меня рядомъ съ Майей, ханъ Олой... Я завтра умру. Видѣлъ я здѣсь на озерѣ чудо. Когда я былъ ханомъ и ѣздилъ на озеро на охоту, то убилъ лебедушку. Чудная птица лебедь... Когда я переселился сюда, то лебедь, оставшійся безъ лебедушки, каждую весну прилеталъ сюда и каждое утро выплывалъ на озеро и жалобно кликалъ свою лобедушку.

Тридцать лѣтъ онъ прилеталъ, тридцать лѣтъ горевалъ, а въ послѣдній разъ прилетѣлъ, поднялся высоко высоко и грянулся ѻ-земь. Я это видѣлъ и подумалъ, насколько человѣкъ хуже даже глупой птицы... Моя Майя открыла мнѣ глаза, и я знаю только одно счастье, чтобы похоронили меня рядомъ съ ней.

Сбылись слова праведнаго человѣка: когда ханъ Олой проснулся на другой день, Сарымбэть былъ уже мертвъ. Бывшій смертельный врагъ похоронилъ его рядомъ съ Майей.

Такъ было, и сейчасъ, на высокомъ берегу озера Кара-Куль красуется двойная могила хана Сарымбэть съ красавицей Майей. Издалека приходятъ люди, чтобы поклониться ихъ праху: такъ любили они другъ друга... Ровно черезъ сто лѣтъ племя Гунхой напало на Шибэ и разрушило городъ, какъ прежде былъ разрушенъ Гунхой: то сдѣлалъ внукъ Олой хана. Все было истреблено выжженно и разрушено. Но даже враги не тронули могилы Майи, а внукъ хана Олоя самъ пріѣхалъ посмотрѣть святое мѣсто и прослезился.

— Ханъ Сарымбэть показалъ, какъ нужно любить,—сказалъ онъ.—Все проходитъ, разрушается, исчезаетъ, а остается одна любовь...

БАЙМАГАНЪ

I.

Хороша Киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось надъ ней бездоннымъ куполомъ, хороши звѣздныя степныя ночи, но лучше всего новый кошъ *) стараго Хайбибулы, въ которомъ онъ живетъ вмѣстѣ съ своей старухой Ужипой и молоденькой дочкой Гольдзейнъ. Такъ думаетъ молодой Баймаганъ работникъ Хайбибулы, думаетъ и поетъ:

Въ небѣ звѣзды
И въ кошмѣ Хайбибулы звѣзды...
Тамъ и ночью свѣтитъ солнце!
А въ головѣ Баймагана
Мысли, какъ птицы.

— У меня много—много мыслей, и всѣ онѣ, какъ степной ковыль, гнутся въ одну сторону,— говорилъ Баймаганъ, когда они вмѣстѣ съ дру-

*) Кошъ—круглая киргизская палатка изъ войлока.

гимъ работникомъ Урмугузомъ пасли косякъ кобылицъ.—У Хайбибулы всего много... Старая лисица катается, какъ сыръ въ маслѣ, а я ничего не возьму за свои мысли, Урмугузъ.

— Дуракъ ты, Баймаганъ... лѣниво отвѣчаетъ Урмугузъ, покачиваясь на высокомъ киргизскомъ сѣдлѣ.—Какія мысли могутъ быть у такихъ бѣдняковъ, какъ мы съ тобой... Ты глупъ, Баймаганъ, а Хайбибула уменъ... У Хайбибулы двѣсти лошадей ходитъ въ степи, у Хайбибулы пять лучшихъ иноходцевъ, у Хайбибулы новый кошъ, цѣлый сундукъ съ деньгами и красавица дочь. У бѣдныхъ людей должна быть одна мысль: не лечь голодному спать.

Обидно Баймагану слушать такія слова своего пріятеля, который никогда ни о чемъ не думаетъ, точно киргизскій баранъ. Да, Баймаганъ бѣднякъ, но это не мѣшаетъ ему видѣть и слышать то, чего не видитъ одинъ Урмугузъ.

У Баймагана каждый разъ дрогнетъ сердце, какъ подстрѣленная птица, когда онъ вечеромъ съ косякомъ кобылицъ возвращается къ кошамъ. Издали эти коши, точно потерянныя въ степи шапки, одна большая и двѣ маленькихъ. Изъ большой въ холодныя ночи весело поднимается синій дымокъ—это старая Ужина вѣчно что нибудь стряпаетъ, чтобы угодить мужу. Вотъ

около этого огонька въ кошѣ старой лисицы Хайбибулы и бьется молодое сердце бѣдняка Баймагана, потому что вмѣстѣ съ дымомъ по вечерамъ изъ коша несется пѣсня красавицы Гольдзейнъ.

II.

У Хайбибулы новый кошъ, который стоитъ рублей пятьсотъ,—онъ изъ лучшихъ бѣлыхъ кошемъ, а внутри по стѣнамъ развѣшаны дорогіе бухарскіе ковры. Тутъ же стоятъ сундуки, набитые всякимъ добромъ—рубахами, бешметами, халатами. У Гольдзейнъ свой сундукъ, весь обитый бѣлой жестью, точно серебряный; въ немъ копится приданое для того счастливца, которому достанется Гольдзейнъ.

— Кто дастъ калымъ въ сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами, тому и отдамъ Гольдзейнъ,—хвастается Хайбибула, когда съ гостями напьется кумыса.—Будь хоть безъ головы женихъ, мнѣ все равно... Сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами.

Пьяный Хайбибула непремѣнно бранится съ женой и каждый разъ повторяетъ:

— Ты мнѣ надоѣла, Ужипа... Вотъ получу калымъ за Гольдзейнъ и прямо съ деньгами по-

ѣду подъ Семипалатинскъ: тамъ въ кошахъ живутъ два брата, Кошгильда и Яшгильда, богатые киргизы, и у обоихъ по молоденькой дочери. Которую хочу, ту и возьму, а тебѣ старой клячѣ, пора отдохнуть.

Когда Гольдзейнъ весело распѣваетъ свои пѣсни, старая Ужипа горько плачетъ, потому что Хайбибула непремѣнно женится на молоденькой и сживетъ ее, Ужипу, со свѣту. Онъ ужъ двухъ женъ въ гробъ заколотилъ, а она— третья и ее заколотитъ. Старый волкъ любитъ молодую козлятину и погубить человѣка ему ничего не стоитъ, а всѣ считаютъ его хорошимъ, ласковымъ мужемъ.

— Лучше ужъ мнѣ самой умереть...—думаетъ Ужипа, думаетъ и плачетъ, вспоминая молодое время, когда щеки у ней были румяныя, глаза свѣтились, сама была толстая да бѣлая, и когда Хайбибула говорилъ ей льстивыя, ласковыя рѣчи.

Скоро износилась красота Ужипы. Безсонныя ночи, работа, дѣти и мужнины побои развѣяли по вѣтру дѣвичью красоту, а Хайбибула ее же попрекаетъ дорогимъ калымомъ.

Никто не жалѣетъ старухи, а Гольдзейнъ нарочно отвертывается, чтобы не видать слезъ матери. Глупая дѣвка только и думаетъ, чтобы

поскорѣй выскочить замужъ за богатаго жениха, а родная мать ей хуже чужой.

Когда-то пьяный Хайбибула сильно избилъ Ужипу, и она едва вырвалась отъ него. Убѣжала и спряталась за кошемъ. Ночь была темная, а на душѣ Ужипы было еще темнѣе. Стала она просить себѣ смерти, потому что никому-никому, ни одному человѣку не жаль ея.

— Эй, Ужипа, не плачь—прошепталъ надъ самымъ ухомъ старухи знакомый голосъ.

— Это ты, Баймаганъ?

— Я, я все вижу и знаю. Погоди, вотъ женюсь на Гольдзейнъ, тогда и тебя возьму къ себѣ. Славно заживемъ...

— Да ты съ ума сошелъ?.. У тебя ничего нѣтъ...

— Э, погоди, все будетъ... Старая лисица Хайбибула самъ будетъ ухаживать за мной. Вотъ я какой человѣкъ, Ужипа!

Это ласковое слово глупаго парня согрѣло душу Ужипы, какъ солнечный лучъ, и ей сдѣлалось жаль Баймагана:—Аллахъ великъ, у Аллаха всего много, что стоитъ Аллаху бросить росинку счастья на Байгамана? Все можетъ быть...

— Слушай Байгаманъ, никогда-никогда не женись на Гольдзейнъ, шептала старая Ужипа:—

въ ней волчья кровь... Женись лучше на Макенъ: вотъ мой совѣтъ за твое доброе слово къ позабытой всѣми старухѣ.

III.

Около коша Хайбибулы въ сторонѣ стояли два старыхъ, дырявыхъ коша, въ которыхъ жили пастухи и работники. Въ одномъ жилъ кривой пастухъ Газизъ съ дочерью Макенъ, а въ другомъ Баймаганъ съ Урмугузомъ. Очень бѣдно было въ кошѣ Газиза, а у Баймагана съ Урмугузомъ совсѣмъ ничего не было, кромѣ хозяйскихъ сѣделъ да разной сбруи. Спали оба работника на лошадиныхъ потникахъ. Сквозь прогорѣвшія кошмы пекло солнце и лился дождь, точно Аллахъ хотѣлъ каждый день испытывать терпѣніе молодыхъ пастуховъ.

Все хозяйство Газиза вела Макенъ, и она же постоянно помогала старой Ужипѣ, точно работница, хотя скупой Хайбибула не платилъ ей ни гроша, развѣ когда подаритъ обноски послѣ Гольдзейнъ. Макенъ работала, какъ лошадь, и ходила чуть не въ лохмотьяхъ. За работой она пѣла такія печальныя пѣсни и каждый разъ смолкала, когда мимо проходилъ Баймаганъ.

— Онъ хорошій человѣкъ,—говорила Ужипа, не называя Баймагана по имени.

— Хорошъ, да не для меня... отвѣчала Макенъ и тяжело вздыхала.

Аллахъ мудрено устраиваетъ человѣческія дѣла: Урмугузъ любилъ Макенъ, Макенъ любила Баймагана, а Баймаганъ любилъ гордую Гольдзейнъ. Баранчуками *) они всѣ росли вмѣстѣ, а потомъ вышло вотъ что. Старый Газизъ видѣлъ все это, но молчалъ, потому что Аллахъ великъ и знаетъ лучше насъ, какъ и что дѣлать. Урмугузъ думалъ про себя, что Макенъ первая красавица во всей киргизской степи, и что Гольдзейнъ приворожила глупаго Баймагана своими пѣснями и богатыми нарядами. Въ праздники Гольдзейнъ всегда щеголяла въ шелковомъ полосатомъ бешметѣ, заплетала свои черные волосы въ мелкія косички, въ уши надѣвала дорогія тяжелыя серьги, а всю грудь увѣшивала серебряными и золотыми монетами, которыя такъ весело звенѣли у ней на ходу.

Баймаганъ подолгу смотрѣлъ на нее съ разинутымъ ртомъ или старался чѣмъ нибудь услужить. Гордая красавица совсѣмъ не замѣчала

---

*) Баранчукъ—ребенокъ, дитя.

Баймагана и только иногда любила посмѣяться надъ нимъ, особенно когда тутъ же была Макенъ.

— Баймаганъ, скоро у тебя будетъ сто лошадей и пятьсотъ рублей денегъ?—спрашивала Гольдзейнъ, толкая Макенъ локтемъ.—Смотри, мнѣ, пожалуй, надоѣстъ ждать, и я какъ разъ выйду за другаго... У меня ужъ есть три жениха.

Гольдзейнъ весело смѣялась, а у Баймагана замирало сердце отъ этого смѣха. И чѣмъ больше она смѣялась надъ нимъ, тѣмъ больше онъ ее любилъ.

Проклятыхъ сто лошадей бѣдный пастухъ часто видѣлъ во снѣ, а деньги даже искалъ у себя подъ изголовьемъ. Перестала-бы Гольдзейнъ смѣяться надъ нимъ, когда бы онъ принесъ Хайбибулѣ пятьсотъ рублей старыми серебряными монетами и выставилъ въ полѣ свой собственный косякъ лошадей... Всего сто лошадей и пятьсотъ рублей. Баймаганъ день и ночь сталъ думать, какъ добыть дорогой калымъ, похудѣлъ и ходилъ, какъ въ воду опущенный.

Хайбибула прежде самъ былъ бѣденъ, и вся степь знаетъ, откуда пришло его богатство: онъ сначала самъ воровалъ лошадей по казачьей уральской линіи, а потомъ сталъ только сбывать краденый скотъ.

— Это люди болтаютъ изъ зависти, говорилъ кривой Газизъ.—Аллахъ все видитъ...

IV.

Баймаганъ возненавидѣлъ Хайбибулу и за глаза бранилъ его самыми скверными словами. Тутъ доставалось и толстому брюху Хайбибулы, и его красному носу, и сѣдой головѣ, которая думала о молоденькихъ дѣвчонкахъ. Когда въ урочные часы старикъ выходилъ изъ коша на молитву, разстилалъ подъ ноги коврикъ и падалъ ницъ, приложивъ раскрытые ладони къ ушамъ, Баймаганъ испытывалъ глубокое чувство отвращенія къ этому старому ханжѣ, который хочетъ обмануть самого Аллаха.

— Кажется, я убилъ бы эту старую лисицу!—говорилъ Баймаганъ своему другу Урмугузу.—Его деньги нажиты кровью, онъ загубилъ двухъ первыхъ женъ, теперь губитъ третью и хочетъ жениться на четвертой, чтобы согрѣть свою старую волчью кровь молодой... О, какъ я ненавижу этого Хайбибулу!

Хитрый старикъ замѣтилъ косые взгляды Баймагана и время отъ времени любилъ подшутить надъ нимъ. Безсильная злоба бѣдняка забавляла Хайбибулу.

Разъ въ праздникъ, когда въ кошѣ и передъ

кошемъ сидѣли гости, Хайбибула сказалъ Баймагану:

— Баймаганъ, покажи гнѣдаго иноходца гостямъ... Впрочемъ, у тебя заячье сердце, пусть приведетъ лошадь Урмугузъ.

Это было сказано нарочно, чтобы подзадорить Баймагана и потѣшить гостей отчаянной скачкой. Гнѣдой иноходецъ былъ еще не объѣзженная лошадь и никого не пускалъ на себя. Обида засѣла глубоко въ сердцѣ Баймагана и онъ захотѣлъ показать передъ всѣми, что ничего не боится, и что Хайбибула напрасно его обижаетъ.

Иноходца едва поймали на два волосяныхъ аркана, подвели къ кошу, и Баймаганъ птицей сѣлъ на спину дрожавшей отъ страха лошади.

— Смотри, упадешь!—крикнулъ въ слѣдъ Хайбибула.

Началась самая отчаянная скачка на необъѣзженной лошади, старавшейся сбить сѣдока. А Баймаганъ видѣлъ только улыбавшееся лицо Гольдзейнъ, которая смотрѣла на него изъ коша вмѣстѣ съ гостями. Да, онъ приведетъ лошадь къ кошу смирную, какъ овечку, или ему не видать Гольдзейнъ, какъ своихъ ушей.

Лошадь и человѣкъ боролись отчаянно нѣ-

сколько часовъ. Баймаганъ уже чувствовалъ, что лошадь начинаетъ уставать и скоро будетъ въ его рукахъ, какъ ребенокъ. Но въ этотъ моментъ она сдѣлала неожиданный прыжекъ въ сторону и Баймаганъ слетѣлъ на землю. Все это случилось въ одну секунду, бѣшенное животное съ удвоенной силой понеслась въ степь, стараясь освободиться отъ тащившагося на арканѣ наѣздника. Баймаганъ крѣпко держалъ веревку обѣими руками и рѣшился лучше умереть, чѣмъ выпустить лошадь.

Черезъ полчаса иноходецъ прибѣжалъ одинъ, а Баймагана нашли въ степи безъ чувствъ. Онъ лежалъ весь избитый, голова, лицо и плечи были покрыты глубокими ранами отъ лошадиныхъ копытъ.

V.

Баймаганъ лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ. За нимъ ухаживаетъ старая Ужипа, которая знаетъ много хорошихъ степныхъ травъ. Иногда въ кошъ завертываетъ Макенъ и молча садится у входа. Больной никого не узнаетъ и все бредитъ.

Ему ужасно тяжело и все кажется, что онъ скачетъ на проклятомъ иноходцѣ. Лошадь бьетъ

его задними ногами прямо въ голову, и Баймаганъ страшно вскрикиваетъ. Долго-долго носитъ его по степи взбѣсившійся иноходецъ, а когда онъ открываетъ глаза, то видитъ надъ собой дырявую кошму своего коша и слышитъ, точно сквозь сонъ, голосъ Ужипы:

— Не шевелись, Баймаганъ... Будешь живъ, если не будешь шевелиться. Все идетъ хорошо.

Баймаганъ старается лежать спокойно, хотя ему ужасно хочется приподнять голову—въ кошѣ кто то тихо плачетъ, а кому плакать о немъ, о кругломъ сиротѣ? Ахъ, зачѣмъ онъ не умеръ тамъ, въ степи, гдѣ носилъ его иноходецъ!..

Потомъ Баймагану вдругъ сдѣлалось такъ легко и такъ хорошо, совсѣмъ хорошо. Онъ здоровъ. Нѣтъ, будетъ ужъ служить старой лисицѣ Хайбибулѣ!—Прощайте всѣ: и кривой Газизъ, и Урмугузъ, и Макенъ, и Ужипа... Съ Гольдзейнъ Баймаганъ не простился, потому что слишкомъ ему было бы тяжело видѣть ея насмѣшливую улыбку.

— Э, увидимся!—утѣшаетъ самого себя Баймаганъ, направляясь въ степь, гдѣ тамъ и сямъ торчали киргизскіе коши, точно бритыя татарскія головы въ тюбютейкахъ.—Надо жить, какъ старая лисица Хайбибула.

Баймаганъ скоро нашелъ себѣ работу—онъ сдѣлался отчаяннымъ барантачомъ. По степи онъ отбивалъ овецъ у гуртовщиковъ, у казаковъ и русскихъ угонялъ лошадей, и вездѣ стали бояться одного его имени. Нѣсколько разъ онъ попадался и его били прямо по головѣ, точно всѣ знали, гдѣ у него самое больное мѣсто.

Черезъ нѣсколько лѣтъ такой работы у Баймагана былъ готовъ весь калымъ за Гольдзейнъ, и онъ орломъ полетѣлъ къ старому Хайбибулѣ.

— Вотъ твой калымъ,—объявилъ Баймаганъ, высыпая передъ старикомъ старое серебро.

— Ты умный человѣкъ, — задумчиво говорилъ Хайбибула, пересчитывая деньги. — Ну, Гольдзейнъ твоя... Такой красавицы до Семипалатинска не найти. Что же, твое счастье, а я очень радъ. Макенъ тоже вышла замужъ за Урмугуза, я и калымъ платилъ за него. Давай, поцѣлуемся.

VI.

Рядомъ съ кошемъ Хайбибулы выросъ новый кошъ Баймагана. Въ послѣднемъ жилось очень весело. Гольдзейнъ по цѣлымъ днямъ

распѣвала свои пѣсни, Баймаганъ лежалъ на коврѣ и пилъ кумысъ. Когда ему надоѣло гулять одному, онъ посылалъ за Хайбибулой и угощалъ старика.

— Ты умный человѣкъ, Баймаганъ, повторялъ каждый разъ Хайбибула и улыбался старымъ беззубымъ ртомъ.—Старъ я сталъ... Вотъ и борода сѣдая, и глаза слезятся, и зубы пропали. А когда то я умѣлъ наживать деньги. Надо тебѣ показать всѣ норы и лазейки, а мнѣ пора отдохнуть.

И старая лисица Хайбибула училъ Баймагана всякимъ плутнямъ, называлъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и товарищей по ремеслу, а Баймаганъ слушалъ и удивлялся, что Хайбибула совсѣмъ не такой дурной человѣкъ, какъ онъ думалъ раньше. Даже очень хорошій человѣкъ этотъ Хайбибула, если разобрать; а если онъ занимается воровствомъ, такъ не онъ одинъ грѣшенъ передъ Аллахомъ.

Когда Хайбибула выгналъ старую Ужипу и женился на четырнадцатилѣтней Аяшъ, дочери Кошгильды, о которой давно говорилъ, и тогда Баймаганъ не обвинилъ старика.—Хайбибула еще въ силахъ, а Ужипа едва волочитъ свои старыя ноги. Такъ хочетъ Аллахъ, если одно дерево цвѣтетъ, а другое сохнетъ. Конечно,

Аяшъ молода для такого беззубаго старика, какъ Хайбибула, но старику ужъ немного осталось веселить свое сердце—пусть еще порадуется на концѣ своихъ дней.

Старая Ужипа пришла къ Баймагану и сказала:

— Мужъ меня прогналъ, а я стара... Помнишь, какъ ты обѣщалъ пріютить меня, если женишься на Гольдзейнъ?..

— Я этого не говорилъ, старая кляча!.. закричалъ Баймаганъ.—Это все ты сама придумала...

Баймагану было совѣстно за свою ложь, и онъ еще сильнѣе разсердился.

— Не наше дѣло судить васъ съ отцомъ,— отвѣтила матери Гальдзейнъ, потакавшая мужу. —Мы не желаемъ ни съ кѣмъ ссориться, а живите себѣ, какъ знаете.

Ничего не сказала старая Ужипа и ушла. Ее пріютилъ въ своемъ рваномъ кошѣ Урмугузъ.

— Мнѣ ужъ за одно васъ стариковъ кормить,—проговорилъ онъ:—вонъ Газизъ живетъ, живи и ты.

Тѣсно было въ кошѣ Урмугуза, но Макенъ нашла уголокъ для старуки, совсѣмъ убитой горемъ. Это взбѣсило Баймагана.

— Вотъ нашлись богачи!—ругался онъ.— Всѣхъ полоумныхъ старухъ да стариковъ не накормишь.

— Урмугузъ, видно, богаче насъ съ тобой, —прибавила Гольдзейнъ. — Не даромъ онъ столько лѣтъ служилъ у отца, а теперь служитъ у тебя. Видно ему выгодно, если можетъ кормить чужихъ людей.

Баймаганъ сильно разсердился на Урмугуза, но до поры до времени затаилъ въ своемъ сердцѣ эту злобу. Урмугузъ нарочно взялъ къ себѣ Ужипу, чтобы постоянно колоть ею глаза и ему, и Гольдзейнъ, и Хайбибулѣ.

— Урмугузъ глупъ, — шептала Гольдзейнъ, ласкаясь къ мужу:—а это придумала Макенъ... О, это хитрая и злая женщина!

VII.

Киргизская степь была такъ же хороша, какъ десять лѣтъ назадъ, также весной она покрывалась цвѣтами и ковылемъ, тотъ же игралъ по ней степной вѣтеръ, а зимой волкомъ завывали снѣжныя мятели; голубое небо такъ же высоко поднималось надъ ней, такъ же паслись по ней косяки киргизскихъ лошадей, а Гольдзейнъ позванивала своимъ серебромъ.

Хорошо жилось Баймагану. Всего у него было много, а когда надоѣдало сидѣть дома. онъ уѣзжалъ куда нибудь въ гости. У богатыхъ людей много хорошихъ знакомыхъ. Когда было лѣнь ѣхать, Баймаганъ по цѣлымъ днямъ лежалъ въ кошѣ и думалъ о разныхъ разностяхъ, Всего лучше ему дѣлалось, когда онъ вспоминалъ про свое дѣтство. Да, Баймаганъ выросъ у стараго Хайбибулы, какъ бездомная собаченка: спалъ подъ открытымъ небомъ и питался объѣдками, вмѣстѣ съ хозяйскими собаками. Когда варили маханъ или салму *), Баймаганъ только облизывался издали и былъ радъ, если на его долю доставалась обглоданная косточка, которую бросала ему добрая Ужипа. Эти воспоминанія дѣлали настоящее еще пріятнѣе, и Баймаганъ нарочно приглашалъ Хайбибулу ѣсть салму, чтобы вспомнить про старое.

Однажды, когда они вдвоемъ сидѣли около чугуннаго котла съ салмой, старикъ хитро подмигнулъ, указывая головой на дочь.

— Ты ничего не замѣчаешь, Баймаганъ?— прошамкалъ онъ.

— Нѣтъ, а что?..

*) Салма—лапша изъ конины, маханъ—жареное изъ жеребенка.

— Я ничего, такъ... Будто Гольдзейнъ у тебя постарѣла. Она будетъ вылитая Ужипа. Вотъ увидишь... А Макенъ молодѣетъ. Впрочемъ, на чужихъ женъ не хорошо заглядываться... Я такъ сказалъ. Ну, прощай...

Эти слова глубоко запали въ душу Баймагана, хотя онъ старался о нихъ совсѣмъ не думать. Разъ онъ больно прибилъ Гольдзейнъ, и когда она стала плакать въ своемъ углу, онъ занесъ было руку съ нагайкой, чтобы ударить ее по спинѣ, но взглянулъ на ея заплаканное лицо, испуганные глаза—и рука съ нагайкой безсильно опустилась сама собою: на него смотрѣла старая Ужипа, а Гольдзейнъ, красавицы Гольдзейнъ больше не было.

Баймаганъ началъ часто напиваться кумысомъ, билъ жену и все ходилъ около коша, чтобы хоть издали посмотрѣть на Макенъ. Урмугуза онъ нарочно посылалъ въ дальнія киргизскія стойбища, съ разными порученіями, чтобы не стыдно было заходить въ его старый кошъ подъ разными предлогами.

Макенъ стала прятаться отъ Баймагана, а это еще больше разжигало въ немъ кровь. Чтобы показать ей свою любовь, Баймаганъ не упускалъ случая на ея глазахъ бить Гольдзейнъ по чему попало, а потомъ отнялъ у жены всѣ

украшенія и спряталъ ихъ въ свой сундукъ. Криваго Газиза онъ поилъ самымъ хорошимъ кумысомъ и называлъ дядей. А Гольдзейнъ отъ побоевъ и слезъ дѣлалась все больше похожей на свою мать, и Баймаганъ старался не смотрѣть на нее.

— Надо избыть Урмугуза, а потомъ я женюсь на Макенъ, когда она останется вдовой, подумалъ Баймаганъ.—Гользейнъ пусть служитъ ей, какъ раба...

VIII.

Урмугуза не стало. Много такъ пропадаетъ въ степи. Чужіе люди обвиняли Баймагана, что онъ подослалъ убійцъ къ своему работнику, а самъ женился на его вдовѣ.

А Баймаганъ ничего не хочетъ знать, что говорятъ про него люди. Онъ по цѣлымъ днямъ лежитъ на коврѣ вмѣстѣ съ Макенъ, а Гольдзейнъ прислуживаетъ имъ, старая некрасивая Гольдзейнъ. Но Макенъ такая печальная, и Баймагана тянетъ выйти изъ коша; рядомъ въ кошѣ стараго Хайбибулы каждый разъ на шумъ его шаговъ отодвигается край ковра, которымъ прикрытъ входъ, и оттуда смотрятъ прямо въ душу Баймагана два темныхъ глаза,

а изъ-за бѣлыхъ зубовъ сыплется беззаботный дѣтскій смѣхъ. Это молодая Аяшъ смотритъ на Баймагана, и у него темнѣетъ въ глазахъ.

— Обманулъ меня Хайбибула, — думаетъ онъ:—Макенъ все думаетъ о своемъ Урмугузѣ... Ей скучно со мной.

Не спится по ночамъ Баймагану, а вмѣстѣ съ ночнымъ холодомъ ползетъ къ нему въ кошъ ласковый дѣвичій шепотъ, — о, онъ знаетъ этотъ голосъ, который хватаетъ его прямо за сердце! Нужно было отправить на тотъ свѣтъ не Урмугуза, а старую лисицу Хайбибулу. Будетъ ему грѣшить, а Аяшъ еще молода.

Темнѣе ночи ходитъ Баймаганъ и все думаетъ о старикѣ Хайбибулѣ — можетъ быть, старая лисица самъ догадается умереть.

Отточилъ острый ножъ Баймаганъ и ночью, какъ змѣя, заползъ съ нимъ въ кошъ Хайбибулы. Вотъ ужъ онъ слышитъ ровное дыханіе спящей Аяшъ, а рядомъ съ ней на постели, подъ шелковымъ бухарскимъ одѣяломъ, храпитъ Хайбибула. Баймаганъ подползъ къ изголовью и замахнулся, чтобы ударить Хайбибулу прямо въ сердце,—онъ приглядѣлся къ темнотѣ и теперь хорошо различалъ спавшихъ,— но, заглянувъ въ лицо старику, Баймаганъ остолбенѣлъ: это лицо смѣялось своимъ беззу-

бымъ ртомъ, а старческіе слезившіеся глаза смотрѣли на него въ упоръ.

— Ну, чего ты испугался?..—шепчетъ Хайбибула, а самъ все смѣется и смотритъ на него.—Дѣлай то, за чѣмъ пришелъ...

Страшная ярость закипѣла въ груди Баймагана, хочетъ онъ поднять руку съ ножемъ, но у него нѣтъ больше силы,—рука виситъ, какъ плеть.

— Убилъ Урмугуза, убивай и меня,—шепчетъ Хайбибула.—Аяшъ моложе твоихъ женъ... Ты умный человѣкъ, Баймаганъ. Ха-ха-ха...

Эти слова ударили Баймагана прямо въ голову, и онъ почувствовалъ, какъ на его головѣ открываются старыя раны отъ лошадиныхъ копытъ, и какъ онъ самъ начинаетъ весь леденѣть. Жизнь быстро выходитъ изъ него вмѣстѣ съ горячей кровью, а старый Хайбибула дѣлался все дальше и дальше, и только далеко-далеко, точно изъ-подъ земли, доносился его страшный дребезжавшій смѣхъ и тотъ же шепотъ:

— О, ты умный человѣкъ, Баймаганъ!..

Баймаганъ крикнулъ, объятый ужасомъ, и самъ испугался своего голоса, точно это кричалъ не онъ, а какой то другой голосъ.

— Тише, тише... не шевелись, Баймаганъ,—

шепталъ надъ нимъ голосъ старой Ужипы, и чьи-то руки удерживали его голову.

IX.

— Такъ это былъ сонъ?..—спрашивалъ Баймаганъ, когда пришелъ въ себя и увидѣлъ, что по прежнему лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ, а около него сидитъ старая Ужипа и уговариваетъ его, какъ ребенка.

— Ты сорвалъ повязки съ головы и чуть не истекъ кровью...—шептала ласково старуха. —Отчего ты такъ страшно крикнулъ?..

— Не спрашивай... послѣ разскажу. Я дурной человѣкъ... я хуже всѣхъ другихъ, Ужипа.

Баймаганъ поправился, но сдѣлался такимъ задумчивымъ и печальнымъ, что никто не узнавалъ въ немъ прежняго молодца.

— О чемъ ты думаешь, Баймаганъ?—спрашивала его Макенъ.

— Дорогая Макенъ, прежде я думалъ всегда о себѣ, отвѣчалъ ей Баймаганъ:—думалъ, какъ бы мнѣ устроиться лучше другихъ. А теперь мнѣ жаль всѣхъ людей, потому что я все ви-

жу и все понимаю... Да, я понимаю все и понимаю то великое зло, какое сидитъ въ каждомъ человѣкѣ и обманываетъ всѣхъ. Мнѣ иногда дѣлается страшно за то зло, которое и въ насъ и вокругъ насъ. Я былъ глупъ и ничего не понималъ, но за одно доброе слово, которое я сказалъ несчастной старухѣ, Аллахъ показалъ мнѣ мою собственную душу.

Черезъ годъ Баймаганъ женился на Макенъ.

ЛЕБЕДЬ ХАНТЫГАЯ.

I.

— Гдѣ хакимъ *) Бай-Сугды? Гдѣ лебедь Хантыгая?—спрашивалъ Бурунъ-Ханъ своихъ придворныхъ.—Отчего мои глаза не видятъ славу и гордость моего государства? Гдѣ онъ, слеза радости, улыбка утѣшенія, свѣтъ совѣсти—гдѣ хакимъ Бай-Сугды, лебедь Хантыгая?

Мурзы, беки, шейхи, тайши и князьки, присутствовавшіе въ палаткѣ Бурунъ-Хана, опустили головы и не смѣли взглянуть на своего повелителя, точно они всѣ чувствовали себя виноватыми. Въ сущности, они просто боялись огорчить Бурунъ-хана печальнымъ извѣстіемъ и вызвать его неудовольствіе.

— Отчего вы всѣ молчите?—спрашивалъ Бурунъ-Ханъ, грозно сдвигая сѣдыя брови.—Отчего никто изъ васъ не хочетъ сказать правды?..

*) Хакимъ—ученый, учитель.

Впрочемъ, это смѣшно—требовать правды отъ людей, которые хотятъ замѣнить мнѣ и мои глаза, и мои уши, и мои руки, чтобы лучше пользоваться моей слѣпотой, глухотой и бездѣятельностью... Одинъ хакимъ Бай-Сугды говорилъ мнѣ правду, а я не вижу его.

Еще ниже наклонились старыя и молодыя головы мурзъ, бековъ, тайшей и князьковъ, и опять никто не посмѣлъ проронить ни одного слова. Тогда смѣло выступила впередъ красавица Джетъ, любимая дочь Бурунъ-Хана, и преклонивъ одно колѣно, сказала:

— Отецъ мой, прости мнѣ мою смѣлость, что я рѣшилась сказать тебѣ то, о чемъ молчатъ другіе...

Сѣдыя ханскія брови распрямились, морщины на ханскомъ лбу исчезли, грозные ханскіе глаза глянули весело: развѣ найдется такой человѣкъ, который можетъ разсердиться на красавицу Джетъ?

— Говори, Джетъ, моя газель.

— Отецъ, хакимъ Бай-Сугды уже давно совсѣмъ измѣнился, такъ что ты его не узнаешь... Онъ больше ужъ не складываетъ своихъ чудныхъ пѣсенъ, которыя распѣваетъ весь Хантыгай. Да... Хакимъ Бай-Сугды заперся въ своей палаткѣ и никуда не выходитъ. Вотъ уже пол-

года, какъ онъ заскучалъ, а его жены проплакали свои глаза... Кто-то попортилъ солнце Хантыгая, и оно скрылось за тучу.

Ханъ опять нахмурился и велѣлъ привести хакима Бай-Сугды, а красавица Джетъ помѣстилась за шелковой занавѣской. Когда старый хакимъ, съ длинной сѣдой бородой, вошелъ въ палатку, дѣвушка тихо заиграла на золотой арфѣ и запѣла самую лучшую пѣсню, какую только когда-нибудь сложилъ Бай-Сугды:

Алой розой смѣхъ твой запертъ,
Соловьиной пѣсни трепетъ
На груди твоей таится...

Никто въ цѣломъ Хантыгаѣ не умѣлъ пѣть лучше Джетъ, и всѣ лица повеселѣли, а Бурунъ-Ханъ посмотрѣлъ на хакима съ улыбкой. Улыбнулись и мурзы, и беки, и шейхи, и тайши, и князьки, какъ живое зеркало Бурунъ-Хана. Одинъ хакимъ Бай-Сугды стоялъ передъ ханомъ, опустивъ глаза, и на сѣдыхъ рѣсницахъ у него повисли слезы.

— Хакимъ Бай-Сугды, лебедь Хантыгая, что сдѣлалось съ тобой?—спросилъ Бурунъ-Ханъ.— Никто тебя не видитъ... Можетъ быть, у тебя есть какое-нибудь горе? Можетъ быть, износилось твое платье? Можетъ быть, твои стада по-

стигло несчастіе? Можетъ быть, наконецъ, ты недоволенъ мной?..

Поднялъ голову хакимъ Бай-Сугды и сказалъ:

— Всѣмъ я доволенъ, Бурунъ-Ханъ, и все у меня есть, даже больше, чѣмъ нужно одному человѣку... Я, какъ пылинка въ солнечномъ лучѣ, купаюсь въ твоей милости.

— Можетъ быть, похолодѣло твое сердце, хакимъ Бай-Сугды, и нужна новая пара газельихъ глазъ, чтобы воскресить въ немъ молодую радость?..

— О, Бурунъ-Ханъ, у меня семь женъ, семь красавицъ, и мнѣ достаточно молодыхъ радостей,—съ горькой усмѣшкой отвѣтилъ сѣдой хакимъ.

— Что же тебѣ нужно, Бай-Сугды? Проси все и я все сдѣлаю для тебя... Ты выше меня, потому что я сейчасъ ханъ, а завтра меня съѣдятъ черви, а ты умрешь—послѣ тебя останутся живыя чудныя пѣсни... Хановъ много, а хакимъ Бай-Сугды—одинъ.

— Бурунъ-Ханъ, у меня есть къ тебѣ просьба: пусть красавица Джетъ не поетъ больше моихъ пѣсенъ.. И пусть другія дѣвушки ихъ позабудутъ. Когда птица поетъ беззаботно, сидя на вѣткѣ, она не предчувствуетъ близкой бѣды, не видитъ коршуна, который ее схватитъ. Моя зима

пришла, а мой коршунъ уже летаетъ надъ моей головой, и я чувствую, какъ вѣютъ его крылья...

— Неужели ты, мудрѣйшій изъ людей, испугался смерти?

— Нѣтъ, ханъ, не смерти я боюсь, а того, зачѣмъ я жилъ такъ долго... Мое сладкое безумство пѣло пѣсни, а ненасытное сердце искало новыхъ радостей. Но теперь нѣтъ больше пѣсенъ... Давно углубился я въ ученыя книги, въ это море мудрости, и чѣмъ дальше углубляюсь въ нихъ, тѣмъ сильнѣе чувствую, сколько зла я надѣлалъ своими пѣснями. Я обманывалъ ихъ сладкимъ голосомъ и молодыхъ, и старыхъ людей, я сулилъ имъ никогда не существовавшія радости, я усыплялъ душу запахомъ розъ, а вся наша жизнь только колеблющаяся тѣнь промелькнувшей въ воздухѣ птицы... Горя, несчастій, нужды и болѣзней цѣлыя моря, а я утѣшалъ и себя, и другихъ одной каплей сладкой отравы. Мои пѣсни теперь нагоняютъ на меня тоску. Бурунъ-Ханъ, чѣмъ больше читаю я мудрыя книги, тѣмъ сильнѣе вижу собственное безумство... Отпусти меня, ханъ! Я пойду въ другія государства и найду великихъ подвижниковъ, которые цѣлую жизнь провели въ созерцаніи и размышленіяхъ: у нихъ истина жизни, которой я хочу поучиться. Вотъ, моя вторая просьба...

Задумался Бурунъ-Ханъ: жаль ему стало пѣвца Бай-Сугды, славу и гордость Хантыгая. Что же останется, когда улетитъ этотъ лебедь? Но хакимъ Бай-Сугды такъ сильно измѣнился, и путешествіе будетъ для него лучшимъ лекарствомъ.

— Хорошо, хакимъ Бай-Сугды, пусть будетъ по твоему, — согласился Бурунъ-Ханъ. — Иди, куда хочешь, но только возвращайся, а пока ты путешествуешь—въ Хантыгаѣ не будутъ пѣть твоихъ пѣсенъ. Иди, отыщи истину и принеси ее намъ...

II.

Ханство Хантыгай было очень большое, но въ немъ хакимъ Бай-Сугды не зналъ никого, кто-бы былъ его ученѣе. Онъ быстро собрался въ путь, нагрузилъ трехъ верблюдовъ всѣмъ необходимымъ для далекаго путешествія, взялъ десять человѣкъ слугъ и отправился въ сосѣднее ханство Чубарайгыръ, гдѣ жилъ знаменитый хакимъ Тююзакъ.

Цѣлыхъ три недѣли шелъ караванъ до границы. Хантыгай и Чубарайгыръ много лѣтъ воевали между собой, разрушали города, пустошили населенныя мѣстности, убивали тысячи людей и тысячи людей уводили въ плѣнъ. Счастье

было измѣнчиво, а война прекращалась только тогда, когда войска изнемогали, запасы истощались, и общая нищета заставляла мириться на время. Ханы увѣряли другъ-друга въ дружбѣ, а сами потихоньку готовились къ новой войнѣ, чтобы напасть врасплохъ. Поэтому, когда караванъ хакима Бай-Сугды показался на границѣ, то оберегавшая ее стража сейчасъ же схватила верблюдовъ, а самого Бай-Сугды объявила плѣнникомъ чубарайгырскаго хана Майчака. Плѣнника представили прямо къ хану, но когда Майчакъ узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и зачѣмъ хакимъ Бай-Сугды заѣхалъ въ его государство, то предложилъ ему богатые дары и отпустилъ.

— Твои пѣсни, хакимъ, открываютъ тебѣ вездѣ счастливый путь,—сказалъ ханъ Майчакъ, счастливый, что видѣлъ знаменитаго пѣвца.— Еслибы у меня былъ твой даръ, я бросилъ бы свое ханство. Богъ тебя да благословитъ. На обратномъ пути не забудь навѣстить меня.

Отправился хакимъ Бай-Сугды дальше. Ему нужно было проѣхать опасную Голодную степь, гдѣ торговые караваны подвергаются нападенію степныхъ разбойниковъ. Такъ случилось и съ нимъ. На третій день пути караванъ хакима былъ окруженъ разбойниками. Они перевязали слугъ и принялись развязывать тюки. Хакимъ

Бай-Сугды не сопротивлялся, а спокойно смотрѣлъ на ихъ работу. Это удивило разбойниковъ.

— Развѣ тебѣ не жаль своего добра?—спросили они.—Кто ты такой?..

— Я хакимъ Бай-Сугды изъ Хантыгая.

— Лебедь Хантыгая?..

У разбойниковъ опустились руки. Они навьючили снова верблюдовъ, развязали слугъ и, не воспользовавшись ничѣмъ, отпустили знаменитаго пѣвца.

— Мы грабимъ только купцовъ и богатыхъ людей,—объяснили они въ смущеніи.—Будетъ проклятъ тотъ человѣкъ, который вырветъ хоть одно перо изъ бѣлаго крыла лебедя Хантыгая... Твои пѣсни открываютъ тебѣ счастливый путь.

Когда караванъ тронулся въ путь, одинъ изъ разбойниковъ запѣлъ:

Алой розой смѣхъ твой запертъ,
Соловьиной пѣсни трепетъ
На груди твоей таится...

Опять та-же пѣсня, и опять она огорчила хакима Бай-Сугды до глубины души, напоминая ему о его прошломъ безуміи, преслѣдовавшемъ его всюду, какъ бѣжитъ тѣнь за человѣкомъ.

— О, это мое проклятіе!—думалъ хакимъ Бай-

Сугды, закрывая глаза.—Моя пѣсня преслѣдуетъ меня черной тѣнью.

За Голодной степью начинались дикія горы, въ которыхъ жилъ Тююзакъ. Съ величайшимъ трудомъ достигъ караванъ до глубокой горной долины, гдѣ жилъ славный хакимъ. Жилищемъ ему служила пещера, выкопанная въ горѣ. Путешественники нашли отшельника на берегу горнаго ключа: здѣсь онъ предавался созерцанію. Хакимъ Бай-Сугды подошелъ къ нему и поклонился.

— Хакимъ Тююзакъ, я пришелъ къ тебѣ издалека, чтобы напиться отъ ключа твоей мудрости...

Тююзакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пришельца своими столѣтними глазами и строго проговорилъ:

— Мудрость не возятъ на верблюдахъ... Мудрость не нуждается въ пышной одеждѣ. Ты только напрасно потерялъ свое время...

Два дня провелъ Бай-Сугды у Тююзака въ душевной бесѣдѣ. Онъ разсказалъ отшельнику всю свою жизнь: какъ онъ былъ молодымъ и бѣднымъ байгушемъ и какъ прославился на весь Хантыгай даромъ пѣсенъ; какъ осыпалъ его богатствомъ и почестями Бурунъ-Ханъ, какъ онъ самъ возгордился своими пѣснями, которыя рас-

пѣвалъ весь Хантыгай, и какъ онъ въ концѣ-концовъ задумался, зачѣмъ онъ прожилъ свою жизнь, и какъ ошибся, принимая за счастье его обманчивую тѣнь. Столѣтній Тююзакъ, съ пожелтѣвшими отъ старости волосами, выслушалъ его внимательно и сказалъ:

— Вся твоя бѣда въ томъ, Бай-Сугды, что ты свое счастье искалъ въ чемъ-нибудь внѣшнемъ. Ты радъ-бы былъ захватить всѣ стада Хантыгая, все золото, все платье, всѣхъ красивыхъ женщинъ. Но, вѣдь, ты не поѣдешь на десяти лошадяхъ разомъ, не надѣнешь десять халатовъ, не съѣшь и не выпьешь за десятерыхъ. Твое богатство тебя давило, какъ ярмо... Вотъ и теперь, зачѣмъ тебѣ эти верблюды, слуги, тюки съ имуществомъ? Не легче-ли тебѣ идти одному и думать только о себѣ?

— Ты правъ, Тююзакъ,— согласился Бай-Сугды.—Жаль, что я раньше не подумалъ объ этомъ.

Онъ раздѣлилъ свое имущество между слугами и отпустилъ ихъ домой.

— Бай-Сугды, ты сдѣлалъ еще не все,—сказалъ Тююзакъ:—ступай въ ханство Шибэ, тамъ живетъ мудрѣйшій изъ хакимовъ, Урумчи-Олой... Онъ тебя научитъ всему.

Отъ ханства Хантыгая до ханства Чубарай-

гыра хакимъ Бай-Сугды ѣхалъ три недѣли, отъ хана Майчака до хакима Тююзака онъ ѣхалъ тоже три недѣли, а отъ хакима Тююзака до хакима Урумчи-Олой онъ уже шелъ пѣшкомъ цѣлыхъ три мѣсяца. На немъ оставалась самая простая одежда изъ верблюжьей шерсти, какую носили бѣдные пастухи, а за плечами въ тяжелой котомкѣ онъ несъ необходимые припасы для своего пропитанія. Дорога была трудная, горами, лѣсами, съ трудными переправами, но Бай-Сугды все шелъ впередъ, счастливый уже тѣмъ, что, благодаря Тююзаку, освободился отъ лишней тяжести. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ему эти верблюды, слуги и тюки, когда одному человѣку такъ немного нужно?

Хакимъ Урумчи-Олой, старецъ ста двадцати лѣтъ, жилъ подъ открытымъ небомъ. Онъ такъ обросъ волосами, что долженъ былъ приподнять свои нависшія, тяжелыя отъ старости брови, чтобы взглянуть на гостя. Длинная борода спускалась до колѣнъ. Сквозь рубища выглядывало желтое худое тѣло.

— Богъ да благословитъ мудрѣйшаго изъ хакимовъ!—привѣтствовалъ его Бай-Сугды, кланяясь до земли.

Онъ разсказалъ Урумчи-Олой про себя все, какъ и Тююзаку, и еще прибавилъ, что, кромѣ

богатства, его угнетала страстная любовь къ женщинамъ. Да, Бай-Сугды не могъ пропустить ни одного хорошаго личика, и лучшія свои пѣсни слагалъ для обольстительныхъ черныхъ глазъ. У него было семь красавицъ женъ, которыхъ онъ любилъ, когда онѣ были молодыми. Что лучше цвѣта женской молодости дѣвичьей красоты и покорной ласки темныхъ глазъ?.. Теперь онъ старъ, но и сейчасъ женская красота зажигаетъ въ немъ молодой огонь страстныхъ желаній. Эта жажда томила его цѣлую жизнь и не получила удовлетворенія.

— Что ты ѣлъ, Бай-Сугды? — сурово спросилъ Урумчи-Олой, опуская брови.

— Я ѣлъ все, что только могъ достать...

— Огонь преступныхъ желаній въ насъ отъ пищи... Не ѣшь мяса, не употребляй пряностей и вина, и онъ потухнетъ самъ собой. Нужно изнурять свое тѣло трудомъ, постомъ и созерцаніемъ, и только тогда ты приблизишься къ истинѣ. Человѣкъ, поѣвшій свиньи, самъ дѣлается свиньей, а отвѣдавшій крови дѣлается кровожаднымъ... Одинъ мужчина не можетъ любить семь женщинъ, если онъ будетъ житъ такъ, какъ я сказалъ. Что такое женщина? Это обманъ... Онъ проходитъ вмѣстѣ съ первой ночью. Посмотри на старую женщину, куда

дѣвалась ея красота и то, чему ты слагалъ свои пѣсни? Но я еще не достигъ совершенства, Бай-Сугды... Иди въ ханство Катунъ, тамъ на большой рѣкѣ спасается великій хакимъ Эрьгуудзль. Отъ него все узнаешь...

Горько заплакалъ хакимъ Бай-Сугды. И Тюзакъ и Арумчи-Олой сказали ему правду, заглянувъ на дно его сердца. О, сколько неправды, зла и похотей онъ носилъ въ себѣ цѣлую жизнь и разжигалъ своими пѣснями въ другихъ... Бай-Сугды бросилъ свою котомку въ пропасть, гдѣ по ночамъ выли шакалы, а самъ пошелъ впередъ пѣшкомъ и босой, съ одной палкой въ рукѣ.

III.

Отъ Урумчи-Олой до Эрьгуудзль хакимъ Бай-Сугды шелъ три года. Сколько опасностей онъ перенесъ, сколько труда... Пришлось идти черезъ каменистыя горы и страшнымъ лѣсомъ. Одежда давно износилась и висѣла лохмотьями, сквозь которыя сквозило пожелтѣвшее, высохшее тѣло, а ноги были покрыты глубокими ранами. Но все перетерпѣлъ хакимъ Бай-Сугды, чтобы достигнуть совершеннаго изъ людей и услышать отъ него слово послѣдней мудрости.

Питался онъ дикими плодами, кореньями и травой, какъ дикій звѣрь, и успѣлъ позабыть, какой вкусъ у мяса, сладкихъ винъ и сладкихъ плодовъ. Нѣсколько разъ онъ лежалъ больной въ лѣзу одинъ и со смиреніемъ ждалъ своего смертнаго часа. Но Богу было угодно, чтобы его подвигъ наградился успѣхомъ. Это было въ концѣ третьяго года, когда уже стояла весна и все кругомъ цвѣло и ликовало. Хакимъ Эрьгуудзль жилъ на берегу громадной рѣки Чэчэ, и хакимъ Бай-Сугды заплакалъ отъ радости, когда увидѣлъ издали ея свѣтлыя воды, покоившіяся въ зеленыхъ берегахъ. Мѣсто было самое красивое, какое только можно себѣ представить.

— Богъ да благословитъ хакима Эрьгуудзль!— сказалъ хакимъ Бай-Сугды, приближаясь къ шалашу изъ пальмовыхъ листьевъ.

Ему навстрѣчу вышелъ свѣжій еще старикъ, съ красивымъ лицомъ, въ чистой одеждѣ и съ крѣпкимъ тѣломъ. Именно такого старика хакимъ Бай-Сугды не ожидалъ встрѣтить.

— Ты усталъ? Ты хочешь ѣсть? Ты истомился жаждой? Ты нуждаешься въ одеждѣ? — спрашивалъ Эрьгуудзль, ласково улыбаясь. — Вотъ рѣка Чэчэ, сначала ступай напейся и умойся...

— Я хакимъ Бай-Сугды, изъ Хантыгая,—говорилъ Бай-Сугды въ смущеніи.—Мое прозваніе: лебедь Хантыгая...

— Такъ это ты, тотъ самый Бай-Сугды, который сложилъ пѣсню:

Алой розой смѣхъ твой запертъ...

О, я радъ тебя видѣть, лебедь Хантыгая, и позволь мнѣ омыть твои израненныя ноги, одѣть тебя въ новое платье и поцѣловать, какъ дорогаго гостя. Твои чудныя пѣсни долетѣли и до меня, какъ залетаютъ рѣдкія птицы въ далекія страны.

Они пришли къ рѣкѣ, и хакимъ Бай-Сугды съ жадностью припалъ къ свѣтлой прохладной влагѣ. Эрьгуудзль смотрѣлъ на него и улыбался. Когда Бай-Сугды утолилъ жажду и поднялся на ноги, Эрьгуудзль съ удивленіемъ его спросилъ:

— Что-же ты, лебедь Хантыгая? Вѣдь тебя томила смертная жажда, а ты не выпилъ даже этой рѣки.

Бай-Сугды подумалъ, что хакимъ шутитъ и отвѣтилъ:

— Всѣ мы, когда томитъ насъ жажда, думаемъ, что цѣлое море воды не утолитъ ея...

Хакимъ Эрьгуудзль ласково засмѣялся и ука-

залъ на дикую козу, которая на берегу рѣки общипывала молодой кустъ.

— Какъ ты думаешь, лебедь Хантыгая, выростетъ это дерево, если коза каждый день будетъ приходить и ощипывать самые свѣжіе листочки?—спросилъ онъ..

— Нѣтъ, оно засохнетъ...

Хакимъ Эрьгуудзль опять засмѣялся, а хакимъ Бай-Сугды задумался.

Такъ они прожили три дня. Хакимъ Бай-Сугды успѣлъ отдохнуть, освѣжился и перемѣнилъ свое рубище на чистую одежду. Онъ нарочно ничего не говорилъ о цѣли своего путешествія, ожидая перваго слова отъ Эрьгуудзля, а хакимъ дѣлалъ такой видъ, что точно давно ожидалъ Бай-Сугды и радъ его видѣть, какъ брата. Только на четвертый день Эрьгуудзль заговорилъ:

— Лебедь Хантыгая, тебѣ можно сейчасъ отравиться домой: ты отдохнулъ, подкрѣпилъ себя пищей и прикрылъ тѣло новой одеждой... Мнѣ не хотѣлось огорчать тебя, что ты напрасно потерялъ столько времени и перенесъ столько трудовъ и опасностей; тебя привела сюда твоя гордость и желаніе быть лучше другихъ. Иди домой и пой твои пѣсни... Каждая слеза, осушенная твоей пѣснью, и каждая улыбка

радости, вызванная ею,—такое счастье, о которомъ не смѣютъ мечтать и ханы. Да, тебя привела сюда твоя гордость, которой ты и самъ не замѣчалъ... Она помрачила твое свѣтлое око и міръ тебѣ показался темнымъ. Ты надѣялся на свой умъ, но это самый лукавый изъ слугъ, который старается подать тебѣ то, чего ты еще не успѣлъ пожелать... Счастье наше въ одномъ днѣ, а правда жизни въ своей совѣсти. Вѣдь жизнь такъ проста, хакимъ Бай-Сугды, и ея смыслъ совсѣмъ не въ томъ, что ты будешь ѣсть, или во что будешь одѣваться. Голодный и голый человѣкъ не сдѣлается справедливѣе оттого только, что онъ голъ и голоденъ.

— Все это я понимаю, хакимъ Эрьгуудзль, и согласенъ съ тобой,—отвѣчалъ Бай-Сугды:— но какъ-же спать спокойно, когда вся наша жизнь ничто передъ смертью... Никакая добродѣтель, никакой умъ, слава и красота не спасаютъ отъ уничтоженія.

Хакимъ Эрьгуудзль весело разсмѣялся.

— Лебедь Хантыгая, ты боишься того, чего не существуетъ... Смерть—это когда ты думаешь только объ одномъ себѣ, и ея нѣтъ, когда ты думаешь о другихъ. Какъ это просто, лебедь Хантыгая!.. Созрѣвшій плодъ падаетъ на землю— развѣ это смерть?...

И просвѣтлѣла душа Бай-Сутды отъ этихъ простыхъ словъ, и понялъ онъ то, чего не досказалъ хакимъ Эрьгуудзль: испугала его своя старческая слабость, затемнившая на время свѣтъ сердца...

Черезъ десять лѣтъ вернулся лебедь Ханты-гая домой, и пронеслись по всему ханству его новыя пѣсни, какъ прилетѣвшія весной птицы: онъ пѣлъ о счастьи трудящихся, о счастьи добрыхъ и любящихъ, о счастьи простыхъ... Эхомъ повторяли эти пѣсни и пастухи въ степи, и пахарь за плугомъ, и молодая дѣвушка за прялкой, и старики, согрѣвавшіе свое холодѣвшее тѣло около огня.

СЛЕЗЫ ЦАРИЦЫ.

I.

Старый Узунъ-Ханъ заскучалъ. Не утѣшали его больше ни зеленые сады, окружавшіе дворецъ, ни журчавшіе фонтаны, ни побѣды его войска, ни первый ханскій совѣтникъ Джучи-Катэмъ, котораго старый ханъ называлъ «лучшимъ изъ двухъ моихъ глазъ», ни сказки хитрой ханской смотрительницы садовъ Алтынъ-Тюлгю («золотая лисица»), ни наконецъ, ученыя разсужденія и стихи придворнаго поэта и ученаго Уучи-Бушъ («горсть его пуста»). Цвѣтущій Зеленый Городъ, въ которомъ были собраны сокровища десяти разоренныхъ Узунъ-Ханомъ сосѣднихъ государствъ, затихъ въ ожиданіи, чѣмъ разрѣшится тоска хана: можетъ быть, будетъ объявлена война, или начнутся казни

томившихся по клоповникамъ враговъ, или ханъ развеселится и задастъ одинъ изъ тѣхъ пировъ, на которыхъ веселились десятки тысячъ народа. Но въ ханскомъ дворцѣ было тихо, какъ въ могилѣ; а старый Узунъ-Ханъ, качая своею дряхлою, трясущеюся головой, говорилъ Алтынъ-Тюлгю:

— Алтынъ - Тюлгю, не повѣсить ли мнѣ тебя для развлеченія, а чтобы тебѣ одной не скучно было висѣть, не вздернуть ли рядомъ съ тобою самаго ученаго человѣка въ свѣтѣ, Уучи-Бушъ?

— Солнце не будетъ свѣтлѣе, если погасить двѣ жалкихъ, чадящихъ плошки,—отвѣчала хитрая Алтынъ-Тюлгю. — А ханское сердце, какъ море безъ береговъ: въ немъ утонетъ каждый, кто осмѣлится заглянуть на дно...

Голова у стараго Узунъ-Хана тряслась уже давно, а лицо было страшно-желтое, сморщенное, съ беззубымъ ртомъ, отвисшею нижнею челюстью и мутными слезившимися глазами. Это внѣшнее безобразіе скрывалось подъ дорогимъ шелкомъ, рѣдкими мѣхами, золотомъ и драгоцѣнными камнями, такъ что подданные хана, которые видѣли его издали, считали его по прежнему, самымъ могучимъ, сильнымъ и мудрымъ изъ земныхъ царей. Дѣти тоже не видѣли близ-

ко стараго хана, а у него семья была порядочная: сто сыновей и двѣсти дочерей. Одни приближенные знали, что такое Узунъ-Ханъ, когда-то знаменитый завоеватель, залившій кровью цѣлыя государства, разрушившій десятки цвѣтущихъ городовъ и обезлюдившій многія сосѣднія области.

Одна надежда оставалась у Алтынъ-Тюлгю, которая до сихъ поръ не обманывала ее: скучавшій Узунъ-Ханъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что утѣшался въ своихъ придворныхъ садахъ, въ которыхъ собраны были красавицы со всего Востока. Одинъ садъ назывался Летафетъ-Намехъ (книга прелести), а другой—Баги-Дигиштъ (ханское небо). Много было собрано въ этихъ садахъ ханскихъ женъ, наложницъ и просто «аячекъ» (женская прислуга), ждавшихъ по цѣлымъ годамъ, на которую изъ нихъ падетъ ласковый ханскій взглядъ, — такъ цвѣты ждутъ ночной росы и сохнутъ, если небо затворится, какъ затворилось старое ханское сердце. Но ханское сердце было шире моря и отъ его взгляда не укользала ни одна красивая женщина въ цѣломъ государствѣ, а первый ханскій совѣтникъ Джучи-Катэмъ особенно былъ почтенъ за свои заслуги, Узунъ-Ханомъ: повелитель отнялъ у него мать, жену и дочь. Джучи-Катэмъ при-

нялъ эти милости хана съ веселымъ лицомъ и, кланяясь въ землю, повторялъ:

— Одно солнце на небѣ, одинъ Узунъ-Ханъ на землѣ и одна голова у ничтожнаго Джучи-Катэма, которая думаетъ только объ одномъ, какъ угодить солнцу міра...

— О, Джучи-Катэмъ, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, чѣмъ я могу наградить тебя достаточно?—спрашивалъ Узунъ-Ханъ, тряся своею сѣдою головой. — Одна у меня Алтынъ-Тюлгю, и когда у ней во рту останется всего одинъ зубъ, я отдамъ ее тебѣ...

Джучи-Катэмъ и Алтынъ-Тюлгю ненавидѣли другъ друга, какъ собака и кошка, связанныя хвостами вмѣстѣ, потому что никакъ не могли раздѣлить ханскую любовь пополамъ. Узунъ-Ханъ наслаждался ихъ ссорами и заставлялъ Уучи-Бушъ мирить ихъ,—великій ученый умѣлъ смотрѣть на все ханскими глазами и слушать ханскими ушами.

И такъ, Узунъ-Ханъ скучалъ... Безмолвно стояли ханскіе сады, какъ двѣ зеленыя могилы, напрасно слонялся по дворцу Уучи-Бушъ, изобрѣтая новое развлеченіе для хана, а хитрая Алтынъ-Тюлгю все думала и думала, и мысли въ ея головѣ метались, какъ летучія мыши въ старой развалинѣ. Весь Зеленый Городъ

не могъ придумать больше, чѣмъ хитрая старуха. Наконецъ, она придумала... О, какъ заиграло ея старое сердце, когда счастливая мысль была поймана, и самъ ученый Уучи-Бушъ, тайный ея совѣтникъ и повѣренный, сказалъ ей:

— Алтынъ-Тюлгю, всѣ ученые всего міра не стоютъ одной твоей пуговицы, и если бы я былъ ханомъ, то велѣлъ бы вызолотить тебя... И ханъ будетъ радъ твоей выдумкѣ, и Джучи-Катэмъ выпьетъ чашу испытаній до дна.

Никто въ Зеленомъ Городѣ не зналъ о выдумкѣ Алтынъ-Тюлгю, и только жемчужные фонтаны плакали и жаловались въ ночной тиши, когда тихо спалъ въ ханскихъ садахъ рой красавицъ, а соловей громко пѣлъ о любви, счастьи и вѣчной радости. Алтынъ-Тюлгю каждый вечеръ являлась къ Узунъ-Хану и разсказывала ему свои сказки, пока обезсиленный старикъ не засыпалъ тревожнымъ, старческимъ сномъ.

II.

Узунъ-Ханъ призываетъ къ себѣ рано утромъ вѣрнаго своего раба Джучи-Катэмъ и говоритъ ему:

— Лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, я много думалъ всю эту ночь... Все мое государство

спало мертвымъ сномъ, начиная отъ нищихъ, погонщиковъ ословъ, странствующихъ дервишей и кончая военною стражей, приставленной оберегать мой дворецъ, — да, всѣ спали, и только старый ханъ не спалъ. Онъ думалъ, что живетъ не справедливо, и пролилъ много напрасныхъ слезъ. Ханъ такой же человѣкъ, какъ и другіе,—у него не десять желудковъ, какъ у верблюда, не тысяча глазъ, какъ у дракона, и всего одно сердце. Не такъ ли, великій ученый Учи-Бушъ?..

Великій ученый только закрылъ глаза отъ умиленія и приложилъ руки къ сердцу; а въ другой комнатѣ, спрятавшись за занавѣской, радовалась Алтынъ-Тюлгю. Конечно, Узунъ-Ханъ старъ, и ему тяжело носить свое собственное тѣло, но умъ у него все такой же острый, какъ и раньше, — самой Алтынъ-Тюлгю не сказать такъ, какъ скажетъ Узунъ-Ханъ.

— Справедливо ли, если одинъ человѣкъ возьметъ себѣ тысячу молодыхъ и красивыхъ женщинъ?—продолжалъ ханъ, тряся головой.— Онъ походитъ на того безумца, который, чтобы утолить жажду, не напьется досыта изъ одной рѣки, а бѣжитъ къ слѣдующей рѣкѣ съ новою жаждой и такъ далѣе, пока не падетъ въ изнеможеніи. Нашъ придворный ученый Учи-Бушъ,

рискуя потерять свою мудрую голову, именно такъ и заявилъ: «это несправедливо». Онъ не побоялся даже ханскаго гнѣва и сказалъ прямо: «ты, Узунъ-Ханъ, старъ и тебѣ необходимо подумать о твоихъ заблужденіяхъ, чтобы исправиться хоть подъ конецъ жизни». Учи-Бушъ сказалъ правду и я награжу его по-царски за его смѣлость. Да, я былъ неправъ... И всего больше я былъ неправъ предъ тобой, Джучи-Катэмъ, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, потому что обезчестилъ твою мать, отнялъ жену и опозорилъ дочь. Теперь я старъ и хочу исправиться... Взгляни на голубей, на лебедя, на соловья, на медвѣдя, на льва, какъ они живутъ? Самая кроткая птица, самая бѣлая птица и самая сладкозвучная птица живутъ парами, какъ велѣлъ имъ Богъ. Царь пустыни—левъ тоже живетъ съ одною подругой, потому что онъ долженъ служить всѣмъ другимъ звѣрямъ примѣромъ. Я хочу сдѣлать тоже, Джучи-Катэмъ, и выбираю тебя своимъ помощникомъ... Ты знаешь, что каждую весну мои приставники объѣзжали все государство и выбирали для моихъ садовъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, другіе приставники отправлялись въ другія государства и покупали лучшихъ невольницъ, — я ничего не жалѣлъ, чтобы лучшія розы цвѣли

въ Баги-Дигиштъ и въ Летафетъ-Намехъ. Но мои приставники обманывали меня: мое сердце оставалось холодно, потому что они не могли найти именно той дѣвушки, которая сдѣлала бы меня счастливымъ. Ты, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, сдѣлаешь это, и великій мудрецъ Уучи-Бушъ уже предсказалъ тебѣ полный успѣхъ... Иди и найди ту, которая возвратитъ мнѣ мою молодость, счастье и веселье. Обманывавшихъ меня приставниковъ я велю повѣсить, а тебѣ отдамъ въ награду все ихъ имущество, женъ и дѣтей. Твоимъ помощникомъ будетъ ученѣйшій Уучи-Бушъ...

Джучи-Катэмъ поклонился хану въ землю и вышелъ. Онъ не вѣрилъ ни одному слову хитраго старика, — подъ каждымъ ласковымъ словомъ Узунъ-Хана скрывалась ядовитая змѣя. Передъ казнью онъ ласкалъ своихъ враговъ и наслаждался ихъ довѣрчивостью, а тѣхъ, кто ему былъ полезенъ, преслѣдовалъ утонченными пытками, какъ было съ нимъ, Джучи-Катэмъ.

Какъ сказалъ ханъ, такъ и сдѣлалъ. Вечеромъ Джучи-Катэмъ получилъ пять мѣшковъ съ головами казненныхъ приставниковъ и живаго Уучи-Бушъ, который былъ глупъ, какъ семь барановъ вмѣстѣ. Вѣсть о желаніи хана отыскать

себѣ жену уже облетѣла Зеленый Городъ, и въ ханскихъ садахъ произошелъ страшный переполохъ. Это былъ не обычный весенній наборъ ханскихъ невольницъ, а что-то новое, что заставило задуматься старыхъ ханскихъ женъ и всѣхъ матерей ханскихъ женъ и всѣхъ матерей ханскихъ дѣтей. Что-то будетъ, когда явится эта одна дѣвушка! Стоны и плачъ поднялись въ ханскихъ садахъ, гдѣ томились ханскія красавицы, и только громко распѣвалъ невидимый ни для кого соловей, напрасно утѣшавшій сгоравшія отъ любви розы.

А Джучи-Катэмъ уже принялся за дѣло. Въ его распоряженіе были отданы всѣ войска, стоявшія по областямъ. Изъ тысяченачальниковъ и сотниковъ образовалась громадная свита, обязанная повиноваться каждому его взгляду. Народъ привыкъ къ подобнаго рода зрѣлищамъ, и чадолюбивые родители съ завистью думали о той счастливицѣ, которая войдетъ царицей въ Зеленый Городъ. Тысячи дѣвушекъ въ возрастѣ отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ ждали, какъ праздника, появленія Джучи-Катэма: каждая мечтала быть ханшей. Всѣ были довольны, и только одинъ Джучи-Катэмъ ѣхалъ такой грустный и задумчивый,—его безпокоило предчувствіе чего-то нехорошаго. Когда подчинен-

ные обращались къ нему за чѣмъ-нибудь, онъ хмурился и говорилъ:

— Спросите Уучи-Бушъ, онъ все знаетъ...

Пресмыкавшійся при дворѣ великій ученый теперь находился на верху блаженства и ѣхалъ верхомъ на конѣ съ видомъ счастливаго завоевателя, вступившаго въ только что побѣжденную страну. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ вездѣ такъ хорошо принимали, какъ князей, а Уучи-Бушъ любилъ почетъ, жирную баранину и бездѣлье. Въ каждомъ городѣ къ нему являлись депутаціи отъ мѣстныхъ ученыхъ и въ честь свѣтила науки читались раболѣпные стихи, отъ которыхъ могла закружиться голова даже у верблюда, но Уучи-Бушъ прикидывался скромнымъ и не хотѣлъ проронить ни одного зерна своей мудрости. За то какъ гордо поднималъ онъ голову въ маленькихъ селеніяхъ и мѣстечкахъ, точно пророкъ. Да и новыя обязанности такъ нравились старому ученому, и онъ лично осматривалъ всѣхъ дѣвушекъ, чтобы напрасно не безпокоить недостойныхъ далекимъ путешествіемъ къ ханскому двору.

Такимъ образомъ, въ три мѣсяца они объѣхали почти все государство и набрали тысячи дѣвушекъ.

— Теперь можно будетъ и самимъ вер-

нуться,—рѣшилъ Джучи-Катэмъ.—Ханское повелѣніе исполнено...

— Нѣтъ, мы должны объѣхать все государство,—спорилъ Уучи-Бушъ съ непонятнымъ упрямствомъ.—Мы должны осмотрѣть всѣ уголки, чтобы вернуться къ хану съ чистою совѣстью... Можетъ быть, счастье хана спряталось гдѣ-нибудь въ глуши.

Конечно, Уучи-Бушъ, былъ глупъ, но это упрямство встревожило Джучи-Катэмъ, и онъ возненавидѣлъ пустую голову величайшаго въ свѣтѣ ученаго. Недаромъ же старый ханъ послалъ съ нимъ этого стараго болтуна, и сердце Джучи-Катэмъ наполнилось подозрѣніемъ. Ужели во всемъ этомъ скрыта была ловушка для него?

III.

На сѣверѣ владѣнія Узунъ-Хана заканчивались Голодною Степью. Когда-то здѣсь была цвѣтущая страна, но Узунъ-Ханъ завоевалъ ее, разрушилъ города, одну часть жителей перебилъ, а остальныхъ выселилъ въ другія области. Гдѣ каждый клочекъ земли былъ воздѣланъ, гдѣ зеленѣли фруктовые сады и по два раза въ годъ поля одѣвались тучными нивами,—тамъ сейчасъ разлеглась голодная пустыня, и только гулялъ

по ней степной вѣтеръ, засыпавшій мелкимъ пескомъ развалины городовъ, водоемы и громадную сѣть арыковъ. Изсякла вода и надъ Голодною Степью царила смерть. Обходили ее торговые караваны, пастухи съ своими стадами и даже степные разбойники. Узунъ-Ханъ гордился этою степью, какъ доказательствомъ своего могущества: одно его слово превращало цѣлыя государства въ пустыню. Такъ дѣлали всѣ великіе завоеватели. Отъ Зеленаго Города до Голодной Степи было десять дней пути, но вотъ уже сорокъ лѣтъ никто сюда не ѣздилъ и не ходилъ, за исключеніемъ рѣдкихъ охотниковъ, посѣщавшихъ иногда лѣсистый горный хребетъ Чолпанъ-Тау, гдѣ скрывались по лѣснымъ чащамъ олени и маралы.

Но жизнь притаилась и въ Голодной Степи, именно на сѣверномъ склонѣ Чолпанъ-Тау, гдѣ громоздились скалы и голые утесы. Тамъ въ пещерѣ жилъ столѣтній старикъ Байгыръ-Ханъ, одинъ изъ князей царившаго когда-то въ Голодной Степи ханскаго рода, истребленнаго Узунъ-Ханомъ. Когда-то онъ былъ лучшимъ джигитомъ, имѣлъ громадныя стада, сады, воздѣланныя поля и большую семью, но все это исчезло, благодаря завоеванію. Байгыръ-Ханъ дрался, какъ левъ, защищая свою родину, и когда все было

кончено, ушелъ въ Чолпанъ-Тау, чтобы здѣсь на неприступныхъ высотахъ дорого продать жизнь своему счастливому врагу. Съ нимъ въ горы ушла горсть степныхъ батырей. Эти герои цѣлый годъ защищались въ горахъ, пока не были перебиты до послѣдняго. Былъ убитъ и Байгыръ-Ханъ, т.-е. его сочли убитымъ. Но онъ лежалъ только въ безпамятствѣ и очнулся, когда враги ушли. Да, Байгыръ-Ханъ очнулся и пожалѣлъ, что остался живъ. У него еще оставались глаза, чтобы оплакивать несчастія цѣлаго народа. Онъ навсегда поселился въ Чолпанъ-Тау, съ каменистыхъ высотъ котораго открывался видъ на Голодную Степь. На его глазахъ степной песокъ хоронилъ вытоптанныя поля, разрушенные города и дорогія могилы,—нѣтъ, вся Голодная Степь была одною сплошною могилой, и Байгыръ-Ханъ сидѣлъ на своей скалѣ, какъ горный орелъ съ перебитыми крыльями. Сначала онъ хотѣлъ мстить Узунъ-Хану, потомъ сталъ думать, что за него отомстятъ другіе, и, наконецъ, рѣшилъ, что за сдѣланную несправедливость заплатитъ кровожадному завоевателю самъ Богъ. Года шли надъ Чолпанъ-Тау быстрою чередой, а Байгыръ-Ханъ превратился въ отшельника. Онъ питался горными травами, кореньями и тѣмъ, что давала охота, и все углублялся въ

размышленія. О его существованіи знали только нѣсколько человѣкъ переселенцевъ изъ Голодной Степи, иногда навѣщавшихъ старика со всѣми предосторожностями, чтобы не выдать его Узунъ-Хану. Когда Байгыръ-Хану было уже девяносто лѣтъ, къ нему привезли четырехлѣтнюю дѣвочку, послѣднюю отрасль царившаго когда-то въ Голодной Степи ханскаго рода. Эта была такая тайна, о которой не подозрѣвалъ даже самъ Байгыръ-Ханъ. Онъ сначала не вѣрилъ, но потомъ, когда заплакали столѣтнія очи, сердце Байгыръ-Хана раскрылось: Богъ великъ и недаромъ онъ, Байгыръ-Ханъ, прожилъ въ своихъ горахъ столько лѣтъ,—радость къ нему слетѣла какъ птица.

— Я чувствую, что это моя кость *),—сказалъ Байгыръ-Ханъ, цѣлуя четырехлѣтняго ребенка. —Богъ великъ и послалъ мнѣ послѣднее утѣшеніе...

Дѣвочку звали Кара-Нингиль («черный жемчугъ»), и она поселилась въ одной пещерѣ съ Байгыръ-Ханомъ. Старикъ ожилъ, точно родился во второй разъ, и каждое утро приносило ему новую радость. Черными большими глазами Кара-

---

*) Кость—родъ.

Нингиль смотрѣла на него новая жизнь, а ея улыбкой улыбалось будущее. Явились двѣ козы, собака, дѣтскія игрушки, которыя мастерилъ Байгыръ-Ханъ съ особеннымъ удовольствіемъ. По вечерамъ, когда солнце спускалось къ горизонту, старикъ долго сидѣлъ гдѣ-нибудь на камнѣ, смотрѣлъ внизъ, гдѣ разлеглась широкою полосой Голодная Степь, и пѣлъ про старыхъ батырей, про удивительныхъ красавицъ и про жестокаго Узунъ-Хана. Онъ не помнилъ, кто сложилъ эти пѣсни—онъ ли самъ, или кто другой, но душа требовала живаго слова, чтобы нарушить мертвую тишину тѣснившихся кругомъ горъ. Кара-Нингиль слушала пѣсни Байгыръ-Хана и сладко засыпала на его колѣняхъ невиннымъ дѣтскимъ сномъ. Дѣвочка росла, какъ росли кругомъ лѣсные цвѣты и пахучія горныя травы, съ тою разницей, что цвѣты не умѣютъ улыбаться и не плачутъ надъ несчастіями напрасно погибшихъ людей. Кара-Нингиль точно выросла въ этомъ сказочномъ царствѣ мертвыхъ, какъ на могилахъ выростаютъ зеленыя деревья. А Байгыръ-Ханъ точно помолодѣлъ съ ней и былъ увѣренъ, что не умретъ пока Кара-Нингиль не выростетъ совсѣмъ большою горною красавицей.

Цѣлые дни Кара-Нингиль проводила въ лѣсу и знала каждый уголокъ на ближайшихъ горахъ

Она не боялась ходить одна и карабкалась по скаламъ, какъ горная коза. Любимымъ ея мѣстомъ была Кузь-Тау (Гора-Глазъ) на скалистой вершинѣ которой сохранились развалины старой крѣпости; когда она была построена, кѣмъ и для чего—не помнитъ даже Байгыръ-Ханъ, а Кара-Нингиль любила это мѣсто потому, что съ него открывался великолѣпный видъ почти на весь Чолпанъ-Тау и Голодную Степь, уходившую изъ глазъ желтымъ ковромъ. Байгыръ-Ханъ называлъ Кузь-Тау проклятымъ мѣстомъ, на которомъ даже не ростутъ цвѣты, и не любилъ ходить туда. Да и трудно было столѣтнему старику подниматься на такую кручу,—на Кузь-Тау онъ отбивался отъ своихъ непріятелей и здѣсь былъ раненъ въ послѣдній разъ. Толстыя, старыя стѣны, сложенныя изъ дикаго камня, служили прекрасною защитой и только недоставало воды—глубокій колодезь, устроенный въ крѣпости, давно обвалился и въ немъ жили змѣи да летучія мыши.

Въ двѣнадцать лѣтъ Кара-Нингиль сдѣлалась задумчивою дѣвушкой и почти каждый день уходила на Кузъ-Тау,—сядетъ на выступъ стѣны и долго-долго смотритъ въ даль, гдѣ синее небо сливается съ желтою степью. Ей казалось, что именно оттуда явится одинъ изъ тѣхъ батырей, о которыхъ пѣлъ Байгыръ-Ханъ. Иногда она

даже слышала топотъ конской скачки и далекіе голоса, но все это происходило только у ней въ головѣ, и Кара-Нингиль даже вздрагивала. Однажды, когда она сидѣла такимъ образомъ на Кузь-Тау, до ея слуха донесся далекій звукъ охотничьяго рога и лай собакъ. Дѣвушка испугалась, вспорхнула, какъ птичка, и понеслась къ своей пещерѣ.

— Дѣдушка, тамъ, въ горахъ, кто-то есть,— говорила она Байгыръ-Хану.—Я сама слышала... Мнѣ страшно.

— Это шайтанъ трубитъ,—говорилъ старикъ.—Кому быть въ горахъ?.. Я живу здѣсь сорокъ лѣтъ и никого не видалъ... Это показалось тебѣ, шайтанъ пугаетъ.

На этотъ разъ Байгыръ-Ханъ ошибся: по горамъ рыскала ханская охота. Изъ ханской свиты отбился лучшій охотникъ и заблудился въ горахъ. Далеко залетѣлъ соколъ, а за нимъ ускакалъ джигитъ на золотистомъ аргамакѣ. Когда Кара-Нингиль бѣжала съ Кузь-Тау джигитъ замѣтилъ ее и скоро отыскалъ пещеру, гдѣ скрывался Байгыръ-Ханъ. Это былъ настоящій батырь, летавшій на своемъ аргамакѣ, какъ птица. Когда онъ спѣшился у пещеры, Байгыръ-Ханъ сказалъ:

— Сорокъ лѣтъ живу въ горахъ, а перваго

живаго человѣка вижу... Заходи, гость будешь

Батырь только улыбнулся:

— Сколько тебѣ лѣтъ, старикъ? — спросилъ онъ.—Сто лѣтъ ты прожилъ на свѣтѣ, а обманывать не научился.

Байгыръ-Ханъ испугался, но только покачалъ головой и сказалъ:

— Столѣтній старикъ обманулъ оттого, что испугался, а ты, батырь, съ собой возишь свой страхъ...

Эти слова заставили батыря задуматься,— старикъ угадалъ.

— Меня привелъ сюда мой соколъ, и я не сдѣлаю тебѣ никакого зла,—отвѣтилъ онъ, опуская глаза.—А дѣйствительно есть у меня горе... Ты все знаешь, отшельникъ, и я разскажу тебѣ.

Батырь началъ разсказывать, какъ Узунъ-Ханъ обезчестилъ его мать, отнялъ жену и опозорилъ дочь и что онъ отомститъ ему. Байгыръ-Ханъ слушалъ его и качалъ своею сѣдою головой. Зачѣмъ мстить?.. Богъ великъ, и у всякаго своя радость. Нужно жить такъ, чтобы самому не обижать другихъ. Улыбнулся батырь, разспросилъ про дорогу и уѣхалъ.

Ровно черезъ годъ онъ пріѣхалъ опять, но

теперь уже одинъ, и привезъ Байгыръ-Хану цѣлый тюкъ дорогихъ подарковъ.

— Отдай это своей дѣвочкѣ,—сказалъ онъ.— Будетъ большая—пригодится.

Байгыръ-Ханъ опять покачалъ головой, разсматривая дорогіе подарки; батырь былъ не простой человѣкъ, и не соколъ привелъ его сюда, а, можетъ быть, сама судьба. Онъ позвалъ Кара-Нингиль, велѣлъ ей поблагодарить батыря, а подарки возвратилъ. Взглянулъ батырь на Кара-Нингиль, на ея темные опущенные глаза, на стройный станъ, на румяныя щеки и только вздохнулъ.

— Черезъ годъ пріѣду...—сказалъ онъ.

Забилось, какъ подстрѣленная птица, сердце батыря, еще ниже опустила свои темные глаза Кара-Нингиль, и когда батырь уѣхалъ и пропалъ топотъ его лошади, она все стояла на одномъ мѣстѣ, какъ очарованная. Байгыръ-Ханъ даже разсердился на нее, въ первый разъ разсердился, какъ жили они вмѣстѣ десять лѣтъ, и долго ничего не говорилъ. Старикъ думалъ свое, Кара-Нингиль—свое.

Черезъ годъ батырь дѣйствительно явился, но теперь онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ громадною свитой. Съ нимъ былъ Ууча-Бушъ, осматривавшій невѣстъ. Великій ученый уз-

налъ про Кара-Нингиль, какъ лучшую красавицу, и взялъ ее въ число невѣстъ Узунъ-Хану. Батырь Джучи-Катэмъ ничего не сказалъ Байгыръ-Хану—темная ночь лежала у него на душѣ. Онъ впередъ зналъ, что Кара-Нингиль, его возлюбленная Кара-Нингиль, которую онъ сторожилъ, какъ зѣницу ока, сдѣлается избранницей Узунъ-Хана. Злую шутку подшутила надъ нимъ Алтынъ-Тюлгю, но всѣ они дорого заплатятъ ему за отнятую невѣсту... О, желѣзное сердце билось въ груди Джучи-Катэмъ, а на днѣ души лежала холодная змѣя.

— Я, Джучи-Катэмъ, отомщу за всѣхъ,—сказалъ онъ на прощанье плакавшему Байгыръ-Хану.—За каждую напрасно пролитую слезу Кара-Нингиль заплатятъ мнѣ по головѣ.

IV.

За Зеленымъ Городомъ, гдѣ, потонувъ въ садахъ, течетъ быстрый Икъ, выросъ новый городъ изъ разноцвѣтныхъ палатокъ—здѣсь собраны были красивыя дѣвушки со всего государства, и у каждой была своя палатка. Прежде чѣмъ сдѣлать выборъ, всѣхъ ихъ еще разъ осматривали новые приставники, знахари и опытныя старухи, состоявшія при ханскихъ дворахъ

надзирательницами. Исполнивъ свое порученіе, Джучи-Катэмъ думалъ уже получить свободу, но Узунъ-Ханъ сказалъ·

— Всякое хорошее дѣло нужно доводить до конца... Тебѣ трудно одному управляться съ дѣвичьимъ городомъ, Уучи-Бушъ слишкомъ ученъ для этого, а потому я назначаю тебѣ помощницей Алтынъ-Тюлгю.

Кара-Нингиль жила въ своей палаткѣ уже второй мѣсяцъ, и ей было весело. Въ шумной толпѣ веселыхъ дѣвушекъ она забыла и горы Чолпанъ-Тау, и свою пещеру, и самого Байгыръ-Хана. Молодое сердце рвалось отъ радости въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. По вечерамъ она подолгу сидѣла на берегу быстраго Ика и все слушала, какъ шумитъ засыпающій Зеленый Городъ: ревѣли верблюды, скрипѣли арбы, блеяли бараны и ржали лошади. Какъ ей хотѣлось увидать этотъ городъ, въ которомъ живетъ великій Узунъ-Ханъ: хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть! Попасть въ ханши она не думала—мало ли красивыхъ дѣвушекъ и безъ нея Ей надоѣдали только приставники, которые приходили каждый день и осматривали ее, какъ лошадь; одинъ осматривалъ зубы, другой—глаза, третій—волосы, руки, шею. Старухи обходили всѣ палатки по ночамъ и наблюдали, спокойно

ли спятъ красавицы и нѣтъ ли у нихъ дурныхъ примѣтъ, которыя можно скрыть днемъ. Джучи-Катэмъ она видѣла только издали, и онъ точно не хотѣлъ ее узнавать, что ее огорчало. Неужели батырь такъ скоро успѣлъ забыть ее и не чувствуетъ, какъ бьется ея сердце, когда онъ проходитъ мимо ея палатки?

Но за то какъ весело было днемъ, особенно утромъ, когда всѣ дѣвушки отправлялись купаться въ Икъ! Никто не смѣлъ подъѣхать къ Дѣвичьему Городу на триста шаговъ, потому что его оберегали отряды ханской стражи, и дѣвушки могли рѣзвиться на свободѣ, какъ хотѣли. Только разъ во время такого купанья на рѣкѣ показалась лодка, перепугавшая всѣхъ; это былъ самъ Узунъ-Ханъ, хотѣвшій полюбоваться купавшимися красавицами. Кара-Нингиль не хотѣла вѣрить, что сгорбленный желтый старикъ, у котораго такъ страшно тряслась голова, и есть Узунъ-Ханъ, о которомъ она такъ много слышала. Не велика радость сдѣлаться женою такой гнилой куклы, — ужь лучше было бы остаться въ Чолпанъ-Тау.

Въ другой разъ Кара-Нингиль страшно испугалась, когда ночью въ ея палатку, какъ тѣнь, вошла какая-то женщина. Эти отвратительныя старухи мѣшали даже спать.

— Не бойся меня, Кара-Нингиль,—заговорилъ молодой женскій голосъ, что еще больше удивило дѣвушку.—Я пришла тебѣ сказать, что именно ты будешь нашею ханшей. Это уже рѣшено... Меня зовутъ Акъ-Бибэ, я дочь Джучи-Катэмъ, котораго ты знаешь. Узунъ-Ханъ тоже любилъ меня, всего одинъ день любилъ, а потомъ отдалъ въ Летафетъ-Намехъ, гдѣ такихъ несчастныхъ дѣвушекъ сотни. Всѣ мы будемъ теперь служить тебѣ одной, какъ своей царицѣ... Тебѣ строятъ уже новый дворецъ.

— Я тебя не знаю, Акъ-Бибэ,—отвѣтила Кара-Нингиль,—и не знаю, что тебѣ нужно отъ меня.

— Что мнѣ нужно?—спросила Акъ-Бибэ и вдругъ заплакала, горько и неутѣшно заплакала.

— О чемъ ты плачешь, Акъ-Бибэ?

— Плачу и о себѣ, и о тебѣ, Кара-Нингиль... Ты еще такая молоденькая и совсѣмъ не знаешь, какъ страшно жить на свѣтѣ такой красавицѣ, какъ ты. Мой отецъ Джучи-Катэмъ полюбилъ тебя и хотѣлъ жениться, но объ этомъ узнала Алтынъ-Тюлгю и на зло отцу захотѣла сдѣлать тебя ханшей,—у бѣднаго отца все было отнято и нужно было еще отнять невѣсту...

Акъ-Бибэ горько плакала и разсказала Кара-Нингиль всѣ злодѣйства Узунъ-Хана. Этотъ

полусгнившій старикъ можетъ еще радоваться только муками, страданіями и униженіемъ другихъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ пріятнѣе Узунъ-Хану мучить его. Дальше Акъ-Бибэ разсказала Кара-Нингиль, какъ плачутъ и убиваются теперь всѣ женщины въ Летафетъ-Намехъ и въ Баги-Дигиштъ, какъ ненавидятъ ее, будущую царицу, всѣ сто ханскихъ сыновей и ханскія дочери и какъ будутъ проклинать собранныя въ Дѣвичьемъ Городѣ тысячи красавицъ, когда узнаютъ о выборѣ Узунъ-Хана.

— Я никому не сдѣлала зла...—шептала Кара-Нингиль.—Но, слушая тебя, я поняла только одно, что мнѣ не слѣдовало родиться или навсегда остаться въ Чолпанъ-Тау.

— У всякаго человѣка своя судьба, отъ которой не уйдешь. Нужно дѣлать то, къ чему ведетъ судьба.

— А что нужно дѣлать? — спросила Кара-Нингиль.

— Когда придетъ время, я тебя научу,—отвѣтила Акъ-Бибэ.—Красивыя дѣвушки родятся на свѣтъ для горя...

Ночь кончилась и Акъ-Бибэ ушла, чтобы пройти незамѣченною въ свой Летафетъ-Намехъ. Если бы ее замѣтили, то сейчасъ же казнили бы, потому что ханскія жены не должны были

переступать порога своихъ садовъ. Когда она ушла, Кара-Нингиль горько заплакала, — она впередъ возненавидѣла и Узунъ-Хана, и своихъ приставниковъ съ Алтынъ-Тюлгю во главѣ, и самого Джучи-Катэмъ, любовь котораго привела ее къ гибели. Если ее всѣ ненавидятъ, какъ будущую ханшу, то и она всѣхъ тоже ненавидитъ... Всю ночь громко пѣлъ соловей надъ палаткой Кара-Нингиль и всю ночь плакала Кара-Нингиль. Ей хотѣлось умереть такою, какою она была сейчасъ, — молодою, красивою, какъ тѣ сказочныя красавицы, о которыхъ пѣлъ ей Байгыръ-Ханъ.

Утромъ, когда Кара-Нингиль проснулась, посѣщеніе Акъ-Бибэ показалось ей какимъ-то тяжелымъ, ужаснымъ сномъ. Она точно умерла въ эту ночь и проснулась другою.

Какъ говорила Акъ-Бибэ, такъ и вышло.

Когда кончилось испытаніе собранныхъ дѣвушекъ, изъ каждаго десятка выбрали по одной, — получилось всего нѣсколько десятковъ красавицъ и Кара-Нингиль попала въ ихъ число. Изъ этихъ десятковъ выбрали всего семь—Кара-Нингиль попала и въ это число. Изъ этихъ семи выбрали одну, и эта одна была Кара-Нингиль. Загремѣли трубы въ Зеленомъ Городѣ, возликовалъ весь народъ и возрадовалось

сердце стараго Узунъ-Хана, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ Кара-Нингиль. Ея палатка изъ разноцвѣтной шелковой матеріи стояла теперь посрединѣ Дѣвичьяго Города и надъ ней развѣвались яркіе флаги, а сама Кара-Нингиль была разодѣта въ шелковыя платья, въ золото и дорогіе каменья. Но подъ этимъ шелкомъ, золотомъ и дорогими каменьями спряталось черное, безсильное горе, давившее молодое сердце Кара-Нингиль, какъ могильная плита.

V.

Свою свадьбу Узунъ-Ханъ захотѣлъ отпраздновать въ Дѣвичьемъ Городѣ, гдѣ шли усиленныя приготовленія. Въ центрѣ устроенъ былъ шелковый розовый шатеръ на золотыхъ столбахъ, кругомъ него шли одна за другой три ограды изъ шелковыхъ занавѣсей — зеленая, желтая, синяя. Издали этотъ шатеръ, украшенный флагами и расшитый золотомъ, походилъ на громадный цвѣтокъ. Внутри все было убрано дорогими коврами, шелковыми подушками, а посрединѣ стояла широкая кровать изъ золота. Другія палатки образовали широкій полукругъ. Узунъ-Ханъ не хотѣлъ радоваться одинъ и раздарилъ остальныхъ дѣвушекъ сво-

имъ приближеннымъ, военачальникамъ и любимцамъ. Досталась жена даже Учи-Бушъ, правда, самая некрасивая, но недостававшую женѣ красоту должна выкупать мудрость великаго ученаго. Недосталось жены только Джучи-Катэмъ, которому Узунъ-Ханъ сказалъ:

— У тебя, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, не должно быть другой радости, кромѣ моей... Ты будешь постоянно при мнѣ, вмѣстѣ съ Алтынъ-Тюлгю.

Чтобы царской невѣстѣ не быть одной, Узунъ-Ханъ велѣлъ ей выбрать аячекъ изъ обоихъ садовъ, и Кара-Нингиль выбрала одну Акъ-Бибэ, а по ея указаніямъ и другихъ. Когда Узунъ-Ханъ узналъ о сдѣланномъ выборѣ, то весело разсмѣялся.

Ко дню свадьбы въ Зеленый Городъ со всѣхъ сторонъ пришли и пріѣхали любопытные люди, желавшіе видѣть своими глазами, какъ радуется великій ханъ. Когда въ городѣ не хватило мѣста, поселились въ палаткахъ за городомъ, гдѣ въ зеленыхъ берегахъ весело катился быстрый Икъ. Все это радовало сердце Узунъ-Хана и онъ велѣлъ выстроить вокругъ Дѣвичьяго Города всѣ свои войска,—пусть всѣ радуются, кто дѣлилъ съ нимъ труды и опасности войны. По обычаю, невѣста должна была прі-

ѣхать во дворецъ хана, но на этотъ разъ Узунъ-Ханъ измѣнилъ его и сказалъ:

— Не земля ходитъ вокругъ земли, а солнце, такъ и ханское сердце...

Учи-Бушъ выбралъ самый счастливый день для свадьбы, какъ говорила ему его мудрость.

У Кара-Нингиль было столько ханскихъ подарковъ, что если бы надѣть на нее всѣ шелковыя матеріи, золото и камни, то ее раздавила бы эта тяжесть. Къ ней въ шатеръ имѣли право входить только ея аячки и Алтынъ-Тюлгю, а изъ мужчинъ одинъ Джучи-Катэмъ. Въ свадебную ночь онъ долженъ былъ спать въ шатрѣ, охраняя спокойствіе новобрачныхъ,— бо̀льшаго наказанія не могъ бы придумать самъ дьяволъ. Но у Джучи-Катэмъ въ груди билось желѣзное сердце, и онъ ходилъ съ веселымъ лицомъ, точно женился на Кара-Нингиль не Узунъ-Ханъ, а онъ. Это ввело въ заблужденіе и Кара-Нингиль: о, Джучи-Катэмъ никогда не любилъ ее!... Чему онъ радуется?... Всѣ кругомъ радовались, и одна Кара-Нингиль плакала потихоньку отъ всѣхъ.

Утромъ въ день свадьбы Джучи-Катэмъ шепнулъ ей:

— Не бойся, моя радость, и слушайся во

всемъ Акъ-Бибэ, какъ будто бы говорилъ это я. Когда я вижу тебя во снѣ—я умираю, а просыпаюсь и вижу тебя на-яву — еще разъ умираю... Ты будешь царицей, мое сердце.

Эти слова ободрили Кара-Нингиль. Вѣдь, кругомъ были всѣ чужіе, и она знала одного Джучи-Катэмъ,—знали его ея сердце и глаза. О, онъ такой красивый и мужественный, настоящій, батырь! Одно его слово стоило всего ея дѣвичьяго горя.

Рано утромъ въ Зеленомъ Городѣ протрубила первая труба, а ей отвѣтила изъ Дѣвичьяго Города другая. Это послужило сигналомъ для праздника. Тысячи людей, разодѣтыхъ въ лучшія платья, ожидали съ нетерпѣніемъ рѣдкаго праздника. Между двумя городами расположились двумя живыми стѣнами войска. Передъ шатромъ Кара-Нингиль въ полукругъ были устроены мѣста для пира, а для Узунъ-Хана и Кара-Нингиль одинъ высокій тронъ подъ желтымъ шелковымъ балдахиномъ. Съ этого мѣста Узунъ-Ханъ долженъ былъ показать всему народу новую царицу.

Громко били барабаны, трубили трубы, играла всякая музыка, только глухо затворилось сердце одной Кара-Нингиль. Страшная минута быстро приближалась, какъ грозная туча. Надъ

Зеленымъ Городомъ уже стоитъ цѣлое облако пыли, поднятое лошадиными копытами. Издали несется гулъ человѣческихъ голосовъ, точно гудитъ морской прибой. Когда показался изъ дворца самъ Узунъ-Ханъ, поднялся такой крикъ радости, что, казалось, сама земля дрогнула. Онъ ѣхалъ съ своею свитой верхомъ, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Дѣвичьему Городу, тѣмъ сильнѣе играла музыка, а народъ бѣжалъ вслѣдъ толпами, какъ выступившая изъ береговъ вода. Задрожало сердце у Кара-Нингиль, но она перемогла себя, чтобы встрѣтить жениха съ веселымъ лицомъ. Когда поѣздъ уже въѣзжалъ въ Дѣвичій Городъ, дѣвушкой овладѣлъ страхъ опять, но она еще разъ побѣдила себя и точно вся застыла.

— Скоро все кончится...—шептала Акъ-Бибэ, прислуживавшая Кара-Нингиль аячкой. — Ты будешь царицей... и будешь одна.

Когда Узунъ-Ханъ подъѣхалъ къ шатру, Кара-Нингиль должна была его встрѣтить во главѣ своей женской свиты. Учи-Бушъ прочиталъ стихи и жениху, и невѣстѣ, что было его обязанностью, а Джучи-Катэмъ помогъ спуститься Узунъ-Хану съ лошади, вѣрнѣе, снялъ его съ сѣдла, какъ подстрѣленную ворону. Узунъ-Ханъ взялъ Кара-Нингиль за руку

и ввелъ ее на царское мѣсто, рядомъ съ собой, чтобы весь народъ видѣлъ новую царицу. Играла музыка, били барабаны, тысячи народа и все войско кричали, какъ сумасшедшіе. Для праздника было зарѣзано стадо быковъ, тысяча барановъ и вездѣ были разставлены бочки съ виномъ. Ликовалъ и радовался весь народъ, какъ ханское сердце, а Учи-Бушъ читалъ новые стихи въ честь уже новобрачныхъ и пѣвцы пѣли ихъ подъ аккомпаниментъ музыки.

— Любишь ли ты меня, царица? — спрашивалъ Узунъ-Ханъ, тряся головой.

— Развѣ тебя можно не любить, мой повелитель?—отвѣчала Кара-Нингиль.

— О, не повелитель, а подданный...—шепталъ разслабленный страстью старикъ и у него даже глаза слезились отъ радости.

Пиръ продолжался цѣлый день, пока не закатилось солнце и пока Узунъ-Ханъ не отдалъ приказъ разойтись всѣмъ. Дѣвичій Городъ сразу опустѣлъ, только кругомъ огненнымъ кольцомъ охватили его костры парадной стражи, да играла музыка. Напуганные шумомъ соловьи сегодня не пѣли и сердце Кара-Нингиль замерло, какъ тѣ птицы, которыя въ холодную зиму замерзаютъ на лету.

Въ шатрѣ оставалась она теперь одна съ

Узунъ-Ханомъ. Джучи-Катэмъ почтительно стоялъ у входа и ждалъ приказаній. Алтынъ-Тюлгю и аячки толпились, какъ овцы, въ первой оградѣ,—онѣ должны были раздѣвать невѣсту, когда Узунъ-Ханъ ляжетъ въ постель.

— Нравится тебѣ моя невѣста? — спрашивалъ Узунъ-Ханъ вѣрнаго слугу Джучи-Катэмъ.—Это звѣзда, которая упала для меня съ неба...

Когда аячки совсѣмъ раздѣли Узунъ-Хана и онъ улегся въ постель, на дорогой коверъ, Джучи-Катэмъ подалъ условный знакъ своей дочери Акъ-Бибэ. Всѣ аячки бросились къ хану, закрыли его сверху шелковымъ брачнымъ одѣяломъ и, схвативъ коверъ за края, принялись трясти катавшагося подъ одѣяломъ, Узунъ-Хана. Это была почетная казнь для всѣхъ принцевъ крови, потому что существовалъ законъ, по которому «солнце не должно было видѣть ханской крови». Всѣхъ аячекъ было больше двадцати и онѣ такъ сильно трясли коверъ на воздухѣ, что старикъ скоро пересталъ кричать и его дряхлое, грѣшное тѣло каталось подъ одѣяломъ, какъ кусокъ масла, когда трудолюбивая хозяйка сбиваетъ молоко. Джучи-Катэмъ только распоряжался,—криковъ хана не было слышно за звуками игравшей у шатра музыки. Померт-

вѣвшая отъ страха Алтынъ-Тюлгю ползала теперь у ногъ Джучи-Катэмъ и молила о пощадѣ, но онъ ей только указалъ на стоявшую въ углу Кара-Нингиль.

— Вотъ наша царица: проси помилованія у нея...

Все это произошло такъ быстро, что Кара-Нингиль опомнилась только тогда, когда Узунъ-Ханъ былъ уже мертвъ. Джучи-Катэмъ опустился передъ ней на одно колѣно и сказалъ:

— Великая царица Кара-Нингиль, отнынѣ ты одна наша повелительница...

Кара-Нингиль строго посмотрѣла на Джучи-Катэмъ и отвѣтила:

— Если ты будешь служить мнѣ такъ же, какъ Узунъ-Хану, та я тебя оставлю при моемъ дворѣ въ прежней должности... Объяви народу черезъ бирючей, что великій Узунъ-Ханъ скончался отъ радости. Да будетъ благословенно имя великаго хана и моего мужа!...

Когда Зеленый Городъ проснулся на другой день, ханская стража, стерегшая Дѣвичій Городъ, уже провозгласила царицей Кара-Нингиль. За ней послѣдовали всѣ другія войска, и Кара-Нингиль при звукахъ трубъ вступила въ Зеленый Городъ, гдѣ и заняла ханскій дворецъ. По приказанію Джучи-Катэмъ, всѣ сто сыно-

вой Узунъ-Хана были перерѣзаны въ эту же ночь, а дочери заключены въ Баги-Дигиштъ до распоряженія новой царицы. Онъ ѣхалъ въ торжественной процессіи, когда Кара-Нингиль вступила въ Зеленый Городъ, рядомъ съ царицей и раскланивался съ кричавшимъ отъ восторга народомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Кара-Нингиль ничего не знала о несчастной судьбѣ убитыхъ принцевъ и радовалась, какъ вырвавшаяся на волю птица, — она осталась дѣвушкой, какой была въ Чолпанъ-Тау.

Уучи-Бушъ встрѣтилъ ее при вступленіи во дворецъ тѣми стихами, какіе были приготовлены на этотъ случай для Узунъ-Хана. Городъ опять ликовалъ... Что же? Великій Узунъ-Ханъ умеръ отъ радости и есть новая царица. Мертвый Узунъ-Ханъ лежалъ въ шатрѣ одинъ, какъ издохшій оселъ: даже старые вѣрные слуги перебѣжали на сторону новой царицы. Всякому было до себя, а старый ханъ не нуждался больше ни въ чьемъ участіи, кромѣ облѣпившихъ его мухъ.

VI.

Когда Кара-Нингиль узнала о произведенной Джучи-Катэмъ рѣзнѣ, сердце ея ужаснулось. Убито сто ханскихъ сыновей—это такая страш-

ная жертва, которой куплено было ея ханство. Она призвала къ себѣ Джучи-Катэмъ и объявила ему:

— Джучи-Катэмъ, я теперь знаю, чѣмъ я обязана тебѣ... Раньше мнѣ казалось, что я любила тебя. У тебя сердце тигра, Джучи-Катэмъ...

— Я только мстилъ за свой позоръ,..—отвѣтилъ Джучи-Катэмъ, опуская глаза.—Узунъ-Ханъ все отнялъ у меня и я двадцать лѣтъ таилъ въ себѣ эту месть. Теперь ты царица и Джучи-Катэмъ будетъ ягненкомъ.

Но Кара-Нингиль не вѣрила батырю и старалась не видѣть его. Даже Алтынъ-Тюлгю, и та оправдывала Джучи-Катэмъ: развѣ могъ онъ поступить иначе, когда всѣ ханы, вступая на престолъ, вырѣзываютъ своихъ соперниковъ до послѣдней головы? «Такъ велось изстари и такъ будетъ всегда»,—увѣряла старуха, трепетавшая за свою голову.

Тѣ ханскія жены-наложницы, которыя участвовали въ умерщвленіи Узунъ-Хана, сдѣлались теперь приближенными Кара-Нингиль и во главѣ всѣхъ стояла смѣлая дѣвушка Акъ-Бибэ. Черезъ нее Кара-Нингиль знала все, что дѣлается въ Зеленомъ Городѣ, что говорится въ войскахъ про новую царицу и даже что происходитъ въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ.

Когда Узунъ Ханъ былъ похороненъ съ подобающею великому человѣку пышностью и надъ его могилой выросъ громадный памятникъ, Кара-Нингиль уничтожила оба ханскихъ сада, а томившихся въ нихъ красавицъ выдала замужъ за лучшихъ военачальниковъ. Были довольны и бывшія ханскія жены, получившія молодыхъ мужей, а также и мужья, получившіе красивыхъ женъ съ богатымъ приданымъ. Все войско сказало, что Кара-Нингиль мудрая женщина. Остались около Кара-Нингиль только тѣ, которыя составляли ея свиту въ Дѣвичьемъ Городѣ. Ихъ она не отпустила: она не знала мужа и онѣ не должны были выходить замужъ. Это служило какъ бы платой за убійство Узунъ-Хана.

Когда ханскіе сады опустѣли, Кара-Нингиль захотѣла ихъ осмотрѣть. Вѣдь, объ этихъ садахъ ходили волшебные разсказы,—въ нихъ Узунъ-Ханъ собралъ всѣ сокровища, награбленныя въ Средней Азіи, въ Китаѣ и Персіи. Назначенъ былъ день для этого осмотра, и когда Кара-Нингиль вошла въ Летафетъ-Намехъ въ сопровожденіи своей свиты, всѣ цвѣты повяли на ея глазахъ. То же самое повторилось и въ Баги-Дигиштъ. Это очень огорчило Кара-Нингиль, и она не захотѣла осматривать роскошныхъ двор-

цовъ, гдѣ томились въ своей золотой неволѣ ханскія жены, наложницы и невольницы.

— Это сдѣлалъ какой-нибудь колдунъ,—объясняла Алтынъ-Тюлгю, испуганная не меньше царицы.—Мало ли на свѣтѣ дурныхъ людей.

Уучи-Бушъ подтверждалъ мнѣніе Алтынъ-Тюлгю, но Кара-Нингиль была грустная и думала про себя:

«Цвѣты не выносятъ моего присутствія, потому что изъ-за меня столько пролито невинной крови...»

Она теперь стала бояться каждаго цвѣтка. Въ ханскомъ дворцѣ не было цвѣтовъ, и она могла оставаться спокойной, но это ее ужасно мучило, хотя она никому и не говорила. Проходили дни недѣли, мѣсяцы, а Кара-Нингиль все думала объ одномъ. Нѣсколько разъ черезъ Алтынъ-Тюлгю она тайно доставала цвѣты и каждый разъ они умирали на ея глазахъ, точно на нихъ дохнулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Кара-Нингиль боялась, что народъ узнаетъ объ этомъ и откроетъ въ ней убійцу Узунъ-Хана.

— Буду дѣлать добро и тогда Богъ сниметъ съ меня это проклятіе,—думала Кара-Нингиль.

Первымъ дѣломъ она не дала въ обиду Алтынъ-Тюлгю, до которой добирался мстительный Джучи-Катэмъ, а потомъ сохранила жизнь Уучи-

Бушъ, ученая голова котораго готова была отдѣлиться отъ туловища по одному слову всесильнаго Джучи-Катэмъ. Хотѣлось Кара-Нингиль увидѣть Байгыръ-Хана, но самъ старикъ былъ настолько дряхлъ, что не могъ пріѣхать къ ней въ Зеленый Городъ, а она не могла отправиться въ Чолпанъ-Тау, чтобы не выдать себя—на Чолпанъ-Тау цвѣтовъ было мало, а Кузь-Тау стояла совсѣмъ голая, но были цвѣты по дорогѣ туда, въ тѣхъ горныхъ долинахъ, по которымъ бѣжали бойкія горныя рѣчки. Невозможность увидѣть Байгыръ-Хана сильно печалила Кара-Нингиль, но ей нельзя было вырваться изъ Зеленаго Города.

Джучи-Катэмъ сдѣлался главнымъ человѣкомъ во владѣніяхъ Узунъ-Хана, и отъ него зависѣло все. Но его не радовали ни власть, ни богатство, ни почести, потому что Кара-Нингиль разлюбила его. То, чего не могъ отнять Узунъ-Ханъ, ушло само собой. Свое горе онъ забывалъ въ работѣ, а работы было много. Между прочимъ, оказалось, что изъ прямыхъ наслѣдниковъ Узунъ-Хана оставался еще въ живыхъ одинъ, именно мальчикъ лѣтъ десяти, Аланча-Ханъ. Онъ какимъ-то чудомъ спасся отъ общаго избіенія ханскихъ сыновей и бѣжалъ въ горы, къ китайской границѣ. Во что бы то ни стало необходимо было добыть этого послѣдняго потомка Узунъ-

Хана, и только тогда царствованіе Кара-Нингиль будетъ обезпечено вполнѣ. Конечно, Джучи-Катэмъ не выдалъ никому своей работы и велъ дѣло въ величайшей тайнѣ. Аланча-Ханъ скрывался въ простой юртѣ у пастуховъ-киргизовъ и, какъ байгушъ *), пасъ стадо. Цѣлый годъ Джучи-Катэмъ выслѣживалъ и только черезъ годъ его схватилъ. Судьба мальчика была рѣшена впередъ и Кара-Нингиль не должна была ничего знать.

Но вышло иначе. О судьбѣ маленькаго Аланча-Хана разсказала Кара-Нингиль хитрая Алтынъ-Тюлгю, въ формѣ сказки, и царица горько плакала надъ судьбой несчастнаго ребенка. Когда же она узнала, что эта сказка быль и что Аланча-Ханъ живъ, она призвала къ себѣ Джучи-Катэмъ и стала на колѣняхъ умолять его не убивать невиннаго ни въ чемъ ребенка.

— Передъ тобой ползаетъ на колѣняхъ царица,—говорила Кара-Нингиль, ломая руки.

— Царица молитъ о своей и моей гибели,—повторялъ непреклонный Джучи-Катэмъ.—Или онъ, или мы.

— А если тебя будетъ просить не царица, а Кара-Нингиль, та Кара-Нингиль, которая тебя

*) Байгушъ — нищій.

любила?.. Тебя проситъ бѣдная дѣвушка изъ Чолпанъ-Тау...

Повернулось желѣзное сердце Джучи-Катэмъ отъ этихъ словъ и его сильныя руки опустились. Что было ему дѣлать? Аланча-Ханъ подростетъ и казнитъ ихъ всѣхъ... Но Кара-Нингиль такъ плакала, такъ молила его и даже цѣловала полы его платья, что Джучи-Катэмъ не устоялъ,—такъ вода подмываетъ самыя большія горныя скалы.

— Кара-Нингиль, помни: ты сама этого желала,—сказалъ Джучи-Катэмъ, поклонился и вышелъ.

Аланча-Ханъ былъ спасенъ. Его поселили въ Баги-Дигиштъ, окружили дворецъ высокою стѣной, поставили строгій караулъ и вообще приняли всѣ мѣры, чтобы Аланча-Ханъ не вырвался изъ своего заточенія на волю. Кара-Нингиль плакала отъ радости.

VII.

Аланча Ханъ былъ заживо погребенъ въ Баги-Дигиштъ и его окружала во дворцѣ нѣмая стража,—это были тѣ несчастные плѣнники, которымъ Узунъ-Ханъ велѣлъ вырѣзывать языки. Джучи-Катэмъ составилъ изъ нихъ вѣрную охрану и каждый день утромъ и вечеромъ при-

ходилъ повѣрять ихъ. Каждому ослушнику, оставившему свое мѣсто, грозила смертная казнь. Маленькій Аланча-Ханъ точно очутился въ царствѣ мертвыхъ и не слышалъ живой человѣческой рѣчи. Онъ, какъ тѣнь, бродилъ по комнатамъ своего дворца, гулялъ въ саду и цѣлые дни проводилъ у фонтановъ, точно разговаривавшихъ съ нимъ. Да, здѣсь не молчали одни фонтаны да по ночамъ плакали въ зелени чинаръ, миндалей и кипарисовъ соловьи. Нѣмая прислуга объяснялась съ ханомъ знаками, да и то только въ крайнихъ случаяхъ. Мальчикъ ничего не зналъ: зачѣмъ его засадили сюда, зачѣмъ держатъ въ неволѣ, зачѣмъ, наконецъ, не убьютъ, какъ убили его братьевъ. Онъ бродилъ по Баги-Дигиштъ, какъ живая тѣнь самого себя.

Какъ тихо тянулось время въ Баги-Дигиштъ, такъ быстро оно катилось за его стѣнами, тамъ, гдѣ раскинулся Зеленый Городъ. Дни, недѣли, мѣсяцы летѣли здѣсь, какъ птицы, особенно для Кара-Нингиль. Изъ неопытной и молоденькой дѣвушки она сдѣлалась совсѣмъ большою, но такою же красивой и свѣжей, какъ при вступленіи на престолъ. Ея сверсницы, вышедшія замужъ, успѣли уже состариться, потому что родили дѣтей, заботились, радовались и плакали, а Кара-Нингиль, попрежнему, оставалась дѣвуш-

кой и не знала мужскаго поцѣлуя. Она даже боялась мужчинъ, отъ которыхъ всѣ несчастія на землѣ: и война, и рожденіе дѣтей, и слезы обманутыхъ женъ, и много другихъ несправедливостей, какія дѣлаютъ сильные надъ слабыми. Кара-Нингиль рѣшила остаться дѣвушкой, чтобы посвятить свою жизнь своему народу и помаленьку исправить все то зло, какое нанесъ ему жестокій Узунъ-Ханъ. Въ средѣ ея приближенныхъ много было красавцевъ-батырей, но ни на одного не упалъ еще милостивый взглядъ царицы, точно застывшей въ своей заколдованной красотѣ. Процвѣтало земледѣліе, ремесла, торговля, искусства, и счастливый народъ превозносилъ свою мудрую царицу Кара-Нингиль, которую видѣли только одни придворные. Посѣдѣла черная борода у самого Джучи-Катэмъ, а Кара-Нингиль все оставалась дѣвушкой, ревниво охраняя «ледъ своей дѣвичьей гордости», какъ говоритъ поэтъ Гафизъ.

Никто, кромѣ Алтынъ-Тюлгю и Акъ-Бибэ, никто не зналъ, какъ скучаетъ эта неприступная красавица, когда остается одна. Простые люди и не должны были этого знать, а иначе они перестали бы уважать свою царицу. Прежде всего, она должна была сама уважать себя и говорила:

— Я царица не потому только, что Узунъ-Ханъ женился на мнѣ, а потому, что я изъ древняго ханскаго рода... Я — природная царица, настоящей царской крови.

Сосѣдніе государи попробовали было воспользоваться смертью Узунъ-Хана, чтобы завоевать его царство, но Джучи-Катэмъ побѣдоносно разбилъ ихъ на голову и могъ бы еще завоевать новыя владѣнія. Кара-Нингиль не хотѣла этого. Пусть только ее не трогаютъ. Мало-по-малу она такъ привыкла къ своей власти, что считала себя необыкновенною женщиной, совсѣмъ не похожею на тѣхъ дѣвушекъ, которыя выходятъ замужъ, родятъ дѣтей и быстро изнашиваются въ суетѣ своихъ ежедневныхъ женскихъ заботъ. Она—царица, и для нея нѣтъ обыкновенныхъ радостей, горя и слезъ. Когда ей дѣлалось скучно, Алтынъ-Тюлгю разсказывала свои сказки, а веселая Акъ-Бибэ пѣла пѣсни.

Но Кара-Нингиль очень часто уходила въ самую дальнюю комнату своего дворца, запиралась и долго плакала, — никто не долженъ былъ видѣть этихъ женскихъ слезъ, даже Акъ-Бибэ и Алтынъ-Тюлгю. Въ Кара-Нингиль съ страшною силой боролись царица и женщина. Выходила она изъ своего затвора такая веселая и спокойная такъ что никто не зналъ,

что она тамъ дѣлала. Не укрылась эта женская хитрость только отъ старыхъ глазъ Алтынъ-Тюлгю, которая, какъ собака, ловила каждое движеніе своей госпожи. Однажды она сказала царицѣ:

— Казни меня, царица, но ты плакала...

Кара-Нингиль вся вспыхнула, какъ пойманный на мѣстѣ воръ, но ничего не отвѣтила глупой старухѣ. Въ другой разъ Алтынъ-Тюлгю сказала ей:

— Ты хорошо дѣлаешь, что не знаешь ни одного мужчины, но, вѣдь ты состаришься и тогда пожалѣешь. Вели меня казнить, но я говорю правду...

Кара-Нингиль не казнила Алтынъ-Тюлгю, а только разсмѣялась.

Акъ-Бибэ думала другое: когда Кара-Нингиль начинала скучать, она придумывала какое нибудь развлеченіе. Разъ она сказала царицѣ!

— Пойдемъ, посмотримъ, что дѣлаетъ Аланча-Ханъ... Онъ насъ не увидитъ, а мы его посмотримъ. Онъ уже совсѣмъ большой и, какъ говорятъ, очень красивъ.

Кара-Нингиль согласилась на эту глупость и отправилась въ Баги-Дигиштъ вмѣстѣ съ Акъ-Бибэ. Аланча-Ханъ гулялъ въ саду, а онѣ смо-

трѣли на него черезъ отверстіе въ стѣнѣ сада.

— Ахъ, какой красивый! Настоящій ханъ!— шептала Акъ-Бибэ.—Какая у него гордая осанка, какіе горячіе глаза... Какъ жаль, что его нельзя выпустить изъ неволи. Джучи-Катэмъ неумолимъ...

Кара-Нингиль ничего не отвѣчала и вернулась домой задумчивѣе обыкновеннаго. Въ слѣдующій разъ она переодѣлась аячкой и отправилась въ Баги-Дигиштъ одна. Стража ее знала и пропустила. Аланча-Ханъ опять гулялъ въ саду и очень удивился, когда увидѣлъ передъ собой скромно одѣтую дѣвушку.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ онъ и удивился звуку собственнаго голоса,—онъ совсѣмъ отвыкъ говорить вслухъ.

— Меня послала къ тебѣ Кара-Нингиль, наша царица, спросить не нужно ли тебѣ чего-нибудь?—отвѣтила Кара-Нингиль, скромно опуская глаза, какъ настоящая аячка.

— Я съ женщинами не имѣю дѣла, — гордо отвѣтилъ Аланча-Ханъ и даже выпрямился, какъ молодой тополь.—Скажи Кара-Нингиль, что она дурная женщина... Она убила моихъ братьевъ и захватила престолъ. Она хочетъ заморить меня здѣсь, въ этой раззолоченной могилѣ, и я удивляюсь, почему она просто не велѣла меня

казнить. Такъ ей и скажи, я не боюсь смерти... Богъ насъ разсудитъ.

— Кара-Нингиль лучше, чѣмъ ты думаешь... Ей приписываютъ многое, чего она и не думала никогда дѣлать, а дѣлаютъ другіе отъ ея имени. О хорошемъ не говорятъ, а худое видятъ всѣ...

— Видно, сладко тебя кормитъ Кара-Нингиль, если ты такъ нахваливаешь ее—отвѣтилъ грубо Аланча-Ханъ и засмѣялся.

Это обидѣло Кара-Нингиль, какъ ударъ ножа, и глаза ея засверкали, но она удержала свой гнѣвъ и опять принялась хвалить мудрую царицу, которая жертвуетъ собой для другихъ.

— Если ты пришла только за этимъ, то это напрасный трудъ,—отвѣтилъ Аланча-Ханъ, отвернулся и прибавилъ: — Скажи своей Кара-Нингиль, что я ее ненавижу, какъ всѣ сто моихъ зарѣзанныхъ братьевъ... Во мнѣ царская кровь, а она дочь простаго пастуха...

Домой Кара-Нингиль вернулась огорченная и разгнѣванная. Зачѣмъ онъ ненавидитъ ее и обвиняетъ въ томъ, что она никогда не дѣлала? Это несправедливо. Но какой у него гордый видъ, у этого Аланча-Хана... Кара-Нингиль все думала о немъ, и въ ея сердце, какъ воръ ночью, прокралось чувство сожалѣнія къ не-

счастному узнику. Бѣдный Аланча-Ханъ!.. Что ни дѣлала Кара-Нингиль, мысль о ханскомъ сынѣ не покидала ее. Какъ она не нашлась тогда на его дерзость разсказать все то, что она знала объ Узунъ-Ханѣ и о томъ, какъ онъ обезлюдилъ Голодную Степь, разрушилъ многіе города и безчеловѣчно истребилъ ханскіе роды въ томъ числѣ и ея родъ? О, нужно еще разъ идти и сказать этому гордому мальчишкѣ все... Такъ и сдѣлала Кара-Нингиль. Аланча-Ханъ опять гулялъ въ саду и точно поджидалъ ее. Она уже приготовилась высказать ему все, какъ онъ остановилъ ее.

— Ахъ, какъ мнѣ скучно, аячка...—прошепталъ Аланча-Ханъ и отвернулся, чтобы скрыть непрошенную слезу. — Ты тогда говорила, что Кара-Нингиль справедлива и желаетъ сдѣлать все, чтобы улучшить мое положеніе. Я тогда не хотѣлъ унижаться до просьбы, но теперь скажи ей: Аланча-Ханъ проситъ Кара-Нингиль, пусть она позволяетъ своей аячкѣ приходить въ Баги-Дигиштъ каждый день.

— Это невозможно!.. — перебила его Кара-Нингиль и покраснѣла.

— Но, вѣдь, это ей ничего не стоитъ? Развѣ мало у ней аячекъ, чтобы уступить мнѣ всего одну?.. Потомъ ты не можешь понимать.

какъ подумаетъ царица. Можетъ быть она будетъ посылать тебя...

Прежняго гордаго ханскаго сына точно не было, а былъ несчастный человѣкъ, который точно постучался въ душу Кара-Нингиль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей ужасно было обидно, что онъ принимаетъ ее за простую аячку, которой царица можетъ распоряжаться, какъ ей угодно. Да и онъ видитъ въ ней просто женщину, которая усладила бы скуку одиночества. Но глаза Аланча-Хана говорили другое: они такъ любовно проводили ее и столько въ нихъ было печальной мольбы. Кара-Нингиль не выдержала и бѣжала отъ него, какъ бѣжитъ аргали отъ охотника. Онъ не спорилъ съ ней, какъ въ первый разъ, не бранилъ Кара-Нингиль; она увидѣла его печальнымъ... Нѣтъ, больше—онъ полюбилъ ее съ перваго раза, и полюбилъ не какъ царицу, а какъ полюбилъ бы всякую другую дѣвушку.

Это приключеніе взволновало Кара-Нингиль. Притомъ, все происходило при такой сказочной обстановкѣ. Царица видѣла Аланча-Хана даже во снѣ, и онъ шепталъ ей ласковыя слова и все смотрѣлъ своими темными, печальными глазами, смотрѣлъ прямо въ душу. Душно ей было въ своемъ дворцѣ, и во снѣ Кара-Нингиль шеп-

тала тѣ ласковыя слова, которыя душили ее. Но идти въ третій разъ къ нему она не рѣшилась: зачѣмъ напрасно мучить бѣднаго недоступнымъ призракомъ? А если онъ ждетъ ее? По крайней мѣрѣ, нужно же ему сказать, что Кара-Нингиль не согласна отпустить къ нему свою любимую и самую преданную аячку.

Съ этими мыслями Кара-Нангиль шла въ третій разъ въ Баги-Дагиштъ, но при входѣ стража загородила ей дорогу.

— Джучи-Катэмъ не велѣлъ пускать никого...

— Даже и меня? Вы знаете, кто я...

— Даже и тебя, царица.

— А, такъ вотъ какъ... — прошептала пристыженная Кара-Нингиль, и глаза ея засверкали небывалымъ еще огнемъ.

VIII.

Джучи-Катэмъ былъ схваченъ и заключенъ въ Летафетъ-Намехъ. Онъ сдѣлался такимъ же узникомъ, какъ и Аланча-Ханъ.

— Кто меня велѣлъ схватить и за что? — спрашивалъ онъ, оглушенный всѣмъ случившимся.

— Сама царица.

— Не можетъ этого быть! Дайте мнѣ случай переговорить съ ней, и царица увидитъ, что я страдаю невинно!.. Я всегда желалъ ей одного добра.

Но Кара-Нингиль не пожелала видѣть Джучи-Катэмъ, а только послала къ нему Алтынъ-Тюлгю сказать, что царица можетъ поступать, какъ хочетъ, и каждый ослушникъ ея волѣ понесетъ достойное наказаніе. Ничего не отвѣтилъ Джучи-Катэмъ, а только низко опустилъ свою голову: вотъ награда за его вѣрную службу и преданность.

Всѣ ждали, кого назначатъ на мѣсто Джучи-Катэмъ и какой счастливецъ приблизится къ царицѣ, но Кара-Нингиль хотѣла показать, что она настоящая царица и всѣми государственными дѣлами можетъ править одна. Ея воля—законъ для всѣхъ.

Теперь путь въ Баги-Дигиштъ былъ открытъ, и Кара-Нингиль могла отправляться туда, когда хотѣла. Эта свобода сначала даже ее немного смутила, и она точно не рѣшалась воспользоваться ею, какъ долго сидѣвшая въ клѣткѣ птица, которая расправляетъ крылья, прежде чѣмъ унестись въ небо. Ей было совѣстно предъ Акъ-Бибэ и другими женщинами. Но ее такъ и тянуло въ Баги-Дигиштъ: навѣрное, Аланча-Ханъ

ждетъ ее и скучаетъ. Онъ дѣйствительно ждалъ и, когда она пришла, попрежнему, скромною аячкой, онъ умоляюще протянулъ руки:

— Мнѣ казалось, что я умеръ, пока не видѣлъ тебя, — ласково шепталъ онъ. — Ну, что Кара-Нингиль? Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше мнѣ хочется увидѣть ее... Я знаю про нее все; она первая красавица во всемъ государствѣ.

— Ты красивѣе ея, Аланча-Ханъ... Но твоя красота, какъ спрятавшееся за тучами солнце. Потомъ Кара-Нингиль глупа.. Когда я ей сказала о твоемъ желаніи имѣть въ услуженіи аячку, она отвѣтила: иди къ нему и сдѣлай все, чтобъ онъ не скучалъ.

— Нѣтъ, она мудрѣйшая изъ всѣхъ женщинъ!... Значитъ, ты будешь приходить ко мнѣ каждый день?

— О, нѣтъ... Я могу приходить только иногда, но оставаться здѣсь не могу. Кара-Нингиль сказала: «Ты идешь къ нему чистою дѣвушкой и такою же возвратишься, а иначе я тебя казню».

Аланча-Ханъ только засмѣялся, а Кара-Нингиль опустила глаза. Каждый разъ, когда она приходила къ нему, онъ начиналъ ее разспрашивать про царицу, точно влюбленный. Сердце Кара-Нингиль усиленно билось, но она не откры-

вала своего настоящаго имени. Когда Аланча-Ханъ скучалъ, она разсказывала ему сказки, тѣ сказки, гдѣ влюбленные не узнавали другъ друга, а злая судьба смѣялась надъ ними. Всѣ свои мысли и чувства Кара-Нингиль передавала въ этой формѣ и наблюдала, какое дѣйствіе они производятъ на Аланча-Хана. Когда она входила въ Баги-Дигиштъ, то совсѣмъ измѣнялась,—гордая царица оставалась у воротъ сада, а здѣсь была скромная дѣвушка, боявшаяся каждаго ласковаго взгляда.

Случилось то, что равняетъ всѣхъ женщинъ. Когда Аланча-Ханъ въ первый разъ обнялъ и поцѣловалъ Кара-Нингиль, она задрожала, какъ подстрѣленная аргали, и только прошептала:

— Что ты дѣлаешь? Что я скажу Кара-Нингиль?

— Скажи ей, что я такъ хочу.

Кара-Нингиль едва вырвалась изъ его объятій и долго не показывалась въ Баги-Дигиштъ. Зачѣмъ онъ поцѣловалъ ее?... Этотъ поцѣлуй точно ожогъ ее, и, просыпаясь ночью, она протягивала руки невидимому Аланча-Хану. Конечно, онъ могъ поцѣловать простую аячку, но гордость царицы Кара-Нингиль была оскорблена. О, она его любитъ, но онъ никогда не долженъ знать объ этомъ!

Въ слѣдующее свиданіе Кара-Нингиль сказала Аланча-Хану:

— Я бѣдная дѣвушка, и ты меня оскорбилъ своимъ поцѣлуемъ!

— Я тебя люблю, аячка,—отвѣчалъ Аланча-Ханъ.

— О, развѣ такая бываетъ любовь?... Тебѣ скучно здѣсь сидѣть одному, вотъ ты и приласкалъ аячку. Но ты забылъ, что обманываешь Кара-Нингиль, которая тебѣ вѣритъ. Твоя любовь погубитъ меня, какъ солнце выжигаетъ весеннюю траву въ степи. Если бы ты былъ ханомъ, то какъ Узунъ-Ханъ каждый годъ собиралъ бы со всего государства самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и запиралъ бы въ своихъ садахъ. Это несправедливо, и это не любовь.

— Милая дѣвушка, власть портитъ людей, но сейчасъ я знаю только одно, что люблю тебя, и больше не знаю ничего... Если бы я былъ ханомъ, то сдѣлалъ бы тебя своею женой.

— А если бы къ тебѣ пришла сама Кара-Нингиль?... Ты забылъ бы и меня, и всѣхъ на свѣтѣ.

— Оня—жена моего отца.

— Только по имени... Она осталась чистою дѣвушкой и гордится этимъ. И если бы Кара-Нингиль пришла къ тебѣ, сама царица Кара-

Нингиль, и сказала бы, что люблю тебя... О, ты забылъ бы меня!

— Никогда!—повторялъ Аланча-Ханъ и протягивалъ умоляюще руки, точно такъ, какъ Кара-Нингиль видѣла его во снѣ.—Если бы я былъ ханомъ, я прежде всего казнилъ бы Кара-Нингиль... Я ее ненавижу.

— А зачѣмъ ты такъ часто спрашиваешь меня о ней?

— Потому, что ты такъ ее расхваливаешь.

Случилось то, что бываетъ съ красивыми и некрасивыми дѣвушками. Кара-Нингиль провела цѣлую ночь въ Баги-Дигиштъ и утромъ горько плакала.

— Что я скажу теперь Кара-Нингиль?—повторяла она, не слушая утѣшеній Аланча-Хана.—Я обманула ее... Она будетъ теперь презирать меня. Какъ я покажусь къ ней на глаза?

— Оставайся здѣсь,—просилъ ханъ.—Или подговори стражу и бѣжимъ.

Кара-Нингиль аячка ревновала теперь Аланча-Хана къ собственной тѣни, къ той неприступной царицѣ Кара-Нингиль, которая не должна была знать обычныхъ женскихъ слабостей. Она возненавидѣла Аланча-Хана, которому отдала все. Но неотразимая сила влекла ее опять въ Баги-Дигиштъ, и Кара-Нингиль пила здѣсь пол-

ною чашей отравленныя радости своей первой любви. Она была счастлива, что Аланча-Ханъ веселъ и что она развлекаетъ его въ уединеніи, какъ та птичка, которая поетъ на окнѣ заключеннаго въ тюрьмѣ. Возвращаясь домой, она опять дѣлалась неприступною царицей, предъ которою трепетали всѣ. О, она умѣла показать, что Кара-Нингиль можетъ править государствомъ такъ же мудро и безъ Джучи-Катэмъ! Изъ дальнихъ странъ пріѣзжали любопытные посмотрѣть, какъ управляетъ цѣлымъ государствомъ молодая женщина, и восхваляли ее. Уучи-Бушъ прославлялъ ее въ своихъ стихахъ, которые распѣвались бродячими пѣвцами. Народъ благоденствовалъ, торговля процвѣтала и только одни войска роптали, вспоминая походы Узунъ-Хана, когда они могли грабить, убивать и уводить въ плѣнъ.

Кара-Нингиль была счастлива такъ же про себя, какъ раньше плакала одна, — никто не долженъ былъ знать объ ея тайныхъ радостяхъ. Цвѣты попрежнему вяли въ ея присутствіи, но ей теперь было не до нихъ.

IX.

Джучи-Катэмъ сидѣлъ въ заключеніи уже два года и ничего не зналъ, что дѣлается тамъ, за предѣлами его тюрьмы. Онъ былъ окруженъ такою же нѣмою стражей, какъ и Аланча-Ханъ. Цѣлые дни онъ гулялъ въ саду и чутко прислушивался къ гулу, который доносился изъ Зеленаго Города. Что-то теперь дѣлается тамъ и что дѣлаетъ царица Кара-Нингиль, заплатившая ему черною неблагодарностью и за его услуги, и за любовь? У Джучи-Катэмъ даже не являлось мысли о бѣгствѣ: куда ему бѣжать, да развѣ онъ можетъ бѣжать отъ Кара-Нингиль? Когда-то красивый батырь теперь посѣдѣлъ и опустился, — это былъ уже старикъ. Но онъ былъ увѣренъ, что настанетъ часъ, когда Кара-Нингиль вспомнитъ и про него, тотъ черный часъ, когда нужны одни вѣрные слуги. Пусть царица радуется теперь съ Аланча-Ханомъ, но эти радости дорого будутъ ей стоить. Джучи-Катэмъ видѣлъ даже во снѣ садъ Баги-Дигиштъ и видѣлъ Кара-Нингиль, какъ она потихоньку отъ всѣхъ крадется къ своему любовнику, — о, зачѣмъ тогда онъ не велѣлъ казнить этого проклятаго ханскаго сына! Гордая и неприступная

царица забыла для него все — и свою дѣвичью гордость, и величіе царицы, и его совѣты.

Разъ ночью, когда Джучи-Катэмъ спалъ, его разбудилъ шумъ незнакомыхъ шаговъ. Въ первую минуту онъ подумалъ, что пришли за нимъ, чтобы казнить его, и похолодѣлъ отъ ужаса, но потомъ въ его комнату вошла Акъ-Бибэ и бросилась отцу на шею.

— Ты свободенъ! — шептала она. — Кара-Нингиль ждетъ тебя.

— Что-нибудь случилось?—спрашивалъ Джучи-Катэмъ, не вѣря собственному счастью.

— Аланча-Ханъ бѣжалъ! — отвѣтила Акъ-Бибэ, опуская глаза.—Кара-Нингиль позволила ему съѣздить на охоту, а онъ бѣжалъ. За него войско и весь народъ. Съ минуты на минуту ждутъ возмущенія, а Кара-Нингиль заперлась въ своемъ дворцѣ. Народъ забылъ ея благодѣянія, ея мудрое правленіе—все.

— Я этого ожидалъ, — задумчиво говорилъ Джучи-Катэмъ.—Такъ должно было быть.

Кара-Нингиль съ нетерпѣніемъ ожидала въ своемъ дворцѣ появленія Джучи-Катэмъ. Противъ нея было все: обласканные ею князья, войско, народъ. Пока Джучи-Катэмъ находился въ заключеніи, сторонники Узунъ-Хана дѣлали свое темное дѣло на свободѣ. Она узнала обо

всемъ послѣдняя. Аланча-Ханъ выпросилъ ея позволеніе съѣздить на охоту и бѣжалъ. О, какъ онъ ее умолялъ и она повѣрила его клятвамъ! Но было одно хорошо, до конца она осталась для него простою аячкой и не выдала своего настоящаго имени.

Когда явился во дворецъ Джучи-Катэмъ, Кара-Нингиль приняла его спокойная и гордая какою онъ зналъ ее всегда.

— Ты свободенъ, Джучи-Катэмъ, — сказала она,—и подумай о своемъ спасеніи. Войска передались на сторону Аланча-Хана.

— Царица, я умру вмѣстѣ съ тобой,—отвѣтилъ Джучи-Катэмъ. — Счастье измѣнчиво, но мы еще увидимъ, какъ справится этотъ мальчишка съ Джучи-Катэмъ... Проклятое отродье Узунъ-Хана узнаетъ меня.

— Дѣлай, что хочешь и какъ хочешь,—рѣшила Кара-Нингиль.—Я виновата предъ тобою.

— Развѣ солнце можетъ быть виновато, что ослѣпляетъ наши слабые глаза?

Джучи-Катэмъ разсчитывалъ на свое прежнее вліяніе на народъ, но онъ въ этомъ ошибся такъ же жестоко, какъ Кара-Нингиль въ Аланча-Ханѣ. Народъ успѣлъ забыть Джучи-Катэмъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда Аланча-Ханъ подступитъ съ войскомъ къ Зеленому Городу.

Въ каждомъ Джучи-Катэмъ теперь видѣлъ измѣнника и недостало бы веревокъ, чтобы ихъ перевѣсить. Уучи-Бушъ въ числѣ другихъ перешелъ тоже на сторону Аланча-Хана и теперь воспѣвалъ его, какъ раньше воспѣвалъ Кара-Нингиль. Надежды на спасеніе съ каждымъ днемъ оставалось все меньше и меньше, а Алана-Ханъ съ каждымъ днемъ былъ все ближе и ближе. Ему, какъ побѣдителю, сдавались одинъ городъ за другимъ и число войска увеличивалось съ каждымъ шагомъ впередъ. Уже въ самомъ Зеленомъ Городѣ появились возмутительные листы новаго хана, написанные рукою Уучи-Бушъ.

— Теперь все кончено,—сказалъ Джучи-Катэмъ, убѣдившись въ тщетности всѣхъ своихъ усилій.

Это извѣстіе Кара-Нингиль выслушала совершенно равнодушно, точно все такъ и должно было быть. Все равно, прошлаго не воротишь а о будущемъ она старалась не думать.

— Нужно бѣжать, царица,—говорилъ Джучи-Катэмъ. — Аланча-Ханъ подступитъ съ юга, а мы уйдемъ на сѣверъ.

— Въ Чолпанъ-Тау? — обрадовалать Кара-Нингиль.—Можетъ быть, еще и Байгыръ-Ханъ живъ, и я увижу его... О, скорѣе, скорѣе!.,

Алтынъ-Тюлгю давно скрылась, и ее даже не разыскивали. Джучи-Катэмъ рѣшился бѣжать втроемъ: онъ, Кара-Нингиль и Акъ-Бибэ. Въ ханской конюшнѣ онъ самъ выбралъ шесть лучшихъ аргамаковъ, чтобы бѣжать о дву-конь. Кара-Нингиль надѣла то самое платье, въ которомъ ее привезли въ Чолпанъ-Тау, и ничего не взяли изъ ханскихъ сокровищъ. Для чего ей богатство, наряды и роскошь, когда сердце разбито? Она не согласилась бы бѣжать, если бы не желаніе увидѣть въ послѣдній разъ милыя горы, гдѣ она выросла, и желаніе обнять еще разъ Байгыръ-Хана. Вѣдь, умереть не все ли равно гдѣ?.. Одинъ Джучи-Катэмъ не думалъ о смерти, а, напротивъ, жизнь ему только что начала улыбаться. Онъ увезетъ Кара-Нингиль далеко-далеко, и она опять полюбитъ его. Въ любомъ сосѣднемъ государствѣ его примутъ съ радостью и онъ отмститъ Аланча-Хану за его измѣну.

Бѣглецы ушли изъ Зеленаго Города темною ночью, когда дремала вся городская стража. Впереди летѣлъ самъ Джучи-Катэмъ, а за нимъ уже ѣхали Кара-Нингиль и Акъ-Бибэ. Такъ они мчались два дня и двѣ ночи, пока не достигли Чолпанъ-Тау.

— Теперь мы дома,—говорилъ радостно Джу-

чи-Катэмъ.—Аланча-Хану нужно еще идти недѣлю, прежде чѣмъ онъ насъ догонитъ. Отдохнемъ у Байгыръ-Хана и опять въ путь, черезъ Голодную Степь.

Кара-Нингиль молчала. Ее занимало больше всего то, что гдѣ они не проѣзжали, всѣ цвѣты умирали сейчасъ же, точно за ними по пятамъ летѣла сама смерть. Это было страшное проклятіе, которое она уносила съ собой изъ Зеленаго Города.

— Что ты молчишь, царица? — спрашивала ласково Джучи-Катэмъ.

— Я не царица, а Кара-Нингиль... Царица умерла... тамъ, въ Зеленомъ Городѣ умерла.

X.

Байгыръ-Ханъ сначала не узналъ бѣглецовъ, а потомъ обрадовался. Раньше борода у него была бѣлая, потомъ пожелтѣла, а сейчасъ была зеленая, какъ мохъ, которымъ обростали деревья на Чолпанъ-Тау.

— Мы въ гости пріѣхали,—сказалъ Джучи-Катэмъ.—Кара-Нингиль соскучилась о тебѣ.

Старикъ посмотрѣлъ столѣтними глазами на Джучи-Катэмъ и только покачалъ головой: ца-

рицы о дву-конь не ѣздятъ. Потомъ Джучи-Катэмъ разсказалъ все Байгыръ-Хану и ничего не скрылъ.

— Наши несчастія только велики для насъ самихъ, а если смотрѣть на нихъ издали, то дѣлаются все меньше и меньше,—отвѣтилъ старикъ.—Былъ Узунъ-Ханъ, была Кара-Нингиль, теперь Аланча-Ханъ, а послѣ него кто-нибудь другой... Весной одна трава, осенью другая, а на будущее лѣто третья. Труднѣе всего быть царемъ для самого себя... и бояться нужно тоже одного себя.

Сначала Кара-Нингиль обрадовалась, когда увидѣла Байгыръ-Хана, пещеру, въ которой жила съ нимъ маленькою дѣвочкой, Кузь-Тау съ ея развалиной на самой вершинѣ и всѣ тѣ мѣста, гдѣ бѣгала беззаботнымъ ребенкомъ. На горахъ цвѣтовъ не было, и это ее радовало: нечему умирать при ея появленіи. Кузь-Тау стояла голою каменистою шапкой и по ней едва лѣпились только чахлые кустики. Но потомъ Кара-Нингиль сдѣлалась опять такою задумчивой и совсѣмъ равнодушной. Она любила сидѣть у огня и смотрѣть туда, далеко внизъ, гдѣ разлеглась желтымъ ковромъ Голодная Степь, а потомъ припоминала тѣ пѣсни, которыя когда-то пѣлъ ей Байгыръ-Ханъ.

Черезъ два дня, когда лошади отдохнули, Джучи-Катэмъ сказалъ:

— Кара-Нингиль, пора ѣхать.

— Куда?—удивилась Кара-Нингиль.—Я останусь здѣсь съ Байгыръ-Ханомъ, а ты уѣдешь съ Акъ-Бибэ...

У Джучи-Катэмъ опустились руки. Какъ онъ ни уговаривалъ, какъ ни упрашивалъ, какъ ни умолялъ Кара-Нингиль, она оставалась непреклонною.

— Мнѣ здѣсь хорошо,—повторяла она упрямо одно и то же.

— Царица, опомнись!

— Я уже опомнилась.

— Вѣдь, каждый часъ дорогъ... Если тебѣ не жаль себя, то пожалѣй меня съ Акъ-Бибэ.

— Оставьте меня одну, а сами спасайтесь...

Джучи-Катэмъ со слезами умолялъ Кара-Нингиль, но она была равнодушна и къ слезамъ.

— А! такъ ты вотъ какъ поступаешь со мной?—зарычалъ онъ на нее въ страшной ярости, какъ раненый звѣрь.—Тогда я свяжу тебя, какъ упрямую овцу, и увезу насильно!

— Вяжи, если твоя рука подымется на такое дѣло, но я живая не дамся.

— О, когда такъ, то я тебѣ сдѣлаю самое страшное, Кара-Нингиль... Клянусь тебѣ моею

сѣдою бородой, что сдѣлаю то, о чемъ ты и не думала.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Что я сдѣлаю?.. Я останусь здѣсь съ тобой и буду ждать и своей, и твоей смерти. Аланча-Ханъ безжалостно убьетъ обоихъ, но я постараюсь умереть раньше, чтобы ты видѣла мою смерть и казнилась... Ты этого сама хочешь, Кара-Нингиль!..

Теперь Кара-Нингиль со слезами умоляла Джучи-Катэмъ бѣжать, пока есть время, а ее оставить здѣсь, но Джучи-Катэмъ оставался непреклоннымъ, какъ скала.

Прошелъ день, прошелъ другой, а Кара-Нингиль оставалась совсѣмъ равнодушною къ увеличивавшейся опасности. Ей было только жаль Акъ-Бибэ, которая старалась плакать потихоньку отъ всѣхъ,—вѣдь, Акъ-Бибэ была еще такъ молода и ей такъ хотѣлось жить.

Джучи-Катэмъ казался спокойнымъ, но часто припадалъ ухомъ къ землѣ и слушалъ,—чуткое ухо батыря слышало дальше волчьяго.

— Погоня...

Кара-Нингиль даже не оглянулась.

— Кара-Нингиль, погоня!—повторилъ онъ.

Она оставалась неподвижною.

— Царица, погоня!—еще разъ повторилъ онъ и Кара-Нингиль разсмѣялась.

Акъ-Бибэ громко плакала и рвала на себѣ волосы въ отчаянiи.

— Если мы уйдемъ сейчасъ, то насъ не нагонятъ,—уговаривалъ Джучи-Катэмъ. — У нихъ лошади устали, а у насъ свѣжiя... Черезъ день мы будемъ внѣ всякой опасности.

Не успѣлъ Джучи-Катэмъ договоритк послѣдняго слова, какъ въ горахъ показались уже всадники. Ихъ было много и они спускались съ горы въ долину. Джучи-Катэмъ осмотрѣлъ свою саблю, копье, лукъ со стрѣлами и сказалъ:

— Смерть близко...

Тогда на Кара-Нингиль напалъ страхъ: вѣдь, ее могутъ живую взять въ плѣнъ и привести въ Зеленый Городъ жалкою невольницей.

— Джучи-Катэмъ, убей меня,—молила она.— Лучше смерь, чѣмъ позоръ взятой въ плѣнъ царицы...

Теперь засмѣялся Джучи-Катэмъ: бѣжать было поздно.

Погоня была уже близко, такъ что можно было разсмотрѣть высокiя бараньи шапки наѣздниковъ, длинныя пики съ развѣвавшимися на нихъ конскими хвостами и блескъ оружiя,—это

была старая ханская стража, первой измѣнившая Кара-Нингиль. Прищурилъ глаза Джучи-Катэмъ и узналъ Алапча-Хана, который ѣхалъ въ срединѣ стражи на бѣломъ аргамакѣ.

— Я не хочу здѣсь умирать...—заявила твердо Кара-Нингиль.—Давай лошадей и ѣдемъ на Кузь-Тау. Тамъ есть отличная защита.

Джучи-Катэмъ повиновался. Со страха Акъ-Бибэ лишилась чувствъ, но Джучи-Катэмъ перекинулъ ее поперекъ сѣдла и повезъ съ собой. Кара-Нингиль уговорила ѣхать съ ними и Байгыръ-Хана, который сначала не хотѣлъ оставлять своей пещеры. Когда ханская стража подъѣзжала къ этой пещерѣ, три лошади, какъ кошки, карабкались на страшную кручу Кузь-Тау. Даже издали было страшно смотрѣть на нихъ, и сердце сжалось у самыхъ храбрыхъ.

Когда бѣглецы взобрались, наконецъ, на самую вершину, Джучи-Катэмъ поставилъ на стѣну старой башни свою пику съ конскимъ хвостомъ и, махая шапкой, крикнулъ внизъ Аланча-Хану:

— Эй, вы, трусы, кто желаетъ оставить здѣсь свою глупую голову?.. А тебѣ, Аланча-Ханъ, я отрѣжу уши, какъ мальчишкѣ, только покажи свой носъ сюда!

Байгыръ-Ханъ смотрѣлъ подъ гору въ другую сторону, гдѣ растилась Голодная Степь, и при-

поминалъ, какъ онъ бился на Кузь-Тау еще съ Узунъ-Ханомъ.

XI.

— Имъ больше некуда уйти,—говорилъ Уучи-Бушъ своему новому повелителю Аланча-Хану.— Они будутъ наши...

— Главное, нужно взять ихъ живыми,— отвѣчалъ Аланча-Ханъ.—Я никогда не видалъ эту Кара-Нингиль...

— Ихъ тамъ на Кузь-Тау двое: Кара-Нингиль и Акъ-Бибэ. Хорошо было бы захватить живыми обѣихъ и привести ихъ въ Зеленый Городъ закованными въ цѣпи.

Аланча-Ханъ никому не говорилъ объ аячкѣ, приходившей къ нему въ Баги-Дигиштъ, и только жаждалъ увидѣть эту сказочную царицу Кара-Нингиль, о которой такъ много слышалъ. Всѣ его побѣды ничего не значили предъ этою послѣдней; пока Кара-Нингиль на свободѣ, онъ еще не ханъ. Между прочимъ, его удивляло, почему бѣглецы такъ долго оставались въ Чолпанъ-Тау и не бѣжали дальше. Лучшія лошади съ ханской конюшни спасли бы ихъ отъ погони.

— Лошадей всего шесть, а ихъ четверо съ

Байгыръ-ханомъ,—объяснилъ Учи-Бушъ.—Они не могли бросить здѣсь беззащитнаго старика..

— Ты слишкомъ много приписываешь имъ великодушія,—сердито отвѣчалъ Аланча-Ханъ.— Простая случайность...

Изъ ханской свиты сейчасъ же вызвалось нѣсколько охотниковъ взобраться на Чолпанъ-Тау и взять засѣвшую въ ней горсть храбрецовъ въ плѣнъ. Особенно волновался Учи-Бушъ, которому Аланча-Ханъ, за его услуги подарилъ саблю. Онъ заявилъ, что самъ полѣзетъ на Кузь-Тау, если это будетъ нужно. Когда Аланча-Хану передали хвастливыя слова Джучи-Катэмъ, онъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка:. о, они всѣ дорого заплатятъ ему за этотъ послѣдній позоръ, только бы взять ихъ живыми!

Первый приступъ смѣлыхъ охотниковъ на Кузь-Тау закончился полною неудачей. Приходилось взбираться на страшную каменную кручу по одному, какъ лазятъ по горамъ аргали, и мѣткія стрѣлы Джучи-Катэмъ по одному снимали отчаянныхъ храбрецовъ—одинъ за другимъ смѣльчаки летѣли внизъ и разбивались въ дребезги. Какъ Учи-Бушъ ни размахивалъ своею саблей, какъ ни кричалъ, бѣгая подъ горой, изъ этого приступа ничего не вышло, кромѣ нѣсколькихъ убитыхъ.

— Что же они трусятъ? — кричалъ Уучи-Бушъ.—Да я одинъ возьму это воронье гнѣздо...

— А что Аланча-Ханъ прячется, какъ баба?—кричалъ съ горы Джучи-Катэмъ, размахивая саблей.—Пусть идетъ сюда, а сойти съ горы я ему помогу...

Аланча-Ханъ скрежеталъ зубами въ безсильной ярости,—такъ, одного по одному, Джучи-Катэмъ перебьетъ всю его свиту. Но Уучи-Бушъ утѣшилъ его:

— Мы ихъ и такъ возьмемъ, потому что тамъ, на верху горы, нѣтъ воды...

— Почему ты это знаешь?

— А я слышу по ржанью лошадей.

— Тогда мы ихъ заставимъ сдаться безъ капли крови,—рѣшилъ Аланча-Ханъ.

У подножья Кузь-Тау были разставлены надежные сторожа, а самъ Аланча-Ханъ разбилъ свой станъ въ долинѣ. Изъ его палатки видна была вся Кузь-Тау и, лежа на коврѣ, онъ могъ видѣть все, что дѣлается на ея вершинѣ. Появившіяся на развалинахъ башни человѣческія фигуры казались отсюда такими маленькими, какъ дѣтскія куклы, такъ что едва можно было отличить мужчину отъ женщины, и то благодаря только прозрачности горнаго воздуха.

Вечеромъ весело загорѣлись огни въ станѣ

Аланча-Хана, который теперь отдыхалъ послѣ своихъ военныхъ трудовъ и побѣдъ. Утомленная походомъ стража тоже была рада отдохнуть. Загорѣлся огонь и на вершинѣ Кузь-Тау, точно волчій глазъ. Кругомъ стояла мертвая тишина и только перекликались однѣ лошади, чуждыя человѣческой ненависти; печально ржали аргамаки съ вершины Кузь-Тау и имъ весело отвѣчали пасшіяся на зеленой травѣ ханскія лошади.

Аланча-Ханъ весело пировалъ въ кругу своихъ ратныхъ сподвижниковъ, когда надъ Чолпанъ-Тау быстро спустилась темная горная ночь.

— Кто это поетъ?—спрашивалъ Аланча-Ханъ, прислушиваясь.

— А это безумный старикъ Байгыръ-Ханъ...

Дѣйствительно, это пѣлъ Байгыръ-Ханъ: онъ пѣлъ свои старыя пѣсни объ Узунъ-Ханѣ, о старыхъ батыряхъ, кости которыхъ разсѣяны по Голодной Степи, о чудныхъ красавицахъ, уведенныхъ Узунъ-Ханомъ въ плѣнъ, о разрушенныхъ городахъ и невидимо вѣявшей надъ всѣми смерти. «О, смерть любитъ храбрыхъ, — пѣлъ Байгыръ-Ханъ,—она не щадитъ и красавицъ, которыя проносятся предъ нашими глазами, какъ падающія звѣзды... Гдѣ стояли цвѣтущіе города, тамъ сейчасъ мертвая пустыня, а гдѣ стоятъ

сейчасъ цвѣтущіе города, тамъ въ свое время будетъ пустыня. Узунъ-Ханъ, ты много пролилъ человѣческой крови, но тебѣ не мягче отъ этого лежать въ своей могилѣ... Послѣдній бѣднякъ и самый великій ханъ равны въ общей судьбѣ. Жить страшно только людямъ несправедливымъ, а смерть любитъ храбрыхъ... Байгыръ-Ханъ еще разъ пришелъ на Кузь-Тау и будетъ ждать здѣсь, какъ подлые трусы прольютъ его кровь. Не умретъ только одна слава худыхъ дѣлъ и святыя пѣсни, въ которыхъ пѣвцы оплакиваютъ свою родину»..

Аланча-Ханъ прослезился, слушая пѣсни Байгыръ-Хана. Горный воздухъ такъ чистъ, что доносилъ къ его уху каждое слово. Задумались и тѣ храбрецы, которые мечтали о военной добычѣ, засѣвшей на вершинѣ Кузь-Тау: кто знаетъ, кому придется вернуться домой живымъ, а Джучи-Катэмъ мѣтко стрѣляетъ. Пока старикъ пѣлъ свои пѣсни, а соратники Аланча-Хана его слушали, Джучи-Катэмъ, какъ кошка, спустился съ горы. По пути онъ зарѣзалъ заслушавшагося сторожа и вернулся на гору съ водой, которую принесъ въ своей мохнатой шапкѣ.

— Вотъ, Кара-Нингиль, и вода, — съ гордостью заявилъ онъ, подавая свою мокрую шапку царицѣ,—а Аланча-Ханъ дуракъ...

Томившіяся отъ жажды лошади весело заржали, когда почуяли свѣжесть принесенной воды. Но Кара-Нингиль не выпила ни одной капли, а отдала свою порцію Акъ-Бибэ, которая лежала больная. Джучи-Катэмъ остатки воды передалъ Байгыръ-Хану. Бѣднымъ аргамакамъ такъ ничего и не осталось и они смотрѣли на всѣхъ печальными глазами. Кара-Нингиль напрасно ласкала ихъ и давала облизывать мокрую шапку,—лошади рыли копытами землю и просили воды. Они слѣдили за каждымъ шагомъ своихъ хозяевъ и призывно ржали, нагоняя на всѣхъ смертную тоску.

— Отпустимъ лошадей... — говорила Кара-Нингиль.

— Ни за что!—гордо отвѣчалъ Джучи-Катэмъ. Это наша послѣдняя надежда которая умретъ вмѣстѣ съ нами... Если Акъ-Бибэ настолько поправится, что въ состояніи будетъ держаться въ сѣдлѣ, мы пробьемся мимо этихъ ханскихъ воронъ, которыя умѣютъ только пить и ѣсть.

— Джучи-Катэмъ, у тебя желѣзное сердце...

Цѣлую ночь не смыкала глазъ Кара-Нингиль и все сидѣла на верху старой стѣны, гдѣ любила сидѣть еще маленькою дѣвочкой. Здѣсь въ первый разъ замѣтилъ ее орлиный взглядъ

Джучи-Катэмъ, и вотъ она опять на любимомъ своемъ мѣстѣ, надъ головой то же небо, тамъ, вдали, та же Голодная Степь, но теперь сама она уже не та и принесла сюда съ собой цѣлый адъ. Какъ лошади мучились отъ жажды, такъ еще больше мучилась Кара-Нингиль отъ своихъ воспоминаній. И нѣтъ той воды, которая утолила бы ея душу... Главный виновникъ всѣхъ ея несчастій, который изъ любви къ ней готовъ отдать жизнь, чуждъ ея сердцу уже давно, и ее мучитъ, что онъ рѣшился умереть за нее. О, безумецъ Джучи-Катэмъ, зачѣмъ онъ здѣсь? А тотъ, кого выбрало ея сердце, кому отдала все, сторожитъ ее, чтобы насладиться ея послѣднимъ позоромъ... Но этого не будетъ: Аланча-Ханъ не увидитъ царицы Кара-Нингиль и не узнаетъ въ ней любившую его аячку... Она умретъ въ этихъ камняхъ царицей, какъ тѣ храбрецы, которыхъ любитъ сама смерть. Одинъ разъ, всего только одинъ разъ раскрылось ея дѣвичье сердце и вотъ тяжелая плата за ея любовь... А она еще думала, что царица Кара-Нингиль не походитъ на другихъ женщинъ и что ей чужда слабость. Проклятый день, когда ее увидалъ въ первый разъ Джучи-Катэмъ!..

Для осажденныхъ ночи длинны, какъ для больныхъ. Нѣсколько разъ Кара-Нингиль про-

вѣдывала лошадей, которыя, благодаря ночной прохладѣ, замѣтно успокоились, но это былъ только обманъ, чтобы онѣ еще сильнѣе почувствовали жажду съ восходомъ солнца. То солнце, которое даетъ жизнь и движеніе всему, погубитъ ихъ всѣхъ. Кара-Нингиль тоже мучилась отъ жажды и прикладывала горѣвшую голову къ холоднымъ камнямъ.

Джучи-Катэмъ не смыкалъ глазъ и караулилъ, притаившись за камнемъ. Ночью всего легче было сдѣлать вылазку сторожившему ихъ врагу и только усталость, вѣроятно, мѣшала сподвижникамъ Аланча-Хана воспользоваться темнотой. Къ утру Джучи-Катэмъ овладѣла усталость и орлиные глаза начали дремать. Только чуткое ухо сторожило каждый звукъ, и Джучи-Катэмъ вздрагивалъ отъ малѣйшаго шороха въ камняхъ, гдѣ гнѣздились ящерицы и змѣи. Утромъ, когда долина покрылась туманомъ, небо сдѣлалось сѣрымъ, а камни точно отпотѣли, Джучи-Катэмъ забылся тревожнымъ сномъ. Онъ очнулся, когда его шею обняли двѣ теплыя женскія руки,—это была Кара-Нингиль. Она припала къ нему своею головкой и горячо поцѣловала.

— Джучи-Катэмъ, я знаю твое львиное сердце...—шептала она, продолжая его обни-

мать,—я знаю, что ты всегда любилъ меня... Но у меня одна къ тебѣ просьба: уходи отсюда и забудь Кара-Нингиль. Я тебя цѣлую, какъ брата, а моя любовь тамъ, внизу... Дай мнѣ умереть здѣсь одной, и я умру, какъ царица.

— Я счастливъ...—отвѣчалъ Джучи-Катэмъ,— да, я счастливъ, что умру вмѣстѣ съ тобой, моя царица. Если жизнь насъ разлучала, то пусть смерть соединитъ... Да будетъ благословенъ тотъ часъ, когда глаза мои увидали тебя въ этихъ развалинахъ!

XII.

Проходитъ день надъ Чолпанъ-Тау, проходитъ другой. Весело пируетъ Аланча-Ханъ въ своей палаткѣ и все смотритъ на Кузь-Тау, на вершину горы, гдѣ все точно умерло. Истомившіяся отъ жажды лошади не могли больше ржать, и радуется сердце Аланча-Хана. Скоро наступитъ тотъ желанный часъ, когда Кара-Нингиль сдастся и онъ приведетъ ее въ Зеленый Городъ своею плѣнницей и велитъ ее казнить, какъ Джучи-Катэмъ казнилъ Узунъ-Хана. Солнце не должно видѣть ханской крови... Веселится Аланча-Ханъ и веселятся съ нимъ его спутники.

Утромъ и вечеромъ выходитъ изъ стана Уучи-Бугъ и кричитъ:

— Эй, вы, вороны, сдавайтесь... Аланча-Ханъ поступитъ съ вами, какъ велитъ его ханское сердце. Все равно, передохнете съ голода...

— Приди и возьми,—кричитъ съ горы Джучи-Катэмъ.—Ты, старый дуракъ, не стоишь даже того, чтобы тебя повѣсить.

Ахъ, какъ мучились бѣдныя лошади на вершинѣ Кузь-Тау и какъ болѣло за нихъ сердце Кара-Нингиль!.. Онѣ уже теперь не могли ржать, а только стонали, какъ люди. По ночамъ онѣ лизали холодные камни, но днемъ солнце жгло такъ безпощадно, и лошади просто бѣсились отъ жажды и грызли другъ друга. Акъ-Бибэ лежала, какъ мертвая, и всѣхъ бодрѣе чувствовалъ себя Байгыръ-Ханъ. Каждый вечеръ старикъ поднимался на вершину стѣны и здѣсь пѣлъ свои пѣсни.

Прошелъ четвертый день, Аланча-Хану надоѣло ждать, и онъ ночью велѣлъ сдѣлать вылазку, но она кончилась тѣмъ, что Джучи-Катэмъ убилъ еще четверыхъ, а остальные бѣжали. Изнемогавшій отъ жажды Джучи-Катэмъ чуть не умеръ отъ утомленія, и Кара-Нингиль ухаживала за нимъ, прикладывая холодные камни къ его головѣ.

На шестой день умерла Акъ-Бибэ. Какъ страшно мучилась бѣдная дѣвушка и какъ она просила воды, чтобы смочить запекшійся ротъ, но воды не было... Ей все представлялось, что враги дѣлаютъ новый приступъ, и она просила убить ее, а не отдавать на позоръ Аланча-Хану. Ее похоронили въ глубокомъ колодцѣ, который былъ когда-то вырытъ на Кузь-Тау. Джучи-Катэмъ горько плакалъ надъ могилой погубленной Узунъ-Ханомъ дочери, и это горе придавало ему силы.

— Не плачь, Джучи-Катэмъ, — утѣшала его Кара-Нингиль, — Акъ-Бибэ счастливѣе насъ... Она больше не мучится. Она не чувствуетъ жажды, позора, болѣзней, чужой и своей несправедливости.

— О, да, умереть, скорѣе умереть!—шепталъ Джучи-Катэмъ, закрывая свое лицо руками.— И ты, Кара-Нингиль, утѣшаешь меня?.. Ты— мое солнце, которое однимъ даетъ жизнь, а другихъ заставляетъ умирать... Я боюсь только одного: быть несправедливымъ въ послѣднюю минуту и къ себѣ, и къ тебѣ... Ты—моя Голодная Степь, съ которой я похоронилъ все!..

О, какъ мучилась, какъ страшно мучилась Кара-Нингиль!.. Стоило ей закрыть глаза, какъ все застилалось краснымъ огнемъ,—онъ, этотъ

огонь, пожиралъ ее. Даже ночью не было пощады и все небо казалось кровавымъ, а звѣзды смотрѣли съ него страшными огненно-красными глазами. Если лошади такъ страшно умирали отъ жажды, то Кара-Нингиль мучилась вдвое и нравственныя муки были тяжелѣе физическихъ страданій.

— Нѣтъ, я царица... царица...—шептали запекшіяся губы Кара-Нингиль, тѣ губы, которыми она цѣловала Аланча-Хана. — Онъ не увидитъ моего позора... онъ не услышитъ мольбы о пощадѣ... я—царица...

Прошло семь ужасныхъ дней и семь ужасныхъ ночей, и когда надъ Чолпанъ-Тау поднималось утреннее солнце, заключенные на вершинѣ Кузь-Тау думали: это восходитъ наше послѣднее солнце. Лица у всѣхъ посинѣли, исказились и сдѣлались страшными. Они старались не смотрѣть другъ на друга. У Кара-Нингиль распухъ даже языкъ, и она съ трудомъ могла говорить. Джучи-Катэмъ едва держался на ногахъ, и чтобы перейти съ одного мѣста на другое, онъ употреблялъ нечеловѣческія усилія. Бодрѣе всѣхъ оставался Байгыръ-Ханъ, но онъ совсѣмъ помѣшался отъ голода. Смерть шла къ нимъ быстрыми шагами.

Кара-Нингиль ждала на верху стѣны. О, какъ

трудно было ей подняться сюда, но это было нужно... Она смотрѣла внизъ, на станъ Аланча-Хана, и видѣла приготовленія къ новому приступу. Если бы она могла смѣяться надъ этими храбрецами, но она только знакомъ руки пригласила на стѣну Джучи-Катэмъ. Когда онъ вползъ на вершину, онъ увидѣлъ, что Кара-Нингиль, обнявъ колѣни, плачетъ... Это были послѣднія слезы Кара-Нингиль... О, сколько ненужнаго зла кругомъ, сколько ужасной несправедливости! Только одинъ человѣкъ можетъ наслаждаться несчастіями и позоромъ другихъ... Женщина давно умерла въ Кара-Нингиль, и плакала сейчасъ царица, плакала въ послѣдній разъ. Ей вдругъ сдѣлалось жаль этихъ безумцевъ съ Аланча-Ханомъ во главѣ, которые съ торжествомъ и радостью готовятся схватить высохшую отъ жажды добычу, а найдутъ одного сумасшедшаго Байгыръ-Хана. Вонъ уже звучитъ призывная труба... вонъ пьяный Уучи-Бушъ кричитъ имъ:

— Я одинъ возьму васъ всѣхъ... Вы узнаете, кто такой Уучи-Бушъ!.. Эй, царица Кара-Нингиль, сдавайся на мое милосердіе!..

— Они уже идутъ... — шепталъ Джучи-Катэмъ, наблюдая поднимавшихся по каменистой

кручѣ враговъ. — А я не могу пошевелиться, чтобы сбросить ихъ по одному подъ гору...

— Мы будемъ свободны, прежде чѣмъ они войдутъ сюда,—отвѣчала Кара-Нингиль.

Ближе и ближе звучала военная труба... Байгыръ-Ханъ тоже былъ на стѣнѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ. Звуки трубы подняли въ немъ все старое, когда онъ былъ молодъ и силенъ, и старикъ, собравъ послѣднія силы, запѣлъ:

«О, смерть любитъ храбрыхъ...»

— Пора... — шептала Кара-Нингиль, когда врагъ уже вступилъ въ развалины.

Она крѣпко обняла Джучи-Катэмъ, и они вмѣстѣ ринулись внизъ, гдѣ зіяла пропасть. Даже враги вскрикнули отъ ужаса... А Байгыръ-Ханъ все пѣлъ и смотрѣлъ безумными глазами на ворвавшихся на вершину Кузь-Тау враговъ.

Съ каменной высоты къ ногамъ Аланча-Хана скатились два трупа. Лицо Джучи-Катэмъ было неузнаваемо: такъ оно разбилось о камни. Когда Аланча-Ханъ подошелъ къ трупу женщины и заглянулъ къ ней въ лицо, онъ вздрогнулъ отъ ужаса: эта была та аячка, которая приходила къ нему въ Баги-Дигиштъ.

— Гдѣ же Кара-Нингиль? — спрашивалъ Аланча-Ханъ, отступая въ ужасѣ.

— Это Кара-Нингиль, — увѣрялъ Уучи-Бушъ.—Я ли не знаю ее... Да, это она.

Аланча-Ханъ велѣлъ похоронить Кара-Нингиль и Джучи-Катэмъ на вершинѣ Кузь-Тау, а Байгыръ-Хана оставить въ его пещерѣ, гдѣ онъ жилъ раньше.

Много лѣтъ пронеслось надъ Чолпанъ-Тау,— десятки и сотни лѣтъ. Все такою же безлюдной остается Голодная Степь, отъ Зеленаго Города остались однѣ развалины. Но такъ же высоко поднимаетъ свою голову Кузь-Тау, такъ же торчатъ на ней развалины старой крѣпости и только крутой спускъ, гдѣ раньше лежали одни голые камни, теперь покрытъ, какъ ковромъ, яркими цвѣтами. Много ихъ тутъ, этихъ цвѣтовъ: розовые, синіе, желтые... Больше нигдѣ нѣтъ такихъ цвѣтовъ, если обойти весь Чолпанъ-Тау. Народъ называетъ эти цвѣты на Кузь-Тау «слезами царицы Кара-Нингиль».

СКАЗАНІЕ О СИБИРСКОМЪ ХАНѢ, СТАРОМЪ КУЧЮМѢ.

I.

Пѣсня про сибирскаго хана, стараго Кучюма—пѣсня самая печальная и для того, кто ее поетъ, и для тѣхъ, кто слушаетъ. Заплакало бы небо, застонала земля: лѣса и степи покрылись бы печалью, а рѣки вскипѣли горячей кровью, если-бы нашелся человѣкъ, который съумѣлъ бы разсказать все, что было тогда, когда старый ханъ Кучюмъ сидѣлъ въ Искерѣ и потомъ бился съ невѣрными. Плачь, человѣкъ, если есть у тебя сердце и запасъ слезъ; плачь, кто бы ты ни былъ: вѣрный или невѣрный!..

Старая ханша Лелипакъ-Канышъ упрекала своего мужа, хана Кучюма:

— Ты, старый Кучюмъ, сынъ Муртазы-хана и внукъ Ибакъ-хана, ты забылъ меня, забылъ, кто тебѣ родилъ трехъ батырей: красавца Алея,

Абдулъ-Хаира и Арсланъ-хана. Кто лучше Арсланъ-хана проѣдетъ на конѣ, кто храбрѣе Абдулъ-Хаира, а про Алея дѣвушки поютъ пѣсни въ самой Бухарѣ. Трехъ сыновей родила я тебѣ и красавицу дочь Лейле-Канышъ... Безсовѣстный ты человѣкъ, Кучюмъ!.. Мою красоту, которая цвѣтетъ въ моихъ дѣтяхъ, твои не сытые глаза ищутъ промѣнять на первую, попавшуюся на глаза, дѣвчонку... Мало тебѣ семи законныхъ женъ, мало двадцати наложницъ, мало русскихъ плѣнницъ, которыхъ Махметкулъ приводитъ съ Камы;—нѣтъ, ты, какъ волкъ, забравшійся въ овечье стадо, хочешь зарѣзать самую лучшую овцу!..

— Молчи, Лелипакъ, молчи, отродье Шигая!— отвѣчалъ Кучюмъ, грозно сдвигая сѣдыя брови.—Если бы не дѣти, я давно сдѣлалъ бы съ тобою то же, что твой отецъ Шигай-ханъ сдѣлалъ съ моимъ братомъ Ахметъ-Киреемъ. Родная твоя сестра была жена Ахметъ-Кирея, а Шигай-Ханъ не постыдился убить зятя. Молчи, отродье Шигая!..

— Я все молчала, всю жизнь молчала, Кучюмъ... Ты бралъ наложницъ — я молчала, ты привелъ вторую жену Симбулу—я молчала; еще четырехъ женъ взялъ—я тоже молчала; послѣднюю жену, красавицу Сузгэ, привелъ—я мол-

чала; всю жизнь провела въ молчаніи. Но ты забылъ, Кучюмъ, что я ханская дочь и твоя старшая жена, и что меня нельзя выгнать, какъ другихъ женъ или наложницъ. Моя кровь встанетъ за мою старую голову, а твои глаза смотрятъ день и ночь на Карача-Куль. О, будь проклято это озеро, которое налито не водой, а моими старыми слезами... Много тамъ моихъ слезъ, Кучюмъ, и Сайханъ-Доланьгэ не высушитъ ихъ своимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, веселыми пѣснями и огнемъ поцѣлуевъ. У нея есть свои глаза Кучюмъ, и смотрятъ они на другаго, а мурза Карача обманетъ тебя. У него подъ каждымъ словомъ спрятано двѣ змѣи... О, Кучюмъ, Кучюмъ! зачѣмъ хочешь ты опозорить мою старую голову и ввести новую ханшу; вѣдь Сайханъ-Доланьгэ — старой княжеской кости, проклятой кости Тайбуги. Когда она войдетъ въ одну дверь, я уйду въ другую...

Закипѣло волчье сердце Кучюма отъ этихъ словъ, огнемъ вспыхнули глаза—старая ханша сказала горькую правду. Онъ уже схватился за кривой бухарскій ножъ, но остановился и глухо застоналъ.

— Ну, что же ты не убьешь меня?—спрашивала Лелипакъ-Канышъ. — Зачѣмъ ты прячешь отъ меня свои глаза, ханъ Кучюмъ?.. Ты,

который ничего не боишься и ничего не стыдишься — ты струсилъ беззащитной старухи... Твое сердце давно утонуло въ чужой крови, такъ убей еще мать твоихъ дѣтей, а Сайханъ-Доланьгэ утѣшитъ тебя.

— Молчи, Лелипакъ-Канышъ: въ тебѣ сидитъ шайтанъ. Я когда нибудь вырву твой проклятый языкъ...

— А ты забылъ убитаго тобой сибирскаго хана Эдигера?.. Забылъ его жену, ханшу Тэсъ-Удуль, которая бѣжала въ Бухару и тамъ родила сына—это кость Тайбуги и она заплатитъ тебѣ за мои слезы. Мало тебѣ этого?.. Ты же убилъ и брата хана Сейдяка, храбраго Бикъ-Булата... О, Кучюмъ, Кучюмъ, ты и съ своимъ царствомъ поступаешь, какъ со мной: ты забылъ и его для Сайханъ-Доланьгэ. Проснись ханъ, пока не поздно, а я не хочу накликать бѣду на твою сѣдую голову, въ которой, какъ змѣи, шевелятся черныя мысли...

— Не говори мнѣ ничего: я знаю, что дѣлаю, и не тебѣ учить меня. Ты давно выжила изъ ума и каркаешь, какъ ворона. А мои сыновья не виноваты, что въ ихъ мать вселился шайтанъ... И Сайханъ-Доланьгэ не виновата, что моложе и красивѣе всѣхъ на свѣтѣ. Она будетъ моя, если я захочу, и ты будешь счаст-

лива, если я позволю тебѣ обувать и разувать ее.

Такъ бранились и попрекали другъ друга старики. Они и не замѣтили, какъ вошелъ сѣдой, какъ лунь, Ханъ-Сеидъ, остановился у дверей и со стыдомъ въ лицѣ опустилъ свои святые глаза. Лелипакъ-Канышъ уже раскрыла ротъ, чтобы бросить въ лицо мужу послѣднее и самое сильное обвиненіе, но оглянулась и—смутилась. У старой ханши упало сердце со страха, и она горько заплакала.

— О, пророкъ, да благословитъ Богъ Сеида и да привѣтствуетъ, — говорилъ Кучюмъ, кланяясь Ханъ-Сеиду въ поясъ, какъ никому не кланялся.

— О чемъ ты плачешь, Лелипакъ-Канышъ, дочь Шигай-Хана? — спрашивалъ Ханъ-Сеидъ, не отвѣчая Кучюму.—Радуйся настоящимъ горемъ и печалься настоящей радостью: такъ нужно... Ужь вороны летаютъ надъ Иртышемъ, въ степи воютъ волки, а ты ничего не бойся. У тебя останутся хоть глаза, чтобы оплакивать твое старое горе, а у другихъ и этого не будетъ. Ты сейчасъ гордилась своими дѣтьми, а стрѣла уже легла на тетиву, и много матерей не найдутъ достаточно слезъ, чтобы оплакать погибшихъ дѣтей. Твое сердце, ханша, крѣпче

Искера, и въ немъ найдутъ мѣсто всѣ, кого ты любишь. Горе идетъ, какъ туча, и не останется отъ храбрыхъ ни мяса, которое могли бы ѣсть вороны, ни крови, которую могли бы лизать собаки. Вотъ что будетъ, Лелипакъ-Канышъ! Горе побѣжденнымъ, которые будутъ рады питаться собственнымъ тѣломъ, какъ это дѣлалъ Темиръ-Ленкъ... Вотъ что я сказалъ тебѣ, ханша Лелипакъ-Канышъ, а ты оставь мужчинъ дѣлать свое дѣло.

— Святой человѣкъ, образумь моего мужа— со слезами молила Лелипакъ-Канышъ, хватаясь за полы зеленаго халата Ханъ-Сеида: — онъ и себя и всѣхъ погубить... Казаки ужъ плывутъ по Турѣ и взяли городокъ мурзы Епанчи, а ханъ Кучюмъ думаетъ о дѣвичьихъ глазахъ и его сердце смѣется на Карача-Куль.

— Все знаю, ханша Лилипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана, — печальнымъ голосомъ отвѣчалъ Ханъ-Сеидъ.—Но вотъ что я скажу тебѣ: смерть близко... Смерть всѣхъ сравняетъ: и богатыхъ и бѣдныхъ, и старыхъ и молодыхъ, счастливыхъ и несчастныхъ. Аллахъ великъ, а мы будемъ молиться...

Лелипакъ-Канышъ поклонилась въ ноги Сеиду и вышла на свою женскую половину, а Ханъ-Сеидъ опустилъ свои святые глаза въ землю,

чтобы старый Кучюмъ не видѣлъ глядѣвшую изъ нихъ святую печаль. О святой человѣкъ видѣлъ все, видѣлъ живыхъ людей мертвыми, видѣлъ убитыми лучшихъ сибирскихъ батырей, обезчещенныхъ женщинъ и уведенныхъ въ неволю дѣтей; пожары и грабежъ видѣлъ онъ, и еще хуже того: видѣлъ измѣнниковъ, которые притворяются храбрыми и предадутъ родину. Но ничего не могъ сказать Ханъ-Сеидъ даже Кучюму, и только святая печаль глядѣла его святыми глазами.

— Кучюмъ-ханъ, сынъ Муртазы-хана и внукъ Ибакъ-хана, вотъ тебѣ мое слово, — заговорилъ Ханъ-Сеидъ, не вытирая катившихся по сѣдой бородѣ слезъ.—Да, я скажу тебѣ, внукъ Ибакъ-хана: твое волчье сердце упилось давно чужой кровью, нѣтъ въ тебѣ жалости и твои враги считали за счастье умереть, только бы не попасть въ твои руки... По колѣни ты ходишь въ грѣхѣ, сынъ Муртазы-хана, и твоя сѣдая голова всегда переполнена гнусными замыслами. Ты плаваешь въ чужой крови, внукъ Ибакъ-хана и давно потерялъ счетъ убитымъ тобой... Правду ли я говорю, Кучюмъ?

— Святой человѣкъ, ты все знаешь и видишь,—отвѣчалъ Кучюмъ:—но ты также знаешь и то, что всѣ ханы на свѣтѣ одинаковы... Чѣмъ

лучше меня бухарскій Абдулла-ханъ, который послалъ тебя ко мнѣ, и который убилъ шестнадцать братьевъ, чтобы одному завладѣть отцовскимъ престоломъ. Я убилъ хана Едигера, я убилъ его брата Бикъ-Булата, я истреблю до конца проклятую кость Тайбуги, потому что хочу быть однимъ ханомъ сибирскимъ, а Искеръ всегда будетъ моей столицей.,. Когда Чингисъ завоевалъ великую Бухару, онъ подарилъ костямъ Тайбуги всю Сибирь, а Сибирь всегда принадлежала хану-Ибаку и его кости:—я изъ кости Ибака и крѣпко держу свою отчину и дѣдину.

— Вотъ тебѣ еще мое слово, Кучюмъ-ханъ: идутъ на Искеръ казаки, они убиваютъ татаръ громомъ и молніей, — заговорилъ Ханъ-Сеидъ, поднимая глаза.—Вотъ тебѣ случай смыть всю кровь съ себя... Проснется твое волчье сердце, сынъ Муртазы-хана, и, когда другіе сдѣлаются данниками Бѣлаго Царя или убѣгутъ въ степь, ты одинъ будешь наводить страхъ на всѣхъ. Большое горе ждетъ тебя на каждомъ шагу, но оно покроется молодой радостью, какъ выжженная зноемъ степь покрывается зеленой травой и яркими цвѣтами отъ перваго дождя.

II.

Ночь стоитъ надъ Искеромъ, плачетъ и стонетъ подъ горой Иртышъ, а на городской стѣнѣ стонетъ и плачетъ Лелипакъ-Канышъ, схватившись за свою сѣдую голову костлявыми руками. Днемъ она все смотритъ въ московскую сторону, куда увезли ея милаго сына Арсланъ-хана, а по ночамъ бродитъ по городу, какъ старая волчица, у которой отняли волчонка. Зачѣмъ она ханша, зачѣмъ жена Кучюма, а не простая татарка, которая умираетъ на рукахъ своихъ дѣтей? Самыя бѣдныя татарки теперь ужь давно спятъ, не спитъ одна ханша Лелипакъ-Канышъ и не можетъ утишить своего стараго сердца... Думаетъ ли о ней Арсланъ-ханъ, сидя заложникомъ въ Москвѣ, или забылъ мать, какъ прирученный соколъ забываетъ родное гнѣздо? Много въ Москвѣ зажилось татарскихъ царевичей, а Бѣлый Царь опутываетъ ихъ своими княжнами и помѣстьями. Слышитъ ли твое молодое, горячее сердце, Арсланъ-ханъ, какъ убивается старуха-мать, или полюбилась тебѣ московская неволя? Измѣнитъ мужъ своей женѣ, лучшая красавица полюбитъ другаго, самый храбрый батырь побѣжитъ передъ кровавымъ страхомъ смерти, а

материнское сердце всегда вѣрно себѣ; не думаетъ Лелипакъ-Канышъ о четырехъ сыновьяхъ, которые у нея на глазахъ, не думаетъ о красавицѣ дочери Лейле-Канышъ, а всѣ ея мысли, какъ ночныя птицы надъ огнемъ, вьются около Арсланъ-хана...

Грозно шумитъ Иртышъ, высоко на берегу поднимается Искеръ; а кругомъ города день и ночь роютъ окопы, дѣлаютъ рвы и засѣки. Нужно защитить городъ отъ надвигающейся московской грозы, а Искеръ—сердце Сибири. Ночью работа идетъ при огняхъ, и ханъ Кучюмъ самъ слѣдитъ за всѣмъ: онъ никому не вѣритъ, кромѣ своего глаза. И теперь кипитъ работа, но Лелипакъ-Канышъ не видитъ огней, не слышитъ человѣческихъ голосовъ и бродитъ по городу, какъ тѣнь. Развѣ уйдешь отъ бѣды, еслибы поднять стѣны до самаго неба и повернуть Иртышъ отъ студенаго моря къ теплому?.. Бродитъ Лелипакъ-Канышъ изъ улицы въ улицу и все чего-то ждетъ, а сама слышитъ, какъ бьется ея сердце въ груди. Идутъ казаки, будетъ война, а ея Арсланъ-ханъ все будетъ томиться въ московской неволѣ, и не увидятъ его ея старые глаза. Ханъ-Сеидъ—святой человѣкъ, а и онъ ничего не говоритъ объ Арсланъ-ханѣ.

Ходитъ Лелипакъ-Канышъ и не слышитъ кон-

скаго топота: это мчится старый Кучюмъ-ханъ на своемъ лучшемъ аргамакѣ, а его прислужники едва поспѣваютъ за нимъ, потому что быстрѣе коней летитъ ханское сердце. Мчатся за Кучюмомъ его лучшіе совѣтники и батыри: главный совѣтникъ Чинъ-Мурза, братъ молодой ханши, красавицы Симбулы, мурза Булатъ, киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ; какъ тѣни, летятъ они молча за Кучюмомъ, и только нѣтъ въ этой свитѣ батыря Махметкула и ни одного изъ ханскихъ сыновей. Совѣстно стало Кучюму своей собственной крови, и онъ оставляетъ сыновей дома... Несется ханъ Кучюмъ, несется за нимъ, какъ вѣтеръ, его свита, и чуть они не смяли бродившую по улицамъ Лелипакъ-Каньшъ. Съ крикомъ бросилась она въ сторону, прижалась къ стѣнѣ чужаго дома и все поняла,—поняла, что такъ гонитъ Кучюма ночью, почему нѣтъ съ нимъ сыновей. Святыя слова Ханъ-Сеида не подѣйствовали на него.

— О, будь проклятъ ты, отецъ моихъ дѣтей!— крикнула въ слѣдъ Кучюму старая Лилипакъ-Канышъ, поднимая руки къ небу. — И будь проклято мѣсто, куда тебя гонитъ твое волчье сердце!..

Но не слышитъ старый Кучюмъ этихъ словъ и несется впередъ: свои года и старость онъ

оставилъ въ Искерѣ, а его сердце бьется молодой, горячей кровью. Раньше, также быстро леталъ онъ на своемъ аргамакѣ въ Сузгунъ, что красуется надъ Иртышемъ и гдѣ цвѣла своей красотой ханша Сузгэ, но заросла травой дорога въ Сузгунъ, и ханскій аргамакъ безъ поводьевъ знаетъ путь къ Карача-Куль. До Карача-Куль одинъ переѣздъ, но хану Кучюму онъ кажется дальше, чѣмъ до Ургенджа. Свѣтлое озеро Карача-Куль совсѣмъ спряталось въ зеленыхъ камышахъ, и крѣпко засѣлъ на немъ старый мурза Карача съ своимъ улусомъ. Хмуритъ онъ свои сѣдыя брови, когда заслышитъ знакомый топотъ ханскаго аргамака, а его дочь, красавица Сайханъ-Доланьгэ, только смѣется, потряхивая золотыми монетами, которыми усыпаны ея черные волосы и бѣлая грудь. Оставляетъ свою свиту ханъ Кучюмъ въ улусѣ, а самъ идетъ къ мурзѣ Карачѣ одинъ, чтобы не встревожить Сайханъ-Доланьгэ. Выходитъ къ нему на встрѣчу самъ мурза Карача и кланяется до земли.

— Да хранитъ богъ хана Кучюма,—говоритъ хитрый старикъ, принимая ханскаго коня.—Какая забота загнала хана въ такую пору ко мнѣ? Глаза стараго Карачи счастливы видѣть солнце въ своемъ улусѣ...

Молча идетъ Кучюмъ въ ставку Карачи, молча

садится на дорогой бухарскій коверъ, а Сайханъ-Доланьгэ уже подноситъ ему чашу съ кумысомъ, и смѣется ханское сердце. За Сайханъ-Доланьгэ, какъ тѣнь, ходитъ старая шаманка Найдыкъ.

— Да хранитъ богъ хана Кучюма и пусть радуется его сердце,—говоритъ Сайханъ-Доланьгэ, кланяясь Кучюму въ поясъ.—И ночью ханъ Кучюмъ не спитъ—есть забота у хана.

— Ты давно знаешь мою заботу, Сайханъ-Доланьгэ—говоритъ Кучюмъ, не отрывая глазъ отъ красавицы.

— Казаки идутъ къ Искеру?..

— Искеръ крѣпко стоитъ и будетъ еще крѣпче...

— Не захворала ли красавица Сузгэ?

— И Сузгэ здорова...

Сидитъ ханъ Кучюмъ, пьетъ кумысъ и весело болтаетъ съ Сайханъ-Доланьгэ: нѣтъ для него ни Искера, ни казаковъ, ни красивой Сузгэ. Все на свѣтѣ забываетъ ханъ Кучюмъ для своей красавицы и, оставляя ханскую гордость, поетъ ей свои пѣсни, какъ самый бѣдный степной пастухъ:

Твои брови тонки, какъ новый мѣсяцъ,
Свѣжей розой запертъ жемчугъ зубовъ...

Весело горитъ молодой огонь въ твоемъ очагѣ красавица,
А когда ты смѣешься — ночь озаряется свѣтомъ.
Двѣ полныхъ луны стыдливо дремлютъ на твоей бѣлой груди.
Двѣ звѣзды смотрятъ изъ-подъ черныхъ рѣсницъ.
Но кто тотъ счастливецъ, для котораго побѣгутъ къ порогу твои маленькія ножки,
А бѣлыя руки съ тонкими пальцами разоймутся сами собою?
Если бы ты взглянула на меня ласково—разлился бы я чистымъ серебромъ;
Въ другой—расплавился бы золотомъ!
Пусть умру я мученикомъ,
Но только въ твоихъ объятіяхъ...
Но я ухожу отъ тебя печальный,
И сердце мое покрывается льдомъ;
Во снѣ я вижу тебя и мгновенно умираю,
Просыпаюсь—и еще разъ умираю.

Слушаетъ Сайханъ-Доланьгэ ханскую пѣсню и думаетъ о другомъ, думаетъ о молодомъ батырѣ, который уже три раза волчьими тропами ходилъ черезъ Камень и возвращался оттуда съ богатой добычей,—по степнымъ auламъ ужъ поютъ пѣсни про батыря Махметкула. Само

счастье широкой тѣнью ходитъ за батыремъ Махметкуломъ; одно его имя наводитъ кровавый ужасъ на всѣхъ, кромѣ Сайханъ-Доланьгэ, этой черноволосой красавицы съ розовыми ушами и тонкими пальцами. Да, ханъ Кучюмъ поетъ свои пѣсни Сайханъ-Доланьгэ, а Сайханъ-Доланьгэ думаетъ о батырѣ Махметкулѣ.

— Хана всѣ любятъ,—отвѣчаетъ съ улыбкой хитрая красавица.—А я тебѣ спою, ханъ, старую пѣсню. Слушай...

Храбрый молодецъ свое копье мочитъ въ крови.

А безстыдникъ проводитъ ночи безъ сна...

Такъ начиналась старая пѣсня «о соломенкѣ», въ которой воспѣвались подвиги великаго хана Темиръ-Ленка. Всему научался Темиръ-Ленкъ у муравья. Это еще было тогда, когда, разбитый своими врагами, ханъ спасался въ развалинахъ какого-то стариннаго кладбища. Темиръ-Ленкъ, какъ змѣя, заползъ между могильными камнями и ждалъ здѣсь своей смерти. Онъ былъ одинъ, а врагъ гнался по пятамъ. Въ ожиданіи смерти, Темиръ-Ленкъ могъ наблюдать только муравья, который тащилъ длинную соломенку на могильную плиту. Сорокъ разъ онъ оборвался съ нея, а сорокъ первый втащилъ. Погоня пронеслась надъ головой Темиръ-Ленка, а онъ сдѣлался,

благодаря мудрости муравья, величайшимъ изъ всѣхъ хановъ. Вотъ о чемъ пѣла красавица Сайханъ-Доланьгэ, весело позванивая своимъ дѣвичьимъ золотомъ и серебромъ.

Такъ смѣялась въ глаза надъ старымъ ханомъ Кучюмомъ капризная красавица, и онъ уѣзжалъ къ себѣ въ Искеръ, низко опустивъ голову. Но стыдъ не удерживалъ его, и ханъ опять пріѣзжалъ на Карача-Куль, а Сайханъ-Доланьгэ опять смѣялась надъ нимъ, спрашивая о Лелипакъ-Канышъ, о Сузгэ и другихъ ханшахъ. Но съ каждымъ разомъ старый Кучюмъ дѣлался все мрачнѣе и, наконецъ, сказалъ мурзѣ Карачѣ:

— Отдай мнѣ Сайханъ-Доланьгэ, Карача...

— Оставь ханъ! этому никогда не бывать,— смѣло отвѣтилъ старый мурза.—У тебя большіе сыновья отъ Лелипакъ-Канышъ, и, когда ты умрешь, они выгонятъ мою дочь иаъ ханской ставки, какъ опоенную лошадь.

— Карача, ты забылъ, съ кѣмъ говоришь?!

— Нѣтъ, я знаю тебя, ханъ, знаю больше другихъ... Вѣдь мы вмѣстѣ съ тобой рѣзали людей, вмѣстѣ и хана Сейдяка убили. И меня ты зарѣжешь, какъ овцу, чтобы взять Сайханъ, но самъ я все таки не могу отдать ее тебѣ.

— Я тебя осыплю золотомъ, старый упрямый верблюдъ...

— Развѣ моя дочь лошадь, что я буду ее продавать? Для этого есть невольницы, а моя дочь старой ханской крови. Отними ее силой и владѣй!..

Развѣ любовь возьмешь силой? Ханъ Кучюмъ зазывалъ себѣ шаманку Найдыкъ и уговаривалъ ее приворожить сердце Сайханъ-Доланьгэ. Хитрая Найдыкъ принимала богатые ханскіе подарки и говорила:

— Ты будешь счастливъ, ханъ, какъ никто другой...

Она то же самое говорила и батырю Махметкулу, когда онъ привозилъ ей подарки изъ-за Камня, съ московской стороны.

III.

Какъ огонь идетъ по степи, такъ шли казаки все дальше и дальше. На переднемъ стругѣ плыветъ самъ Ермакъ съ любимымъ своимъ пятидесятникомъ Богданомъ Брязгой, а на другихъ стругахъ атаманятъ Иванъ Кольцо, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ и Гроза Ивановичъ. Тонкими голосами запѣли татарскія стрѣлы на Турѣ, когда казаки приступили къ первому татарскому городку мурзы Епанчи. Грянулъ громъ въ рукахъ казаковъ, и бѣжали татары. Такъ взятъ

былъ городокъ Епанчи и другой городокъ Цимги. Помутилась вода кровью въ самомъ Тоболѣ, а казацкіе струги плывутъ все дальше.

Укрѣпленъ Искеръ; Кучюмъ засѣлъ подъ Чувашьей горой. На Иртышѣ ждетъ казаковъ въ своемъ городкѣ мурза Атикъ, а недалеко отъ устьевъ Тобола, у бабасанскихъ юртъ, собрался цвѣтъ татарскаго войска съ батыремъ Махметкуломъ во главѣ. Пришли на помощь вогульскіе и остяцкіе князьки, которые вмѣстѣ съ Кучюмомъ засѣли подъ Чувашьей горой. Не вѣритъ старый Кучюмъ вогульской и остяцкой храбрости, но теперь всякая помощь дорога. Только два человѣка не боятся казаковъ: старый Кучюмъ и молодой Махметкулъ, и оба они думаютъ о лукавыхъ глазахъ Сайханъ-Доланьгэ. Какъ волкъ въ камышахъ, сидитъ Кучюмъ подъ Чувашьей горой, ждетъ Махметкулъ у бабасанскихъ юртъ, а казаки плывутъ все дальше. Запѣли стрѣлы уже на Тоболѣ и закипѣла жестокая сѣча, какой еще не было видано: встрѣтились въ первый разъ лицомъ къ лицу два батыря—Махметкулъ и Ермакъ. Цѣлый день они бились; какъ скошенная трава, полегли храбрые, а къ вечеру дрогнули татары, и Махметкулъ, батырь Махметкулъ, бѣжалъ съ поля битвы... Еслибы у ночи были глаза, она плакала бы,

какъ мать, и надъ тѣми, кто честно положилъ свою голову за родину, и особенно надъ тѣми, кто позорно бѣжалъ съ поля битвы. Нѣтъ пощады трусамъ, нѣтъ слова хуже, которымъ ихъ встрѣтитъ каждый мужчина и каждая женщина, а Махметкулъ бѣжалъ отъ Ермака, какъ заяцъ отъ охотничьей собаки. Забылъ онъ о прекрасныхъ глазахъ Сайханъ-Доланьгэ, забылъ о старой матери Кюнъ-Арыгъ, сѣдую голову которой покрылъ позоромъ.

— Нѣтъ у меня сына, — твердила Кюнъ-Арыгъ: — это заячьи ноги, а не мой сынъ... У бабасанскихъ юртъ умерла моя радость!..

— Твой батырь Махметкулъ—молокососъ и щенокъ, — говорилъ старый мурза Карача дочери.—Ему бы доить кобылицъ, а не воевать... Теперь казаки пойдутъ на Иртышъ и возьмутъ городокъ мурзы Атика.

Горько плакала Сайханъ-Доланьгэ, плакала вмѣстѣ съ ней шаманка Найдыкъ, а когда двѣ женщины сойдутся вмѣстѣ, то онѣ непремѣнно что нибудь придумаютъ. Снарядили они стараго шамана Кукджу и послали его въ Искеръ, чтобы старикъ разыскалъ тамъ батыря Махметкула и заговорилъ его сердце, — все зналъ шаманъ Кукджу и все могъ онъ сдѣлать. Онъ выгналъ злаго духа изъ Лейле-Канышъ, когда ханская

дочь совсѣмъ умирала, и вернетъ Махметкулу его храбрость. Сто лѣтъ шаману Кукджу; желтая борода у него росла отъ самыхъ глазъ, точно мохъ на старомъ пнѣ, но мурза Карача держалъ его въ своемъ улусѣ, какъ дорогаго гостя. Хитрый Карача и столѣтній шаманъ молились еще старымъ богамъ,—святой Оби и буйному Иртышу.

— Ханъ Кучюмъ оставилъ старыхъ боговъ, и старые боги его оставили,—говорилъ Кукджу мурзѣ Карачѣ.—Ханъ-Сеидъ съ своимъ пророкомъ не спасетъ хана Кучюма... Вотъ что видѣли столѣтніе глаза Кукджу: каждую ночь, на Иртышѣ съ татарской стороны выходитъ бѣлый волкъ, а съ московской черная собака и дерутся они до бѣлаго свѣта. Кровью покрывается вода, Иртышъ мечетъ огненныя искры, а надъ Искеромъ встаетъ московскій городъ съ бѣлыми церквями. Вотъ что видятъ столѣтніе глаза Кукджу! Еще раньше пришло въ Сибирь бѣлое дерево, а за нимъ придетъ и бѣлый царь... Вотъ что сдѣлали старые боги, которыхъ оставилъ ханъ Кучюмъ!

Мурза Карача думалъ одно, а вышло другое. Не боялся онъ за свой улусъ и даже жалѣлъ мурзу Атика, котораго разоритъ Ермакъ,—одна дорога по рѣкѣ у казаковъ. а Карача-Куль ос-

танется вправо. Позоритъ Ермакъ другихъ мурзъ, награбитъ богатствъ, можетъ быть, и до Искера доберется, а по заморозкамъ уйдетъ съ добычей за Камень, какъ дѣлалъ Махметкулъ съ закамской стороной. Останется тогда старый Карача богаче и сильнѣе всѣхъ, а Кучюмъ старъ, сыновья у него еще молоды, счастье перемѣнчиво и если Сайханъ-Доланьгэ не суждено быть ханшей, то она будетъ дочерью новаго сибирскаго хана. Не успѣлъ старый мурза додумать своихъ хитрыхъ мыслей, какъ на Карача-Куль налетѣла гроза. Пока самъ Ермакъ отдыхалъ у бабасанскихъ юртъ, атаманъ Кольцо бросился съ казаками на карачинскій улусъ, точно степной вихрь, который засыпаетъ пескомъ цѣлые города и вырываетъ столѣтнія деревья съ корнемъ. Не было времени даже подумать о защитѣ, а ноги сами бѣжали... Къ утру, гдѣ вчера стоялъ карачинскій улусъ, не осталось даже дыма отъ пожара, а валялись одни трупы убитыхъ да выли собаки. Самъ Карача едва успѣлъ спастись на одной лошади съ Сайханъ-Доланьгэ. Они опомнились только въ Искерѣ, куда народъ сбѣгался отъ казаковъ со всѣхъ сторонъ.

— Если Махметкулъ и твой отецъ не могли тебя защитить, такъ я тебя сберегу, — сказалъ старый Кучюмъ, когда увидѣлъ красавицу Сай-

ханъ въ Искерѣ.—Теперь ты моя гостья... Не бойся ничего, пока живъ ханъ Кучюмъ.

Ласково говорилъ старый ханъ, забывая для красавицы даже висѣвшую на носу бѣду, а та по прежнему ненавидѣла его нечистую, старую любовь и думала о Мехметкулѣ.

Всѣ мурзы и улусники Кучюма собрались въ Искерѣ. Врагъ близко, нужно подумать о своихъ женахъ и дѣтяхъ, а военное счастье измѣнчиво. Долго думали и рѣшили отправить все имущество, женщинъ, дѣтей и стариковъ въ степь, гдѣ красовалось ханское лѣтнее стойбище Наоболакъ. Такъ бѣда соединила Лелипакъ-Канышъ и Сайхань-Доланьгэ, какъ зиму съ лѣтомъ, какъ вечернюю зарю съ утренней. Старая ханша не подала и виду, что ненавидитъ свою молодую гостью, которую съ радостью задушила бы своими костлявыми руками, а теперь должна была везти въ степь вмѣстѣ съ своей дочерью Лейле-Канышъ.

Много было слезъ, когда начали выѣзжать изъ Искера жены, наложницы и невольницы Кучюма, а за ними потянулись жены и дѣти разныхъ мурзъ. Остались въ городѣ только тѣ, которымъ некуда было бѣжать, да тѣ, которымъ суждено было здѣсь умереть. Всѣ руки, которыя могли еще бороться съ врагомъ, были впе-

реди, на берегу Иртыша, а впереди всѣхъ опять стоялъ батырь Махметкулъ, грозный и неприступный, какъ рѣка, которая готова выступить изъ береговъ и затопить все кругомъ.

— Будетъ то, чего не миновать,—говорилъ батырю старый шаманъ Кукджу. — У смерти нѣтъ глазъ, какъ и у счастья; но есть глаза у Сайханъ-Доланьгэ и онѣ смотрятъ на тебя давно... Женщина — тетива, которая посылаетъ стрѣлу-мужчину. Не бойся ничего: я буду съ тобой, какъ сказала Сайханъ-Доланьгэ.

Туча лежитъ на сердце у Мехметкула и ждетъ онъ новой сѣчи, какъ праздника, чтобы смыть свой позоръ вражеской кровью. О, онъ утонетъ въ этой чужой крови, чтобы не слышать страшнаго слова: «трусъ». А казаки ужъ поднимаются вверхъ по Иртышу, къ городку мурзы Атика. Грозно надулась сердитая рѣка, со стономъ бьются о берега сѣдыя волны, разсыпаясь серебряной слезой, а сверху глядитъ на казаковъ осеннее сѣрое небо, холодное и суровое, какъ лицо мертвеца... Съ жалобой бѣжитъ вѣтеръ по высокой степной травѣ, точно онъ ищетъ кого-то и тоже стонетъ, какъ стонетъ по ночамъ Иртышъ. Черные вороны стаей провожаютъ казацкіе струги и ждутъ кровавой добычи. Тихо въ одномъ Искерѣ, гдѣ остался свя-

той человѣкъ, Ханъ-Сеидъ... Онъ каждый день обходитъ всѣ стѣны и долго молится, поднявъ руки къ верху. По Иртышу къ Искеру идетъ страшное и великое горе, а надъ казацкими стругами невидимо летитъ смерть. Замерло бы въ груди сердце у самаго храбраго, еслибы онъ могъ видѣть то, что видѣлъ Ханъ-Сеидъ... Близится день и часъ, когда по степнымъ стойбищамъ, улусамъ и займищамъ горько заплачутъ тысячи татарокъ объ убитыхъ мужьяхъ, отцахъ и дѣтяхъ, а на далекой русской сторонѣ отвѣтятъ имъ тѣмъ же матери, жены и дочери казаковъ. Это судъ божій, и никто не можетъ остановить его ни на одно мгновеніе...

— О, пророкъ, дай силу Кучюму,—молится Ханъ-Сеидъ, падая ницъ.—Вотъ человѣкъ, сердце котораго не знаетъ страха и который будетъ великъ въ бѣдѣ, какъ никто другой...

Подъ Чувашьей горой сошлись храбрые грудь съ грудью, какъ еще не видалъ сѣдой Иртышъ. Тутъ были всѣ мурзы и всѣ князья вогульскіе и остяцкіе. Берегъ Иртыша почернѣлъ отъ двигавшагося по немъ войска, и смерть пряталась за окопами, во рвахъ и засѣкахъ. Самъ Кучюмъ здѣсь, старый Кучюмъ, который сотни разъ видалъ жестокія сѣчи и который сейчасъ ждетъ врага, какъ дорогаго гостя. Близко казаки...

Гулкое эхо прокатилось по Иртышу отъ ихъ выстрѣловъ, и закипѣла кровавая сѣча. Бьются всѣ съ невиданной еще храбростью. Никому нѣтъ пощады, и люди сдѣлались страшнѣе звѣрей. Впереди всѣхъ бьется батырь Махметкулъ,— онъ выше всѣхъ цѣлой головой, и всѣ смотрятъ на его храбрость. Цѣлый день шла битва и враговъ раздѣлила только ночь. Побѣда осталась нерѣшенной. Солнце еще не взошло, а стрѣлы уже запѣли. Бой загорѣлся съ новой яростью, и впереди всѣхъ опять батырь Махметкулъ, который молодымъ львомъ носился по полю мертвыхъ. Мало казаковъ, а убитыхъ много. Дрогнуло сердце у самыхъ храбрыхъ. Счастье переходитъ къ татарамъ, еще мигъ—и посыплются казацкія головы, какъ вызрѣвшее на горячемъ солнцѣ зерно. Схватился Ермакъ и двинулъ отчаянныхъ удальцевъ на засѣки, гдѣ скрывались остяки и вогулы Не выдержали напора эти жалкіе трусы и побѣжали; но опять впереди всѣхъ Махметкулъ и еще сильнѣе напираютъ татары. Но вдругъ не стало батыря Махметкула, и все смѣшалось. Дрогнули татары, а по полю несется страшная вѣсть: «палъ Махметкулъ, убитъ батырь Махметкулъ»!..

Еще сильнѣе ударили казаки, и побѣжали татары, какъ застигнутое въ степи бураномъ стадо овецъ.

IV.

Красивое мѣсто—Наоболакъ. Два степныхъ озера смотрятъ въ небо, какъ два свѣтлыхъ глаза, опушенныхъ зелеными рѣсницами степныхъ камышей. Пестрымъ ковромъ облегла степь это любимое ханомъ Кучюмомъ мѣсто, куда онъ лѣтомъ выѣзжалъ со всѣми своими женами, и гдѣ веселилось ханское сердце, покрываясь новыми цвѣтами. Но теперь—осень; въ степи шелеститъ высохшая трава; давно завяли степные цвѣты, и надъ веселымъ ханскимъ мѣстомъ черной тучей нависла печаль. Сотни кибитокъ разбиты кое-какъ, какъ громадныя тюбетейки, упавшія съ богатырскихъ головъ; горятъ огни, ржутъ лошади, а печальныя женщины утромъ и вечеромъ смотрятъ въ ту сторону, гдѣ вольно катится Иртышъ и откуда всѣ ждутъ грозныхъ вѣстей. Сбѣжались сюда женщины изъ разоренныхъ городковъ Епанчи, Карачи и Атика, а лучшее мѣсто занимаетъ ставка ханскихъ женъ и наложницъ. Горе соединило всѣхъ въ одно стадо, но никакое горе не заставитъ Лелипакъ-Канышъ позабыть молодую красоту Сайханъ-Доланьгэ,—она каждый день у нея на глазахъ, и каждый день смертельно ноетъ сердце старой ханши.

Тоскуетъ и Сайханъ-Доланьгэ: молодость и красота ей въ тягость, потому что и цвѣты блекнутъ, когда на нихъ не смотритъ горячее солнце. Утѣшаетъ дѣвушку старая Кюнъ-Арыгъ мать батыря Махметкула.

— За что ненавидитъ меня ханша Лелипакъ-Канышъ? — жаловалась ей Сайханъ-Доланьгэ.—Что я сдѣлала ей?,... Быть женой беззубаго старика я совсѣмъ не желаю, да и сердце у Кучюма горячее не по годамъ: сегодня одна жена, а завтра десять новыхъ. Я лучше пойду за степнаго батыря, которому не на что купить второй жены...

— Это говоритъ въ тебѣ гордость, моя красавица,—стыдила ее старая Кюнъ-Арыгъ и тяжело вздыхала. — У всякой дѣвушки свое счастье, а когда состаришься, тогда ничего не будетъ нужно...

— Но вѣдь я еще молода? Я хочу веселиться... Посмотри, какъ плачетъ красавица Сузгэ, которую Кучюмъ забылъ, какъ и другихъ женъ. Она—гордая киргизка, и Кучюмъ отбилъ ее у молодаго жениха. Спроси ея брата, царевича Уразу-Магмета: онъ знаетъ, какъ она убивалась въ Сузгунѣ... Лелипакъ-Канышъ утѣшаетъ себя дѣтьми, а Сузгэ остались однѣ ея слезы.

По вечерамъ, Сайханъ-Доланьгэ пѣла старыя пѣсни о старыхъ степныхъ батыряхъ, которыхъ любили степныя красавицы, и о великихъ ханахъ Темиръ-Ленкѣ, Чингисѣ, Искандерѣ и Бату. Хорошо пѣла Сайханъ-Доланьгэ, и около нея сбирались всѣ старухи, чтобы поплакать вмѣстѣ о настоящемъ горѣ. На эти пѣсни приходила и Лейле-Канышъ, какъ летитъ птица къ птицѣ,—она оставляла гордость ханской дочери въ своей кибиткѣ. Когда на глазахъ не было старухъ, красавицы весело смѣялись: ихъ молодая радость плавала поверхъ горя, какъ масло надъ водою. Онѣ обѣ любили батыря Махметкула и обманывали другъ друга, какъ молодыя лисицы, когда онѣ играютъ на солнцѣ.

— Зачѣмъ мы съ тобой не сестры? — ласково шептала Лейле-Канышъ.—Мать не любитъ тебя, а я не могу безъ тебя жить...

— И я тоже,—отвѣчала Сайханъ-Доланьгэ.— Когда твой отецъ прогонитъ казаковъ, онъ отдастъ тебя въ награду Махметкулу за его храбрость... Старая Кюнъ-Арыгъ и теперь провожаетъ тебя глазами, какъ свою молодость. У нея даже глаза слезятся отъ радости... Не забудь и меня позвать къ себѣ на свадьбу.

— Это будетъ, когда ледъ на Иртышѣ загорится огнемъ,—смѣялась Лейле-Канышъ.

Чѣмъ казалась веселѣе Сайханъ-Доланьгэ днемъ, тѣмъ сильнѣе она убивалась и плакала ночью,—молодое сердце чуяло бѣду. Шаманка Найдыкъ напрасно уговаривала ее — шептала надъ ней свои заклинанія и осыпала чудесной травой.

— Твоя звѣзда счастливая,—увѣряла Найдыкъ.—И Кукджу тоже говоритъ, а онъ все знаетъ, столѣтній Кукджу... Онъ теперь съ Махметкуломъ, какъ тѣнь вокругъ дерева. Кукджу сказалъ: необыкновенное счастье ждетъ красавицу Сайханъ, дочь Карачи, и ты можешь спать подъ его словами, какъ подъ крышей изъ камня.

Не все говорила Найдыкъ, что знала: обманывала она и себя, и Сайханъ-Доланьгэ. Не счастье ждало красавицу, а кровавая бѣда... Разъ вечеромъ, когда Найдыкъ сидѣла передъ кибиткой у огня, въ степи показалось черное пятно. Всѣ женщины встрепенулись, какъ спустившаяся на воду стая птицъ, когда завидитъ лодку. Пятно росло и оказалось двумя лошадьми, которыхъ велъ старый Кукджу. Между лошадьми была натянута бѣлая кошма, а на кошмѣ лежалъ раненый подъ Чувашьей горой батырь Махметкулъ. Самъ Кукджу вынесъ его бездыханное тѣло изъ жестокой сѣчи и спасъ

отъ погони одолѣвшихъ враговъ,—онъ на берестяной остяцкой лодкѣ перевезъ его черезъ Иртышъ. На другомъ берегу, столѣтній Кукджу хлопоталъ возлѣ батыря, прикладывая цѣлебныя травы къ его ранамъ, и читалъ свои заклинанія, а потомъ перевезъ въ той же лодкѣ назадъ. Три дня и три ночи шли лошади съ драгоцѣнной ношей, а Кукджу шелъ впереди ихъ и собиралъ новыя травы. Махметкулъ, усыпленный питьемъ, лежалъ, какъ мертвый. Весь Наоболакъ выбѣжалъ на встрѣчу къ шаману, и женщины съ воемъ окружили его. Съ крикомъ упала на землю Кюнъ-Арыгъ, когда узнала. кто лежитъ въ кошмѣ.

— Онъ будетъ живъ, твой Махметкулъ, — сказалъ Кукджу, отгоняя любопытныхъ женщинъ.—Онъ искалъ смерти и не нашелъ... Сотни матерей позавидуютъ твоему счастью, Кюнъ-Арыгъ.

Сайханъ-Доланьгэ уступила свою кибитку батырю, и когда Махметкулъ очнулся, — онъ узналъ ковры съ Карача-Куль. Заиграло въ немъ весело молодое сердце, и снова открылись страшныя раны.

— Вези меня въ Искеръ...—шепталъ батырь.—Хочу умереть на его высокихъ стѣнахъ, а не въ женской кибиткѣ.

— Умрещь потомъ, когда придетъ время, — строго отвѣчалъ Кукджу и опять далъ Махметкулу усыпляющаго питья.

Такъ было нужно... Женщины не смѣли плакать, и только Кюнъ-Арыгъ неоступно сидѣла въ кибиткѣ сына, какъ птица надъ выпавшимъ изъ роднаго гнѣзда птенцомъ.

Не успѣли догорѣть огни у кибитокъ, какъ Наоболакъ опять встрѣвожился, — вся степь точно застонала подъ конскими копытами. Заржали лошади, почуявъ верховыхъ; и скоро долетѣлъ первый топотъ ханскихъ аргамаковъ. Это былъ самъ ханъ Кучюмъ, бѣжавшій изъ Искера, какъ загнанный собаками старый волкъ. Въ Искерѣ веселились казаки, а хану Кучюму осталась его степь... Степь вспоила и вскормила хана Кучюма, и ѣдетъ онъ по ней, низко опустивъ свою сѣдую голову. Не слышитъ онъ ни призывнаго ржанья коней. ни лая сторожевыхъ собакъ, точно онъ самъ остался въ Искерѣ, а вмѣсто него на конѣ ѣдетъ его тѣнь. Не слышитъ онъ и провожающихъ его мурзъ и совѣтниковъ; за нимъ все время неслась свита убитыхъ имъ князей, мурзъ и степныхъ батырей, подъ предвотительствомъ убитаго сибирскаго хана Едигера и его брата, Бикъ-Булата... Неслышными шагами они старались обогнать

его аргамака и загородить дорогу, но Кучюмъ точно просыпался и мчался впередъ, какъ бѣшенный. Только въ виду Наоболака, отстала отъ него эта нѣмая свита, и ханъ Кючумъ вдругъ опустился въ сѣдлѣ и изнемогъ. Лучше бы не видѣли его старыя глаза этого проклятаго дня, когда казаки овладѣли его сердцемъ— Искеромъ...

— Ханъ Кючумъ, мы пріѣхали...—говорилъ Чинъ-мурза, ѣхавшій за нимъ вмѣстѣ съ Ханъ-Сеидомъ.

Спѣшились мурзы и сняли шапки, ожидая, когда сойдетъ съ сѣдла ханъ, а онъ все сидѣлъ и смотрѣлъ кругомъ, точно не понималъ, куда они пріѣхали. Женщины не смѣли плакать, задыхаясь отъ горя. Когда къ ханскому сѣдлу подошла Лелипакъ-Канышъ, Кучюмъ опомнился.

— Гдѣ Симбула? — спросилъ онъ. — Я не вижу Симбулы...

— Она въ кибиткѣ, ханъ.

— Лучше бы ей никогда не выходить изъ кибитки, чтобы не слышать о смерти брата, мурзы Булата... Много ихъ тамъ легло въ Искерѣ, и только недостаетъ моей сѣдой головы.

Кючумъ заперся въ своей кибиткѣ съ Ханъ-Сеидомъ и всю ночь не сомкнулъ глазъ. Онъ то плакалъ, то жаловался, то просилъ Ханъ-

Сеида убить его, стараго хана Кучюма, не умѣвшаго отстоять своего сердца — Искера. Ханъ-Сеидъ слушалъ его молча, а потомъ громко молился. Ханъ дико смотрѣлъ на него и все прислушивался къ тому, что дѣлается въ стойбищѣ—ни въ одной кибиткѣ не спали, потому что всѣ или ухаживали за ранеными, или оплакивали убитыхъ. Земля гудѣла, какъ живая: это все бѣжали со стороны Искера—кто пѣшій, кто конный, и все привозили новыхъ раненыхъ. Чинъ - мурза распорядился, чтобы женщины не смѣли громко плакать и тѣмъ наводить уныніе на живыхъ, но Кучюмъ послалъ сказать:

— Пусть женщины плачутъ...

Дрогнула даже степь отъ жалобныхъ криковъ горевавшихъ женщинъ... Онѣ рвали на себѣ волосы, царапали до крови лица и падали на землю, отнявшую у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей и сыновей. Убивалась и плакала ханша Симбула, которую водили подъ руки; плакали жены мурзъ и простыя татарки—горе сравняло всѣхъ, какъ траву въ степи равняетъ острая коса.

V.

Три женщины мучились въ родахъ: схватилась одна за землю—отъ нея произошли китайцы, другая схватилась за дерево—родились русскіе, за конскую гриву схватилась третья—и всѣ ѣздящіе на конѣ считаютъ ее своей матерью. Отъ волка зачала эта третья, и волчья кровь осталась въ степи. Поэтому не боится сердце джигита ни волчьихъ глазъ, ни волчьяго воя, а въ буранъ оно веселится, какъ на праздникѣ. У первой матери смирныя дѣти—не любятъ войны, у второй матери—дѣти бьютъ только чужихъ и чужое любятъ больше своего, а дѣти третьей матери страшны для всѣхъ—не растетъ трава, гдѣ они пройдутъ. Міръ принадлежитъ имъ, ѣздящимъ на конѣ... Но волчья кровь не знаетъ покоя: когда нѣтъ войны съ чужими—бьются свои. Горько оплакивала эта третья мать и раненыхъ, и убитыхъ, и взятыхъ въ плѣнъ. Она все была дома, въ своей кибиткѣ, а кровавое горе ходило бураномъ по степи изъ конца въ конецъ.

Такъ было и теперь... Чужая бѣда радуется въ Искерѣ, а своя бѣда собирается въ степи,—молодой ханъ Сейдякъ вышелъ изъ Бухары, мо-

лодой ханъ Сейдякъ хочетъ докончить то, что оставалось еще отъ казаковъ. Поднялась опять кость Тайбуги, и крѣпко задумались самые храбрые мурзы стараго хана Кучюма.

— О, пророкъ, да благословитъ богъ Сеида и да привѣтствуетъ!—говоритъ ханъ Кучюмъ Ханъ-Сеиду,—ты пришелъ ко мнѣ изъ Ургенджа, тебя послалъ бухарскій ханъ Абдулла-ханъ... Зачѣмъ Абдулла-ханъ выпустилъ изъ Бухары молодаго Сейдяка? Вмѣсто одного врага, у меня теперь два... Это казакамъ на радость, когда двѣ кости схватятся въ степи.

— Богъ великъ, ханъ Кучюмъ, а будущее неизвѣстно,—отвѣчалъ Ханъ-Сеидъ.—Вотъ ты жалуешься, какъ женщина, которая умѣетъ только прясть шерсть... Дѣлай то, что дѣлалъ: ты стоишь впереди всѣхъ. Не бойся ни молодаго Сейдяка, ни ногайской орды—у каждаго своя дорога. Не все ли равно: одна или двѣ бѣды...

Опять ударили большіе бубны, и собрались около Кучюма всѣ большіе люди — князьки, мурзы, батыри; ударили малые бубны, и сбѣжались къ Кучюму всѣ, кто могъ ѣздить на конѣ. Двойная бѣда удвоила силы стараго хана; онъ даже забылъ о красивыхъ глазахъ Сайханъ-Доланьгэ, которая больше не пѣла своихъ пѣсенъ. Боевая стрѣла, какъ молнія, облетѣла самые

дальніе улусы и стойбища, вызывая всѣхъ въ поле. Убьютъ казаки десять человѣкъ, а на ихъ мѣсто выходятъ новыхъ десять, какъ весенняя трава смѣняетъ прошлогоднюю.

Долго не уходитъ степная зима; новый снѣгъ засыпаетъ весеннія проталины, а тронувшаяся днемъ вода застываетъ ночью. Но уже летятъ птицы съ теплаго моря, заиграли рѣчныя верховья, и зеленымъ бархатомъ одѣла первая весенняя трава рѣчные берега. Да, птицы летятъ къ оставленнымъ гнѣздамъ, на знакомыя стойбища, и по небу вмѣстѣ съ ними несется веселый крикъ. Только ханъ Кучюмъ не вернется больше на старое гнѣздо, на высокій берегъ Иртыша, гдѣ красуется Искеръ, и его сердце стонетъ, какъ выбившаяся изъ силъ перелетная птица.

— Кто помѣряется силой съ Ермакомъ?— спрашиваетъ ханъ Кучюмъ.

Мурзы, князьки и батыри только переглядывались, а отвѣчалъ одинъ батырь Махметкулъ, только что оправившійся послѣ тяжелыхъ ранъ:

— Я убью Ермака, ханъ Кучюмъ... Только бы мнѣ выманить его изъ Искера въ чистое поле.

— У тебя храброе сердце Махметкулъ,— отвѣчаетъ ханъ Кучюмъ,—но Ермакъ старше тебя, а когда старый коршунъ спитъ сытый на

высокомъ деревѣ, коршунята еще голодаютъ...

Обидное слово только разожгло еще больше Махметкула, а на стараго хана сердиться не стоило. Два свѣтлыхъ глаза посылали батыря туда, откуда немногіе возвращаются.

— Я выду замужъ за того, кто убьетъ Ермака—говорила Сайханъ-Доланьгэ.—Убьетъ старый человѣкъ—онъ помолодѣетъ со мной, убьетъ молодой—будемъ радоваться. Храбрѣйшему изъ храбрыхъ моя красота будетъ наградой...

Махметкулъ уже напередъ видѣлъ красавицу своей, потому что кто же храбрѣе его отъ студенаго моря до теплаго? Только столѣтній шаманъ Кукджу качалъ своей головой: дѣвичьи слова, какъ зеленые листья на деревѣ—сегодня выросли, завтра опали, а Ермака не возьметъ ни сабля, ни стрѣла. Въ желѣзо заковано его сердце...

Какъ молодой левъ одинъ выходитъ по ночамъ на добычу, такъ отдѣлился отъ остального татарскаго войска батырь Махметкулъ. Онъ ушелъ на рѣку Вагай съ небольшимъ отрядомъ и тамъ хотѣлъ выждать Ермака. Развеселилась и ты, маленькая рѣчка Вагай, разлилась отъ весенней воды и вышла изъ береговъ, а каждая твоя капля тянулась къ большому Иртышу, какъ маленькое горе къ большому. Мутна вода въ Вагаѣ, хитрыя

мысли въ головѣ стараго атамана Ермака, который засѣлъ въ Искерѣ, какъ травленный звѣрь. Въ темную ночь это было, какъ накрыли казаки на Вагаѣ татарскую славу. Горько застонала старая Кюнъ-Арыгъ, когда узнала о всемъ случившемся на Вагаѣ. По стойбищамъ, улусамъ, зимовьямъ и ауламъ стрѣлой разнеслась печальная вѣсть, но женщины не будутъ пѣть славу Махметкула... Лучше было Махметкулу умереть у бабасанскихъ юртъ или подъ Искеромъ, а не попадать живому въ руки казаковъ. Утонула слава батыря Махметкула въ далекой Москвѣ.

— Для чего я мучилась, когда родила Махметкула?—повторяла неутѣшная Кюнъ-Арыгъ, обезумѣвшая отъ горя. — Для чего я плакала цѣлые дни и ночи, когда онъ волкомъ ходилъ за Камень? Зачѣмъ я лѣчила его глубокія раны, отъ которыхъ ему лучше было бы умереть у меня на рукахъ?

Вмѣстѣ съ неутѣшной матерью плакали всѣ другія женщины,—всѣмъ имъ было жаль Махметкула, какъ свою кровь.

— Я его считала своимъ сыномъ,—говорила Лелипакъ-Канышъ, ухаживавшая за Кюнъ-Арыгъ, какъ сестра.—Твое горе—мое горе, Кюнъ-Арыгъ. Вотъ и Лейле-Канышъ убивается, какъ не плакала о родныхъ братьяхъ, и Сайханъ-Доланьгэ...

Мы, старухи, теряемъ только сыновей, а наши дѣвушки теряютъ все.

Кюнъ-Арыгъ не понимала ласковыхъ словъ Лелипакъ-Канышъ. Она походила на старое большое дерево, разбитое грозой: еще остались вѣтви съ зелеными листьями, но нѣтъ въ немъ больше жизни. Она даже не плакала, какъ другія женщины, а только стонала. Мужчинамъ было стыдно слушать эти стоны, особенно когда Кюнъ-Арыгъ начинала упрекать.

— Одинъ былъ храбрый изъ батырей—и вотъ онъ въ позорномъ плѣну! — кричала старуха, бѣгая по стойбишу съ распущенными волосами.— Кто же защититъ его? Кто выручитъ изъ неволи?.. О, будьте вы всѣ прокляты, тѣ трусы, которые продали моего сына... Я сама пойду къ атаману Ермаку и скажу: «это я, мать Махметкула, пришла къ тебѣ... Въ степи нѣтъ храбрыхъ, а только робкія женщины. Отдай мнѣ сына, отдай Махметкула... Еслибы я была богата, я заплатила бы тебѣ золотомъ; еслибы я была молода—своей красотой; а теперь я старуха и могу только плакать».

Обидно было слушать эти горькія слова всѣмъ, но никто не рѣшился унять обезумѣвшую отъ горя Кюнъ-Арыгъ. Хмурится старый ханъ Кучюмъ: слова старухи впивались въ его сердце,

какъ стрѣлы; хмурятся старые мурзы и батыри, и думаетъ за всѣхъ одинъ Карача, у котораго въ головѣ мысли бѣгали, какъ лисицы въ норѣ, когда ихъ подкуриваютъ дымомъ. Старый Карача зналъ, что Ермакъ, не будетъ держать Махметкула въ Искерѣ, а отправитъ поскорѣе въ Москву,—слишкомъ дорогую добычу не держатъ дома. Такъ оно и вышло: Махметкула увели въ московскую неволю по той дорогѣ, по которой онъ еще недавно ходилъ весенней грозой за Камень. Затихла степь, затихъ Искеръ. Обѣ стороны собирались съ силами, чтобы продолжать войну. Ермакъ ждалъ атамана Кольцо, посланнаго въ Москву съ повинной къ бѣлому царю. Только осенью вернулся Кольцо и привезъ милостивое царское слово казакамъ, а Ермаку—шубу съ царскаго плеча да тяжелую кольчугу. Веселится Ермакъ въ Искерѣ, веселятся съ нимъ всѣ казаки, а бѣда уже пришла къ самому Искеру, пришла съ покорнымъ словомъ и ласково смотритъ прямо въ глаза. Говоритъ Ермаку посолъ мурзы Карачи:

— Было царство сибирское и владѣлъ имъ ханъ Кучюмъ, а теперь владѣетъ Бѣлый царь. Не стало силы въ степи, изнемогли татары, а наши враги-ногаи разоряютъ наши степные аулы. Возьми насъ, Ермакъ, подъ свою защиту

и пришли казаковъ, чтобы побили ногаевъ. Мы честно бились, а ногаи—разбойники, которые грабятъ убитыхъ или беззащитныхъ женщинъ.

Не обманулъ бы мурза Карача хитрымъ словомъ, но ослѣпила Ермака покорность. Повѣрилъ онъ бѣдѣ Карачи и послалъ ему на выручку своего лучшаго атамана Кольцо съ казаками; самъ послалъ, чтобы больше не видѣть его. Какъ весной оплакивалъ ханъ Кучюмъ своего лучшаго батыря Махметкула, такъ осенью Ермакъ заплакалъ по лучшемъ своемъ атаманѣ, попавшемъ въ хитрую западню. Нѣтъ жалости въ сердцѣ Карачи, и зарѣзалъ онъ Кольцо и всѣхъ посланныхъ съ нимъ казаковъ, а голову атамана послалъ неутѣшной Кюнъ-Арыгъ.

VI.

Черной тучей облегла бѣда со всѣхъ сторонъ сибирскаго хана Кучюма: онъ потерялъ ханство, столицу Искеръ, двухъ сыновей, и послѣднiй свѣтъ изъ глазъ выкатился у хана Кучюма.

— Глаза не будутъ больше тебя обманывать и не будутъ искать новыхъ красавицъ,—коритъ его ханша Лелипакъ-Канышъ.—Услышалъ Богъ мои старыя слезы...

Ничего не могъ отвѣтить женѣ старый ханъ,

да и что могъ сказать человѣкъ, котораго водили подъ руки? Но чѣмъ больше была бѣда, тѣмъ сильнѣе становился старый ханъ Кучюмъ: и слѣпой онъ нагонялъ страхъ на казаковъ и ногаевъ съ Сейдякомъ. Оставались у него еще мурзы и совѣтники, которые исполняли ханскія слова. Своими слѣпыми глазами онъ видѣлъ тайные замыслы своихъ лучшихъ совѣтниковъ и молчалъ. Первый захотѣлъ измѣнить ему мурза Карача, убившій двухъ казацкихъ атамановъ. Счастье отуманило голову стараго мурзы, и онъ замыслилъ одинъ взять Искеръ. Набралъ онъ бродившихъ по степи татаръ изъ разоренныхъ улусовъ, пригласилъ киргизовъ и ногаевъ, и съ этой силой обложилъ Искеръ. Мало казаковъ въ Искерѣ, а помощь далеко,—этимъ и хотѣлъ воспользоваться хитрый мурза. Главный станъ у Карачи былъ подъ Сауксаномъ, и весной онъ заперъ Ермака въ Искерѣ, какъ медвѣдя въ каменной берлогѣ. Мало казаковъ, и нельзя имъ выйти изъ города, а Карача захватилъ всѣ дороги и хвастается: «голодомъ заморю московскихъ батырей... Сами придутъ съ повинной ко мнѣ въ Сауксанъ».

Мѣсяцъ стоитъ мурза Карача подъ Искеромъ, стоитъ второй, и третій стоитъ, а все держатся казаки. Посылаетъ Кучюмъ сказать мурзѣ Ка-

рачѣ, чтобы не тратилъ напрасно времени и поберегъ татарскую силу, но далеко зашелъ старый Карача, чтобы идти ему съ повинной къ хану Кучюму. Тѣсно имъ двоимъ въ степи... Нѣтъ пощады у хана Кучюма, нѣтъ пощады и у мурзы Карачи. Пусть пока ханъ Кучюмъ воюетъ съ ногаями, а мурза Карача успѣетъ въ это время отнять у казаковъ Искеръ. Ханъ Кучюмъ старъ и слѣпъ; сынъ Едигера, ханъ Сейдякъ, еще молодъ, а мурза Карача самъ будетъ сибирскимъ ханомъ. Такъ думалъ мурза Карача, сидя въ Сауксанѣ, а Ермакъ отсиживался въ Искерѣ. Хитрѣе Ермакъ хитраго татарскаго мурзы и ждетъ только темной лѣтней ночи... Два атамана остались у Ермака: Мещерякъ да Брязга, какъ два глаза. Когда наступила темная ночь, тихо вышли казаки изъ Искера, прокрались въ татарскій станъ и начали жестокую сѣчу. Это былъ атаманъ Мещерякъ, а самъ Ермакъ оставался въ Искерѣ. Сонные татары не узнавали другъ друга и бросились бѣжать. Напрасно самъ Карача съ двумя своими сыновьями бросился впередъ на казаковъ — татары бѣжали, какъ зайцы. Бѣжалъ и самъ мурза Карача, оставивъ сыновей убитыми подъ Искеромъ.

Какъ бѣшеный, несется въ степи мурза Карача, и все ему кажется, что за нимъ погоня.

Слѣзетъ съ коня, припадетъ ухомъ къ землѣ, а подъ землей—глухой стонъ и конскій топотъ... Опять летитъ Карача, опять прислушивается: тотъ же топотъ и тотъ же стонъ, и съ каждымъ разомъ все ближе и ближе. Нѣтъ спасенья старому Карачѣ, если во-время не доберется онъ до ногаевъ. Молодой ханъ Сейдякъ приметъ его съ радостью, а старый ханъ Кучюмъ зарѣжетъ, какъ старую собаку. Нѣтъ конца-края степи, и загналъ Карача уже двухъ лошадей, — осталась послѣдняя, третья, и, если она не вынесетъ,—пропало все. Мурза Карача чувствуетъ, что и голова какъ будто ужъ не его и готова сама отдѣлиться отъ туловища. Былъ день или стояла ночь — мурза не различалъ. Два дня и двѣ ночи несется онъ въ степи. Третья лошадь стала задыхаться—это пришелъ конецъ хитрому Карачѣ. Но все-таки ѣдетъ онъ все впередъ и видитъ: точно изъ подъ земли выросъ передъ нимъ всадникъ. Ближе—всадникъ больше и машетъ ему копьемъ. Это сторожевой Кучюма, поставленный ловить его. Пригнулся Карача къ сѣдлу, вытянулъ пику и понесся впередъ на всадника: все равно умирать... Но что это значитъ: всадникъ бросилъ свое копье на землю и спокойно ждетъ его. Пріостановилъ своего скакуна мурза Карача и узналъ самого Ханъ-Сеида.

Да, это былъ онъ, святой старикъ, съ своей бѣлой бородой.

— Куда ты бѣжишь, Карача?—говоритъ Ханъ-Сеидъ.—Остановись... Ты налетишь на Кучюма и не сдобровать твоей головѣ.

Опустились руки у Карачи: онъ ѣхалъ къ ногаямъ, а попалъ на Кучюма. Обманули его свои собственные глаза, обманула неоглядная степь... Слѣзаетъ Карача съ коня, бросаетъ свою пику на землю и говоритъ:

— Некуда мнѣ больше бѣжать, Ханъ-Сеидъ... Веди меня къ Кучюму, пусть онъ сниметъ съ меня голову: не нужна она мнѣ.

— У хана Кучюма такое же безжалостное сердце, какъ и у тебя,—говоритъ Ханъ-Сеидъ.— Ты—кремень, онъ—сталь, а когда ударятъ сталь о кремень, то полетятъ искры...

Не слушаетъ ничего мурза Карача, а палъ на землю и говоритъ:

— Дѣти мои, дѣти... гдѣ мои сыновья? Ханъ-Сеидъ, два сына были у меня, а теперь я одинъ... Одинъ я, Ханъ-Сеидъ, и пусть ханъ Кучюмъ лучше зарѣжетъ меня, какъ барана.

— Такъ было нужно, мурза Карача, кость Тайбуги,—отвѣчалъ съ печалью Ханъ-Сеидъ.— Но ты забылъ о дочери, забылъ о красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ...

Засмѣялся мурза Карача... Что онъ будетъ дѣлать съ красавицей дочерью, когда у него ничего нѣтъ?.. Первый встрѣчный возьметъ его дочь, красавицу Сайханъ-Доланьгэ, уведетъ плѣнницей въ Бухару и продастъ Абдуллѣ-хану въ невольницы,—вотъ что значитъ дочь... Слѣпой Кучюмъ ужъ не думаетъ о красавицахъ, а батырь Махметкулъ въ московской неволѣ,—для чего ему Сайханъ-Доланьгэ?.. Трава въ полѣ—вотъ что такое дочь; вешній ледъ на рѣкѣ—вотъ что такое дочь. Было у него два сына, а теперь онъ одинъ, какъ старый пень въ лѣсу! Лежитъ мурза Карача на землѣ, лежитъ и громко стонетъ, какъ слабая женщина, какъ ребенокъ, потерявшій мать.

— Ты забылъ, что твоя Сайханъ-Доланьге въ рукахъ Кучюма,—говорилъ Ханъ-Сеидъ.—Она теперь его плѣнница...

— Моя дочь? Ты говоришь о Кучюмѣ, который для нея забылъ свою сѣдую бороду?... Что же, пусть беретъ ее силой. Я ему давно это говорилъ. Но ханъ добивается того, чего нельзя сдѣлать противъ желанія: Сайханъ никогда не полюбитъ его. Да и смѣшно думать объ этомъ дряхлому и слѣпому старику...

— Ты ничего не понимаешь, мурза!

— Убей меня, Ханъ-Сеидъ:—мнѣ некуда

идти... Не все ли равно, кто меня зарѣжетъ: ханъ Кучюмъ или ногай.

Ночью провелъ Ханъ-Сеидъ упавшаго духомъ Карачу въ станъ Кучюма и спряталъ въ кибиткѣ Сайханъ-Доланьгэ.

— Пока сиди здѣсь, а тамъ увидимъ...—сказалъ Ханъ-Сеидъ.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ мурза Карача: и самъ онъ еще живъ, и сидитъ въ кибиткѣ своей дочери Сайханъ-Доланьгэ. Впрочемъ, у него только и оставалось на свѣтѣ, что свѣтлые глаза этой красавицы, а все остальное точно развѣяно по вѣтру.

VII.

Старая ханша Лелипакъ-Канышъ попрекаетъ слѣпаго хана Кучюма:

— Что ты все лежишь, Кучюмъ, и нейдешь провѣдать любимаго своего мурзу и совѣтника Карачу: онъ всегда обманывалъ тебя, какъ твои несытые глаза... Карача выискивалъ тебѣ новыхъ наложницъ, онъ тебѣ доставилъ и красавицу Симбулу, и другую красавицу Сузгэ, и готовилъ тебѣ третью, свою родную дочь. Иди утѣшь своего вѣрнаго слугу, который хотѣлъ вмѣсто тебя сѣсть ханомъ въ Искерѣ... Иди

утѣшь Сайханъ-Доланьге, которая все еще не можетъ оплакать уведеннаго въ плѣнъ Махметкула. Всѣ тебя покинутъ, ханъ Кучюмъ, и останусь около тебя одна я, какъ застарѣлая болѣзнь, какъ вторая твоя слѣпота... Что же ты молчишь, ханъ Кучюмъ?

— Ты говоришь правду, Лелипакъ-Канышъ,— отвѣчалъ ханъ Кучюмъ, качая головой.—Твой языкъ, какъ степная колючая трава, колетъ мои слѣпые глаза. Мнѣ было бы легче, еслибы ты говорила неправду.

— Богъ тебя наказалъ за мои слезы, ханъ Кучюмъ...Да развѣ я одна плакала отъ твоей желѣзной руки? Сколько матерей осиротилъ ты сколько молодыхъ женщинъ осталось вдовами; и старики; и дѣти проклинаютъ твое имя, которое носилось по степи, какъ ядовитая зараза... Я тебя проклинаю, ханъ Кучюмъ; проклинаю за свою материнскую кровь, за Арсланъ-султана, котораго ты послалъ въ московскую неволю, за двухъ другихъ сыновей, убитыхъ подъ Искеромъ,

Молчитъ ханъ Кучюмъ, трясется его сѣдая голова, а слѣпые глаза не видятъ старой ханши? которая въ неистовствѣ поноситъ мужа всякими худыми словами. И земля, и небо закрыты для стараго хана Кучюма, а осталось одно черное горе...

Старики не слыхали, какъ въ кибитку вошелъ Ханъ-Сеидъ и былъ свидѣтелемъ ссоры. Онъ выслушалъ все, опустивъ свои святые глаза, а потомъ взялъ слѣпаго хана Кучюма за руку и вывелъ изъ кибитки. Старая ханша сидѣла на землѣ и, припавъ сѣдой головой къ колѣнямъ горько плакала. Въ кибитку опять вошелъ Ханъ-Сеидъ и сказалъ:

— Лелипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана, я все слышалъ. Слышалъ и то, чего не сказалъ твой языкъ, и скажу тебѣ то, что чуетъ твое материнское сердце.

Но, прежде чѣмъ говорить, Ханъ-Сеидъ опять замолчалъ, чтобы старая ханша впередъ выплакала свое горе. Пока она плакала и жаловалась святой старикъ молился, поднявъ руки кверху. Много женщинъ плакало по татарскимъ улусамъ стойбищамъ и ауламъ, и всѣмъ имъ было тяжело.

— Я слушаю, Ханъ-Сеидъ,—говорила Лелипакъ-Канышъ, не вытирая катившихся по сморщенному лицу слезъ.

— Слушай, дочь Шигай-хана... Не я тебѣ говорю, а говоритъ пророкъ. Томится въ неволѣ твой сынъ Асланъ-султанъ, а другая неволя уже готова Абдулъ-Хаиру. Такъ нужно, Лелипакъ-Канышъ! Ты стоишь впереди всѣхъ, и твое

горе бѣжитъ впереди всѣхъ. Два сына у тебя убито подъ Искеромъ, будетъ твой послѣдній сынъ, красавецъ Алей, ханомъ въ Искерѣ, но ты будешь оплакивать его голову. Старый ханъ Кучюмъ будетъ счастливъ, что не увидитъ своими слѣпыми глазами послѣдняго горя... Три сына убитыхъ, два въ неволѣ, а ты стара, Лелипакъ-Канышъ, и твое сердце затворилось давно. Ты, дочь Шигай-хана, какъ великая рѣка Обь, покрытая льдомъ. Вотъ, что я скажу тебѣ ханша, потому что такъ нужно... Гордилась ты своими пятью сыновьями, а останется одно твое старое горе, и твое сердце заплачетъ кровавыми слезами. Да, заплачетъ мать, а ханша будетъ радоваться: великая радость умереть за родину... Такая кровь пролилась за святое дѣло. Вотъ что я тебѣ говорю, дочь Шигай-хана, и укрѣпится твое сердце до конца: оно крѣпче Искера. Твоя весна улетѣла и твои глаза не увидятъ новыхъ сыновей, а ханъ Кучюмъ останется безъ племени. Кто будетъ продолжать его волчью кость? Когда Кучюмъ умретъ, кто выдетъ въ поле противъ враговъ? Слушай, дочь Шигай-хана: ты смѣялась надъ красавицей Сайханъ-Доланьгэ, а теперь пойдешь къ ней и попросишь—замѣнить ея красотой твою старость. Разгорится сердце хана Кучюма и продолжит-

ся его волчья кость... Оставь свою гордость, Лелипакъ-Канышъ: ты стоишь впереди всѣхъ, и твое горе бѣжитъ впереди всѣхъ.

Пала на землю ханша Лелипакъ-Канышъ, какъ подрубленное дерево, и долго лежала она, какъ мертвая, а святой старикъ опять молился, поднявъ руки кверху. Наступила ночь, когда она очнулась и сказала:

— Ханъ - Сеидъ, ты здѣсь? Веди меня къ Сайханъ-Доланьгэ... Я хочу ее видѣть.

Собрала послѣднія силы старая ханша и пошла за Ханъ-Сеидомъ. Встрѣчавшіеся давали имъ дорогу, а у кибитки Сайханъ-Доланьгэ встрѣтилъ ихъ старый шаманъ Кукджу и шаманка Найдыкъ. Поблѣднѣла красавица Сайханъ-Доланьгэ, когда къ ней въ кибитку вошла старая ханша Лелипакъ-Канышъ и посмотрѣла на нее заплаканными глазами.

— Здравствуй, Сайханъ-Доланьгэ, — сказала ханша. — Видишь, я пришла къ тебѣ... Пусть мужчины уйдутъ, я хочу говорить съ тобой.

Еще сильнѣе поблѣднѣла Сайханъ-Доланьгэ, когда они остались въ кибиткѣ вдвоемъ. Долго молчала Лелипакъ-Канышъ и все смотрѣла на Сайханъ-Доланьгэ.

— Что ты такъ смотришь на меня, хан-

ша?—спросила смущенная Сайханъ-Доланьгэ.— Я боюсь тебя.

— Любуюсь твоей красотой, Сайханъ-Доланьгэ; любуюсь твоей молодостью и точно вижу себя, когда я была молода и красива. Себя я вижу въ тебѣ, красавица! Раньше я ненавидѣла тебя, когда ханъ Кучюмъ ѣздилъ веселиться на Карача-Куль; раньше я желала тебѣ всякаго зла и радовалась, когда твое сердце заплакало о батырѣ Махметкулѣ. Да, все это было, а теперь гордая, старая ханша пришла сама къ красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ. Тебя ненавидѣла жена хана Кучюма, а старая бездѣтная ханша пришла со слезами просить — замѣнить ея старость.

Поблѣднѣла Сайханъ-Доланьгэ, какъ сорванный цвѣтокъ, а Лелипакъ-Канышъ все говорила, говорила то, что ей сказалъ святой Ханъ-Сеидъ.

— Лучше мнѣ умереть...—шептала Сайханъ-Доланьгэ, закрывая свои бархатные глаза. — Я никогда не любила стараго хана Кучюма, а слѣпаго старика ненавижу! Это падаль, которую не будетъ ѣсть даже собаки.. Я ненавижу и тебя, Лелипакъ-Канышъ! Ты, какъ холодная змѣя, заползла въ мою кибитку.!. Не достанется никому моя красота, такъ скажи и Ха-

ну-Сеиду. Не хочу я даже видѣть слѣпаго старика и лучше умру дѣвушкой.

Степная ночь раскинулась синимъ, расшитымъ золотомъ шатромъ надъ стойбищемъ хана Кучюма. Громко рыдаетъ въ своей кибиткѣ Сайханъ-Доланьгэ, а у входа въ кибитку стоятъ Ханъ-Сеидъ и шаманъ Кукджу. Старики долго шепчутся и ждутъ, когда выдетъ Найдыкъ и скажетъ, что можно видѣть Сайханъ-Доланьгэ. Плыветъ по небу молодой мѣсяцъ, гдѣ-то далеко кричитъ ночная птица, а Сайханъ-Доланьгэ все плачетъ... Вышла и Найдыкъ и поманила рукой Кукджу, — двѣ тѣни вошли въ кибитку. Столѣтній Кукджу наклонился надъ красавицей Сайханъ-Доланьгэ и шепчетъ ей:

— Смотри на меня, красавица, пристально смотри и увидишь великое чудо.

Страшно стало Сайханъ-Доланьгэ, но она не можетъ оторвать своихъ бархатныхъ глазъ отъ лица Кукджу. Ахъ, какое старое-старое это лицо, покрытое такими глубокими морщинами, точно земля, растрескавшаяся въ засуху. Заросло оно все волосами, какъ желтымъ мохомъ, и только свѣтятся одни глаза. Смотритъ Сайханъ-Доланьгэ, и смотритъ на нее Кукджу, а синія губы шамана беззвучно шевелятся—онъ шепчетъ свои заклинанія. Чувствуетъ Сайханъ-

Доланьгэ, что ей легче и что горе неслышно отлетѣло отъ нея. Все шепчетъ Кукджу и еще пристальнѣе смотритъ на красавицу, а Сайханъ-Доланьгэ видитъ себя уже матерью. Два ребенка сына смотрятъ въ нее глазами хана-Кучюма. И страшно, и хорошо дѣлается Сайханъ-Доланьгэ, и чувствуетъ она, что любитъ стараго хана, любитъ въ своихъ дѣтяхъ, въ которыхъ проснулась кость стараго хана-Ибака.

— Мнѣ хорошо,—шепчетъ Сайханъ-Доланьгэ и не можетъ очнуться отъ чуднаго сна.

А старый шаманъ Кукджу все шепчетъ и протягиваетъ свои костлявыя, узловатыя руки надъ головой Сайханъ-Доланьгэ, точно столѣтнее дерево простираетъ свои вѣтви надъ молодой зеленой травкой.

— Ты полюбишь стараго хана Кучюма, какъ не любила бы никогда десять лучшихъ батырей, — шепчетъ Кукджу. — Смотри, что будетъ дальше...

Степь. Трава точно вспрыснута драгоцѣнными камнями. Вольная степная птица серебромъ развивается въ воздухѣ. По степи медленно двигается разбившееся кучками татарское войско, а тамъ вдали пылаютъ русскія села и столбы дыма показываютъ кровавый слѣдъ уходящаго войска. Много русскихъ плѣнниковъ

ведутъ татарскіе батыри; отъ богатой добычи не могутъ идти кони, а впереди всѣхъ ѣдетъ старикъ съ бубномъ и громко поетъ славу стараго хана Кучюма и его молодыхъ сыновей-Кучюмовичей. Бьетъ въ бубенъ старикъ и поетъ про молодую ханшу Сайханъ-Доланьгэ, красота которой цвѣтетъ въ ея сыновьяхъ, и о которой поютъ въ святой Бухарѣ, какъ о лучшей степной звѣздѣ, освѣтившей очи стараго хана Кучюма. Проснулась кость хана-Ибака, какъ зерно, брошенное осенью въ сырую землю...

Видитъ свой сонъ Сайханъ-Доланьгэ, сладко дышетъ ея молодая грудь и не можетъ она проснуться, а Ханъ-Сеидъ вводитъ въ палатку слѣпаго хана Кучюма, который руками ищетъ потерянную глазами красоту.

— Я тебя люблю, Кучюмъ...—шепчетъ Сайханъ-Доланьгэ, просыпаясь.

VIII.

Степью идетъ молодой ханъ Сейдякъ, сынъ Едигера; за нимъ несется свѣжее ногайское войско, — въ высокихъ сѣдлахъ скачутъ ногаи, союзники Сейдяка, машутъ длинными копьями и жаждутъ добычи. Пройдетъ въ степи тысяча ногаевъ, а слѣдъ, какъ отъ десяти всадниковъ,—

такъ ѣздятъ ногаи, заклятые враги слѣпаго хана Кучюма, точно волчья стая. Молодымъ орломъ несется ханъ Сейдякъ, хочетъ онъ нагнать слѣпаго хана Кучюма и отмстить ему за смерть отца и дяди. Вмѣстѣ съ жизнью отниметъ Сейдякъ и всѣ награбленныя Кучюмомъ сокровища, и ханскихъ женъ,—и уведетъ въ неволю, какъ простую плѣнницу, ханскую дочь, красавицу Лейле-Канышъ. Зорки глаза у ногаевъ, какъ у ястребовъ, волчье чутье у нихъ, а слѣпой ханъ Кучюмъ хитрѣе ихъ: онъ то впереди ихъ, то назади. Не свою сѣдую голову бережетъ старый ханъ Кучюмъ, а молодое сокровище—Сайханъ-Доланьгэ.

Горе темнымъ лѣсомъ обступило Кучюма, а его сердце радуется—и днемъ радуется, и ночью радуется. Пока ханъ Сейдякъ гонялся за нимъ по степи, старый Кучюмъ подступалъ уже къ Искеру. Немного войска оставалось съ Кучюмомъ, а того меньше засѣло въ Искерѣ казаковъ. Посылаетъ ханъ Кучюмъ развѣдчиковъ каждую ночь и ждетъ своей добычи. Матерый атаманъ Ермакъ не знаетъ, кого ему больше бояться — стараго хана Кучюма или молодаго Сейдяка. Мало казаковъ въ Искерѣ, перебиты атаманы, остается атаманъ самъ-другъ съ Мещерякомъ. Засѣли два атамана въ Искерѣ, какъ

два глаза во лбу, и зорко смотрятъ на немирную татарскую сторону, гдѣ, какъ вѣтеръ по степи, гуляетъ чужая бѣда.

— Нужно выманить московскаго медвѣдя изъ берлоги, — говоритъ мурза Карача хану Кучюму.—Не взять его намъ въ Искерѣ.

— Вымани, если умѣешь,—отвѣчаетъ слѣпой Кучюмъ.—Ты умѣешь обманывать... Ты у меня въ долгу, Карача.

Проглотилъ старый Карача эту обиду и крѣпко задумался. Подъ Искеромъ у него казаки убили двухъ сыновей, а самъ онъ бѣжалъ тогда отъ Ермака, какъ заяцъ. Нужно смыть свой позоръ, а то стыдно смотрѣть въ глаза Сайханъ-Доланьгэ. Молодая ханша не должна стыдиться своего отца. Обманулъ старый Карача атамана Кольцо, обманетъ и Ермака. Тогда онъ просилъ у Ермака защиты противъ ногаевъ, а теперь надо просить защиты отъ хана Кучюма. Сидитъ атаманъ Ермакъ въ Искерѣ, а смерть сама пришла къ нему и говоритъ:

— Нѣтъ тебя храбрѣе, атаманъ Ермакъ... Защити насъ, бухарскихъ купцовъ отъ слѣпаго хана Кучюма, который не пропускаетъ нашъ караванъ съ дорогими товарами. Мы идемъ въ Искеръ...

Бухарскимъ купцомъ нарядился мурза Ка-

рача и безстрашно пришелъ къ Ермаку въ Искеръ. Сгорбился хитрый мурза, и не узналъ его атаманъ Ермакъ. Отуманилъ желѣзную казацкую голову мурза Карача сладкимъ ядомъ своихъ хитрыхъ словъ.

— А гдѣ вашъ караванъ?—спрашивалъ Ермакъ, разсчитывая, что лучше самъ ограбить его.

— На Иртышѣ стоитъ караванъ, недалеко отъ Вагая...

Задумался Ермакъ при одномъ имени Вагая,— унесла эта рѣка у него двухъ лучшихъ атамановъ.

— Ты меня обманываешь! — закричалъ Ермакъ.—Меня ужъ разъ обманулъ проклятый Карача, когда просилъ помощи противъ ногаевъ... И ты тоже зовешь меня на Вагай, гдѣ убитъ Кольцо! Я велю тебя повѣсить...

— Мнѣ все равно, кто меня ни повѣситъ: ты или ханъ Кучюмъ, — отвѣчалъ неустрашимый мурза Карача.—Если ужъ ты боишься Карачи, такъ мнѣ нечего бояться смерти...

— Хорошо, я тебѣ доставлю удовольствіе: если ты меня обманываешь, то я тебя повѣшу рядомъ съ проклятымъ Карачей...

Собрался въ походъ самъ Ермакъ, а мурза Карача ведетъ его къ своимъ въ засаду. Вмѣ-

стѣ они ѣдятъ и пьютъ, вмѣстѣ спятъ, а мысли разныя. Стережетъ Ермакъ бухарскаго купца, какъ свой глазъ, и не знаетъ, что это его смерть. Такъ они пришли къ устью Вагая и выкинулъ ночью Ермакъ станъ на островѣ. Бурлитъ Иртышъ отъ осеннихъ дождей, пѣнится вода въ Вагаѣ, а мурза Карача ждетъ своего часа. Устали казаки, полегли спать, — не спитъ одинъ мурза Карача. Какъ змѣя, выползъ онъ съ острова, рыбой переплылъ черезъ рѣку, а на берегу уже ждутъ его улусники и батыри.

— Теперь можно,—сказалъ Карача.—Я привелъ вамъ Ермака.

Шумитъ Иртышъ, пѣнится Вагай, крѣпко спятъ казаки, а черезъ рѣку на островъ въ бродъ переходятъ татары. Ведетъ ихъ самъ мурза Карача, безстрашный старикъ. Темно на островѣ, какъ въ могилѣ, а татарскія сабли нашли казацкія головы и напились горячей казацкой крови досыта. Обезумѣли съ просонья казаки, когда началась сѣча, а Ермакъ одинъ рубитъ татаръ... Впереди всѣхъ бьется казацкій атаманъ, и валятся кругомъ него татары; мало казаковъ и никто не откликается на атаманскій голосъ—одни лежатъ мертвые, другіе бросились въ воду и утонули. Къ самому берегу прижали татары казацкаго атамана, но

онъ не сдался имъ живымъ, а бросился въ Иртышъ, какъ былъ, въ кованой желѣзной московской кольчугѣ, которую ему послалъ изъ Москвы царь въ подарокъ. Тяжела была царская милость вольному казацкому атаману и пошелъ онъ ко дну, какъ брошенный въ воду дорогой камень. Утонулъ въ Иртышѣ атаманъ Ермакъ; казаки всѣ были перебиты, и только одинъ вернулся въ Искеръ, чтобы передать страшную вѣсть. Три дня и три ночи татары искали утонувшаго Ермака въ Иртышѣ и боялись радоваться. Не вѣрилъ слѣпой Кучюмъ, что погибъ его заклятый врагъ. Только на четвертый день Иртышъ отдалъ тѣло казацкаго атамана, и заплакали слѣпые глаза хана Кучюма отъ радости Три дня и три ночи веселились татары около мертваго Ермака... Женщины приходили издалека, чтобы на мертвомъ выместить смерть своихъ близкихъ. Одинъ Карача сидѣлъ печальный и не радовался: мертвый Ермакъ не воротилъ ему убитыхъ подъ Искеромъ сыновей. Сѣдая голова давила уже плечи стараго мурзы. Когда ханъ Кучюмъ хотѣлъ его наградить, Карача отвѣтилъ:

— Не нужно мнѣ награды, ханъ Кучюмъ... Пусть радуется за меня Сайханъ-Деланьгэ. Ей теперь не будетъ стыдно за отца...

И Сайханъ-Доланьгэ радовалась, позванивая ханскимъ золотомъ. Она любила своего слѣпаго стараго волка, а ханъ Кучюмъ нашелъ въ ней потерянный изъ глазъ свѣтъ. Когда татары радовались смерти Ермака, столѣтній шаманъ Кукджу молчалъ и только качалъ головой: не татары и не ханъ Кучюмъ побѣдили атамана, а побѣдилъ его Иртышъ, буйный сынъ святой Оби.

— Сердится Иртышъ,—бормоталъ Кукджу:— много крови пролито въ Иртышъ...

Слушала старика одна шаманка Найдыкъ, которая попрежнему оставалась при красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ.

Взять Искеръ, послѣ смерти Ермака, ничего не стоило,—казаки ушли за Камень, откуда пришли. Великая была радость, когда татары вступили въ родной Искеръ, и только одинъ ханъ Кучюмъ не могъ видѣть своими слѣпыми глазами того, что потерялъ зрячимъ. Слава о ханѣ Кучюмѣ пронеслась по всей степи, а изъ Ургенджа уже идутъ послы отъ сеида Али-Ходжи: они везутъ богатые дары красавицѣ Лейле-Канышъ.

— Берите ее, если она вамъ нравится, — сказалъ старый ханъ Кучюмъ посламъ.—Одна

у меня дочь... Такъ и скажите сеиду Али-Ходжѣ.

По царски снарядили красавицу Лейле-Канышъ, а провожать ее въ Ургенджъ отправилась сама Лелипакъ-Канышъ: ханской кости Лейле-Канышъ, и нельзя ее отправить въ Ургенджъ одну, какъ привозятъ невольницъ. Тяжело разставаться старой ханшѣ съ Искеромъ, гдѣ она видѣла свои короткія радости, но не раздѣлить сердце на-двое, а о сыновьяхъ она уже довольно плакала. Два сына оставались у нея: красавецъ Алей и Абдулъ-Хаиръ, и оба желали провожать мать и сестру въ Ургенджъ, но старый ханъ Кучюмъ сказалъ красавцу Алею:

— Ты останешься въ Искерѣ, а я пойду въ степь на встрѣчу Сейдяку... Ты еще молодъ, а ноги хитры. Береги пока Искеръ, а я провожу Лейле-Канышъ... Далеко Ургенджъ, чужіе люди въ Ургенджѣ, а у меня одна дочь.

Тяжело было разставаться старому хану Кучюму не съ дочерью, а съ старой ханшей Лелипакъ-Канышъ, которая уходила отъ него навсегда. Много разъ и напрасно обижалъ ханъ старую ханшу и теперь мучила его совѣсть. Ушелъ старый ханъ Кучюмъ въ степь, а красавецъ Алей заперся въ Искерѣ. Лучшее вой-

ско ушло съ ханомъ Кучюмомъ, а ногаи только этого и ждали: въ одну ночь обложили они Искеръ, какъ выпадаетъ осенній снѣгъ.

Страшное дѣло началось, хуже того, когда сидѣли въ Искерѣ казаки: съ обѣихъ сторонъ полилась своя татарская кровь, а свой врагъ не знаетъ пощады!.. Далеко ушелъ въ степь слѣпой ханъ Кучюмъ, не чуетъ его волчье сердце неминучей бѣды, которая облегла Искеръ. Поблѣднѣлъ Алей, когда смерть прилетѣла къ нему на концѣ тонкой ногайской стрѣлы и впилась въ молодое сердце. Бѣжали татары, заняли Искеръ ногаи съ Сейдякомъ, а слѣпой Кучюмъ ищетъ ихъ далеко въ степи...

IX.

Молодой мѣсяцъ на небѣ, молодой ханъ Сейдякъ въ Искерѣ, а въ степи, какъ зимній буранъ, ходитъ слѣпой ханъ Кучюмъ съ своими мурзами, совѣтниками и женами. Двухъ сыновей хана Кучюма убилъ атаманъ Ермакъ; красавца Алея убилъ ханъ Сейдякъ; четвертый сынъ Арсланъ-Султанъ въ московской неволѣ,— оставался пятый, послѣдній сынъ Абдулъ-Хаиръ, какъ зеница ока, да три молодыхъ жены, всѣ три красавицы. Всѣхъ ихъ любитъ старый

ханъ, а всѣхъ больше самую младшую Сайханъ-Доланьгэ, какъ свою молодость, какъ потерянный свѣтъ своихъ ханскихъ глазъ. Побиты два сына у мурзы Карачи, отведенъ въ полонъ богатырь Махметкулъ, а еще много силы у слѣпаго хана Кучюма—цѣлое орлиное гнѣздо онъ водитъ съ собой по степи.

— Погоди, ханъ, не трогай сейчасъ Сейдяка,—совѣтовалъ мурза Карача слѣпому хану Кучюму.—Войной съ ногаями мы не вернемъ убитаго Алея, а придутъ казаки и Сейдякъ не радъ будетъ, что забрался въ Искеръ... Зачѣмъ намъ проливать кровь напрасно?

Предсказанія мурзы Карачи всегда сбывались, какъ худые сны,—хитрый старикъ отлично видѣлъ чужія глупости и только не зналъ о своей головѣ, что ее ждетъ впереди. Сказалъ мурза Карача свое слово хану Кучюму, а на Тавдѣ уже показались казаки. Шли московскіе воеводы, а дорогу показывалъ послѣдній изъ ермаковыхъ атамановъ — Мещерякъ. Широкая эта была дорога, по которой хаживалъ за Камень батырь Махметкулъ, а потомъ пришелъ Ермакъ; холодной слезой пролилась она съ Камня по дремучимъ лѣсамъ въ зеленую степь и необъятное сибирское приволье. Плывутъ воеводы уже къ Иртышу, а молодой Сейдякъ

окапывается въ Искерѣ, какъ забравшійся въ широкую барсучью нору кротъ. Идетъ московская бѣда на ногаевъ, радуется волчье сердце Кучюма... Радуется это сердце и плачетъ за напрасную кровь, которая пролита въ междоусобной войнѣ между татарами. Дѣти одной матери-степи враждуютъ и отдаютъ ее на поруганіе врагу. Но нѣтъ примиренія между костью Тайбуги и костью Ибака, какъ между волкомъ и собакой, и только кровь ихъ льется вмѣстѣ... Такъ думалъ слѣпой ханъ Кучюмъ, сынъ Муртазы, внукъ Ибака, и кровавыми слезами кипѣло его ханское сердце. Закрылся тучами мѣсяцъ на небѣ, облегли казаки высокій Искеръ, а старый атаманъ Мещерякъ рыщетъ кругомъ, какъ поднятый изъ берлоги медвѣдь. Не боятся ногаи московскихъ воеводъ, а Мещеряка, въ которомъ нѣтъ жалости. Выходитъ и заходитъ надъ Искеромъ солнце, шумитъ и стонетъ Иртышъ, поютъ ногайскія стрѣлы, а Кучюмъ стоитъ въ степи у озера Чили-Куль и ждетъ, когда казаки выгонятъ изъ Искера молодаго хана Сейдяка. Недаромъ мучилась въ родахъ Тэсъ-Удуль, жена убитаго Кучюмомъ хана Едигера: храбро отбивается молодой Сейдякъ отъ наступающаго врага... Но плохое счастье у молодаго хана Сейдяка,—онъ, какъ

волчонокъ, попавшій лапой въ капканъ,не радъ и своей молодой храбрости. Даже святой Ханъ-Сеидъ пожалѣлъ храбраго Сейдяка и сказалъ хану Кучюму:

— Ханъ Кучюмъ, помоги Сейдяку... Ты ударишь на московскихъ воеводъ съ тылу, а Сейдякъ выйдетъ на нихъ изъ Искера. Попадутъ казаки между двухъ огней...

— Не могу, Ханъ-Сеидъ,—отвѣчалъ ханъ Кучюмъ, опуская свою сѣдую голову. — Кровь между нами стоитъ... Когда московскіе воеводы выгонятъ Сейдяка изъ Искера, тогда и я ударю на казаковъ. А кость Ибака никогда не сростется съ костью Тайбуги...

Удивили хана Кучюма слова Ханъ-Сеида, а также и то, что его собственные совѣтники промолчали. Неужели онъ, слѣпой старикъ, останется одинъ въ степи?.. Пусть будетъ такъ, какъ будетъ, а онъ, слѣпой ханъ Кучюмъ, не помирится ни съ ногаями, ни съ казаками. Подъ Искеромъ кипитъ жестокая сѣча: бьются московскіе воеводы съ Сейдякомъ, и льется казацкая кровь вмѣстѣ съ ногайской. Но изнемогли ногаи, ворвались въ Искеръ казаки,—и попалъ въ плѣнъ молодой Сейдякъ, какъ орленокъ съ подбитымъ крыломъ. Ушли ногаи въ свою степь а московскіе воеводы не досчитались головы

послѣдняго атамана Мещеряка...

— Теперь наша очередь, — говоритъ мурза Карача.—Въ Искерѣ намъ не взять казаковъ, а выманимъ ихъ въ степь...

Смѣлѣе голоднаго волка мурза Карача. Съ небольшимъ отрядомъ онъ идетъ прямо подъ Искеръ и задираетъ отдыхающихъ казаковъ. Но крѣпко засѣли московскіе воеводы въ Искерѣ и не поддаются хитрости Карачи. Ждетъ слѣпой Кучюмъ у озера Чили-Куль мѣсяцъ, ждетъ другой, а мурза Карача все еще не показывается.

— Себя обманетъ Карача,—ворчитъ столѣтній Кукджу:—Москва хитритъ...

Каждый день рано утромъ выходитъ столѣтній Кукджу далеко въ степь, припадаетъ къ землѣ ухомъ и слушаетъ: подъ землей слышитъ онъ знакомый стонъ — это жалуется буйный Иртышъ. Нехорошій знакъ, но Кукджу молчитъ, чтобы не смущать напрасно храбрыхъ. Еще будетъ пролито много крови—и чужой, и своей. А слѣпой ханъ Кучюмъ горитъ нетерпѣніемъ помѣриться силой съ московскими воеводами... Около него всѣ три жены и жены его мурзъ и улусниковъ: храбрѣе будутъ биться татары, чтобы не отдать казакамъ самаго дорогого.

— Эй, вы, московскіе вороны! — кричитъ

мурза Карача, гарцуя подъ Искеромъ на своемъ лучшемъ иноходцѣ.—Забрались въ чужое гнѣздо и носу показать не смѣете... Выходите, храбрецы, въ поле, помѣряемся силой. Я убилъ атамана Кольцо, я убилъ атамана Ермака и васъ убью...

Не стерпѣли московскіе воеводы и вышли изъ Искера ночью. Мурза Карача ждалъ ихъ и притворился трусомъ. Побѣжалъ Карача къ Чили-Куль и повелъ прямо казаковъ на самого Кучюма... Но хитрѣе оказались московскіе воеводы: раздѣлили они казаковъ на двѣ части—одна пошла въ погоню за Карачей, а другая съ тыла обходила Чили-Куль.

— Застонала земля, ханъ, — говоритъ столѣтній Кукджу хану Кучюму.—Бѣжитъ Карача, а за нимъ гонятся казаки.

Стоитъ ханъ Кучюмъ на холмѣ и ждетъ послѣдней битвы. Съ одной стороны его поддерживаетъ Ханъ-Сеидъ, а съ другой — шаманъ Кукджу. Татарское войско сошлось у озера, совсѣмъ готовое къ битвѣ. Послѣдній сынъ хана Кучюма, молодой Абдулъ-Хаиръ скрылся въ засадѣ. Все готово; застыло сердце въ груди у робкихъ женщинъ, а земля стонетъ все ближе и ближе... Не видятъ ничего слѣпые глаза стараго Кучюма, но все слышитъ его волчье ухо...

Вотъ горячій скокъ татарскихъ степныхъ лошадей, вотъ дикій крикъ Карачи, лязгъ скрестившихся сабель и стоны раненыхъ. Бѣжавшій отъ казаковъ Карача повернулъ свой отрядъ къ нимъ лицомъ и врубился въ самую середину.

— Молодецъ Карача!...—повторяетъ слѣпой Кучюмъ.—Я слышу, какъ онъ рубитъ казаковъ... Пусть теперь Ураза-Магметъ ведетъ правое крыло на выручку Карачѣ.

Ханъ махнулъ рукой, и киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ полетѣлъ въ битву. Напиравшіе на Карачу казаки дрогнули отъ этого натиска, а передніе ряды попятились. Слышитъ ханъ Кучюмъ, какъ смѣшались казаки, а бѣшеный Ураза-Магметъ рубитъ направо и налѣво. Но что это? Опять собрались казаки и напираютъ на Карачу. Ураза-Магметъ врубился слишкомъ далеко и не можетъ поспѣть на помощь Карачѣ, а старый мурза бьется одинъ противъ пятерыхъ.

— Отчего я не слышу голоса Карачи?—спрашивалъ ханъ Кучюмъ стоящаго около него хана Сеида.—Живъ-ли онъ?

— Нужно выпустить засаду, ханъ...

Второй разъ махнулъ рукой ханъ Кучюмъ, и вылетѣлъ съ своей засадой Абдулъ-Хаиръ, точно пущенная изъ лука стрѣла. Дрогнули

казаки отъ радостнаго татарскаго крика, смѣшались и побѣжали. Радостно крикнулъ и слѣпой ханъ Кучюмъ, услышавъ знакомый побѣдный кликъ, и поднялъ обѣ руки кверху, какъ стоялъ на молитвѣ. Но рано обрадовался слѣпой ханъ Кучюмъ... Обманули его казаки своимъ притворнымъ бѣгствомъ, какъ обманывалъ ихъ раньше мурза Карача: разступились казаки и засада Абдулъ-Хаира пролетѣла дальше, а когда казаки сомкнулись—татарское войско было уже раздѣлено. Отдѣльно бились всѣ: и мурза Карача, и Ураза-Магметъ, и Абдулъ-Хаиръ. Но это была еще только половина бѣды: изъ-за озера поспѣвала казацкая засада, вихремъ летѣвшая прямо на холмъ, гдѣ стоялъ самъ ханъ Кучюмъ.

— Бѣжимъ, ханъ! — кричалъ Кукджу, подводя Кучюму верховую лошадь.

— Я не хочу бѣжать, когда другихъ бьютъ...— отвѣчалъ неустрашимый ханъ.—Пусть и меня убьютъ!...

Поздно замѣтилъ мурза Карача грозившую хану Кучюму опасность, но все-таки полетѣлъ на встрѣчу казацкой засадѣ, и еще разъ ханъ Кучюмъ услышалъ голосъ храбрѣйшаго изъ своихъ мурзъ. Казаки давно замѣтили ханскую ставку и летѣли къ дорогой добычѣ; дорого бы

далъ бѣлый царь за плѣннаго хана Кучюма... Близко казаки, замолкъ и голосъ Карачи, а ханъ Кучюмъ все не двигается и все стоитъ съ поднятыми руками, ожидая смерти. Разбѣжались всѣ въ страхѣ, и около слѣпаго хана Кучюма остались только: Сайханъ-Доланьгэ, шаманъ Кукджу, да святой Ханъ-Сеидъ. Когда казаки уже вынеслись на холмъ къ ханской ставкѣ, Ханъ-Сеидъ протянулъ свои руки надъ головой Кучюма, и сдѣлались они всѣ четверо невидимыми: слѣпой ханъ Кучюмъ, Сайханъ-Доланьгэ, шаманъ Кукджу и самъ Ханъ-Сеидъ.

Великая бѣда случилась и великое чудо!

X.

Послѣдній сынъ хана Кучюма, молодой Абдулъ-Хаиръ, киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ и старый мурза Карача попали въ плѣнъ, а съ ними вмѣстѣ и двѣ ханши, двѣ красавицы, Симбула и Сузгэ. Остальные были перебиты, уведены въ Искеръ плѣнниками или разбѣжались по степи, какъ зайцы. Пока стояла въ степи кость Ибака, зеленая степная трава еще не видала такого горя... Но этого мало: тѣ, кого не взяли въ плѣнъ казаки, сами пришли въ Искеръ съ повинной. Такъ передался бѣлому

царю старѣйшій изъ ханскихъ совѣтниковъ Чинъ-Мурза, а съ нимъ пришла въ Искеръ неутѣшная Кюнъ-Арыгъ.

— Мнѣ бы хоть одинъ разъ взглянуть на Махметкула, — объясняла мать батыря: — всего одинъ разъ... А больше мнѣ нечего ждать, кромѣ смерти.

Съ честью принимали московскіе воеводы этихъ знатныхъ перебѣжчиковъ и съ честью отправили въ Москву, вмѣстѣ съ плѣнниками и плѣнницами. Лучшій цвѣтъ Искера ушелъ съ ними, и въ степи оставался одинъ слѣпой ханъ Кучюмъ, котораго не могли взять ни хитростью, ни лаской, ни силой. Далеко въ верховьяхъ Иртыша скрывался слѣпой ханъ, а съ нимъ скрывалась красавица - ханша Сайханъ-Доланьгэ. Страшную бурю уносила въ себѣ молодая ханша съ побоища на Чили-Куль: въ ней, въ Сайханъ-Доланьгэ, таилась рѣка крови, которая должна пролиться, страшная неволя враговъ и зарево пожарищъ. Уносила въ себѣ красавица-ханша и двухъ близнецовъ, двухъ Кучюмовичей. Нѣтъ, не умретъ волчья кровь слѣпаго хана Кучюма, а съ ней не умретъ и заклятая вражда къ русскимъ, ко всякому, кто протянетъ руку въ степь. По вечерамъ долго сидитъ у огонька молодая ханша Сайханъ-Доланьге, сидитъ и

поетъ свою любимую «Пѣсню о соломинкѣ», а слѣпой ханъ Кучюмъ горько плачетъ...

— Было у тебя пять сыновей,—поетъ Сайсанъ-Доланьгэ:—какъ пять пальцевъ на рукѣ.. А теперь не осталось ни одного. Не печалься, мой ханъ: двухъ сыновей рожу я тебѣ, двухъ Кучюмовичей. Огнемъ пройдетъ кость Ибака по степи...

Бережетъ слѣпой ханъ Кучюмъ молодую ханшу, а ихъ обоихъ берегутъ Ханъ-Сеидъ и шаманъ Кукджу, какъ двѣ схватившихся руки. Четверо ихъ, и никого они не боятся: пусть отдохнетъ ханъ Кучюмъ, пусть поетъ свои пѣсни Сайханъ-Доланьгэ. То въ лѣсу они живутъ, то въ степи, а больше всего любитъ молодая ханша крутой берегъ пѣнистаго Иртыша. Здѣсь нашелъ Кучюма посолъ московскихъ воеводъ изъ Искера и сказалъ:

— Ханъ Кучюмъ, лучше тебѣ покориться бѣлому царю, чѣмъ одному скитаться въ степи... Твои сыновья и жены въ плѣну, мурзы и совѣтники перебиты или тоже въ плѣну; не на что тебѣ больше надѣяться. А бѣлый царь тебя пожалуетъ своей милостью, какъ и другихъ хановъ и князей...

— Бѣлый царь—мой братъ, и я не отдавалъ ему сибирскаго царства,—гордо отвѣчалъ ханъ

Кучюмъ.—Если у меня взяли силой Искеръ, то это такъ нужно: Богъ великъ. Такъ и скажите моему брату, бѣлому царю! Когда я былъ въ счастьи, то не хотѣлъ ему покориться, а въ несчастіи покоряются только трусы.

Посолъ посмотрѣлъ на слѣпаго хана съ сожалѣніемъ, но Ханъ-Сеидъ сказалъ ему:

— Ты рано пожалѣлъ хана Кучюма... Да. Онъ сильнѣе вашихъ московскихъ воеводъ. Оставайся до вечера и самъ увидишь.

Улыбнулся посолъ словамъ ханскаго совѣтника, но все-таки остался посмотрѣть на силу слѣпаго хана Кучюма. Это было на крутомъ берегу Иртыша,—правый берегъ крутой, а лѣвый разлегся степью. Сидитъ посолъ у ханской ставки и видитъ: вышла молодая ханша Сайханъ-Доланьгэ на берегъ, переплыла пѣнившуюся рѣку на деревянномъ плоту и пошла въ степь. Идетъ красавица-ханша по степи, рветъ траву и полными горстями бросаетъ по обѣ стороны. За ней идетъ шаманъ Кукджу и шепчетъ заклинанія надъ сорванной травой.

— Ты видишь, что дѣлаетъ красавица-ханша?—спрашиваетъ Ханъ-Сеидъ.

— Вижу: ходитъ по степи да рветъ траву...

— Смотри теперь, что будетъ дальше.

— Смотрю...

Долго ходила Сайханъ-Доланьгэ по степи, пока не исчезла изъ виду. А посолъ все смотритъ... Пропалъ вмѣстѣ съ ней и столѣтній шаманъ Кукджу. Тогда Ханъ-Сеидъ поднялъ обѣ руки кверху, закрылъ глаза и дунулъ въ степь. Свершилось великое чудо на глазахъ посла: зашевелилась сорванная ханшей трава, какъ живая... Гдѣ-то ударили въ большой бубенъ—и вышли большіе люди; ударили въ малые бубны—вышли простые джигиты. Сколько сорвано было ханшей травы, столько вышло въ поле и джигитовъ. Весело развѣваются конскіе хвосты на высокихъ копьяхъ, ржутъ кони, бьютъ бубны, а войско все прибываетъ... Насколько хваталъ глазъ — вездѣ изъ земли выходили джигиты. Страшно стало послу, а Ханъ-Сеидъ опять поднялъ руку кверху, дунулъ — и войско пропало.

— Иди въ Искеръ и скажи своимъ воеводамъ, что видѣлъ своими глазами, — объявилъ ему Ханъ-Сеидъ.—Много еще силы у слѣпаго хана Кучюма...

Такъ и сказалъ посолъ въ Искерѣ, а воеводы распустили слухъ, что ногаи зарѣзали слѣпаго хана. Не правда это: живъ старый ханъ Кучюмъ и сейчасъ, онъ бродитъ по степи съ невидимымъ войскомъ. Гдѣ онъ прошелъ—тамъ лежитъ трава, сорванная ханшею Сайханъ-

Доланьгэ. Одинъ онъ остался, потому что одинъ не измѣнилъ своей матери-степи и искалъ честной смерти въ открытомъ бою съ врагомъ. Вотъ почему, гдѣ будетъ въ степи стоять кошъ и гдѣ будетъ куриться живой огонекъ, тамъ будетъ пѣться и слава старому хану Кучюму, красавицѣ-ханшѣ Сайханъ-Доланьгэ и грознымъ Кучюмовичамъ!

